

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

Том 27 № 3 (2019)

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3

<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал

Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Иberoамериканских исследований экономического факультета РУДН, директор Института Латинской Америки РАН, член научного совета при Совете безопасности РФ и научного совета при Министре иностранных дел РФ

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Члены редакционной коллегии

Бруно С. – доктор наук, профессор Университета Мессины (Мессина, Италия), Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. – доктор наук, профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Дантас А.Т. – доктор наук, профессор департамента экономического развития экономического факультета, председатель Центра исследования Америки Университета штата Рио-де-Жанейро (Рио-де-Жанейро, Бразилия)

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия)

Кенан К. – доктор наук, профессор Университета Париж III Новая Сорбонна (Париж, Франция)

Кулаков М.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран экономического факультета МГУ (Москва, Россия)

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Мадиярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета РУДН (Москва, Россия).

Реджепаджич С. – профессор экономики, Университет Лазурного Берега (Ницца, Франция)

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета СПбГЭУ (Санкт-Петербург, Россия)

Стрыкаевич Т. – профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета имени Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии (Москва, Россия)

Тургель И.Д. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Турнуа Н. – доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Школяр Н.А. – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва, Россия)

Ярыгина И.З. – доктор экономических наук, профессор, заведующая базовой кафедрой Газпромбанка «Экономика и банковский бизнес» МГИМО (Москва, Россия)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика – это научный журнал общео экономического содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала:

- вопросы экономической теории;
- аспекты продвижения экономических реформ в России и других странах СНГ;
- проблемы экономической интеграции и глобализации;
- задачи экономик развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- аспекты экономики отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала – профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 22.11.2019. Выход в свет 29.11.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,90. Тираж 500 экз. Заказ № 1104. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 27 NUMBER 3 (2019)

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Davydov V.M., corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Ibero-American Studies Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Scientific Committee under the Security Council of the Russian Federation and Scientific Council under the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Reshetnikova M.S., PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EXECUTIVE SECRETARY

Kononova Yu.A., PhD (Economics), Senior Lecturer, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina (Messina, Italy), Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University (Cambridge, USA)

Dantas Aléxis Toribio – Doctor of Economics, Full Professor of the Department of Economic Evolution, the Economic Science Faculty, Coordinator of NUCLEAS (Núcleo de Estudos das Américas), State University of Rio de Janeiro (Rio de Janeiro, Brazil)

Goussakov N.P. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

Guichard Jean-Paul – Full Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Kulakov M.V. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Laboratory for the Study of Socio-Economic Problems of Emerging Countries, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Lavrov S.N. – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

Madiyarova D.M. – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev (Astana, Kazakhstan)

Moseikin Y.N. – Doctor of Economics, Full Professor, Dean of the Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

Quenan Carlos – Doctor of Economics, Full Professor, The New Sorbonne University (Paris, France)

Redžepagić Srdjan – Research Professor, Professor of Economics, University Côte d'Azur (Nice, France)

Rekord S.I. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

Shkol'yar N.A. – Doctor of Economics, Full Professor, Leading Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Strykiewicz Tadeusz – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznań (Poznań, Poland)

Tkachenko M.F. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Department of International Economic Relations, Russian Customs Academy (Moscow, Russia)

Tournois Nadine – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Turgel I.D. – Doctor of Economics, Full Professor, Deputy Director for Research, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Yarygina I.Z. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of Economy and Banking Department, MGIMO University (Moscow, Russia)

Ziyadullaev Nabi – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher of Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets;
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal – professional economists, high school teachers, postgraduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

- Kuchma N.S.** US – China trade war: reaction of stock exchanges to the transformation of the foreign policy agenda (Торговая война между США и Китаем: реакция фондовых бирж на трансформацию внешнеполитической повестки) 415
- Варганова М.Л.** Влияние экономической доступности продовольствия на структуру потребления и здоровья нации 429
- Гомонов К.Г., Сипакова П.О., Чапурная А.П.** Внедрение микрогенерации и энергосберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики: зарубежный опыт и Россия 442
- Гусаков Н.П., Маслова М.В.** Россия и Казахстан: диапазон и динамика отношений в условиях возрастания взаимозависимости национальных экономик 455
- Мальцева О.А., Хромова Н.Г.** Современные мировые тенденции алмазного рынка и их влияние на развитие алмазно-бриллиантовых комплексов России и Индии 466
- Расулинежад Э., Сабри П.** Будущие экономические сценарии экономик Ирана и России в условиях резких колебаний мировых цен на нефть и санкций 479
- Федякина Л.Н.** Финансовое положение стран – членов ЕАЭС: дефициты и профициты, возможности и риски 492
- Чэн И.** Сокращение площади обрабатываемых земель в Китае и его роль в обострении продовольственной безопасности в стране 514

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

- Bekele Y., Regasa G.** Technical efficiency of smallholder malt barley producers in Tiyo district (Ethiopia) (Техническая эффективность малых производителей ячменного солода в районе Тийо (Эфиопия)) 525
- Bogdashev I.V., Apalkova A.A., Votchenko E.S.** Tourism industry in Russia and the EU: are there any consequences of multi-tiered national agenda? (Индустрия туризма в России и ЕС: есть ли последствия многоуровневой национальной повестки дня?) 536
- Groysburt V.S., Maslov A.A.** Overview of iron and steel industry in China in the 20th and 21st centuries: what are the main steps of its development? (Обзор металлургической промышленности Китая в XX и XXI вв.: этапы становления и развития) 551
- Степанова С.В.** Трансграничная туристская мобильность в приграничье: теоретические и практические аспекты 563

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

- Veselko A.A.** Methodical approach to assessing the volume of youth labour migration in the states of the Eurasian Economic Union (Методический подход к оценке объемов трудовой миграции молодежи в государствах ЕАЭС) 576
- Yelikbaev K.N.** Trade in services of member states of the Eurasian Economic Union (Торговля услугами в странах Евразийского экономического союза) 587

РЕЦЕНЗИИ

- Тургель И.Д.** Рецензия на монографию «Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development» (ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.) 604

CONTENTS

ECONOMY OF DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

Kuchma N.S. US – China trade war: reaction of stock exchanges to the transformation of the foreign policy agenda	415
Vartanova M.L. The impact of the economic availability of food in Russia on consumption patterns and health of the nation	429
Gomonov K.G., Sipakova P.O., Chapurnaya A.P. Introduction of microgeneration and energy-saving technologies within the concept of green economy: foreign experience and Russia	442
Gusakov N.P., Maslova M.V. Russia and Kazakhstan: range and dynamics of relations in the conditions of increasing interdependence of national economies	455
Maltseva O.A., Khromova N.G. Current global trends in the diamond market and their impact on the development of diamond complexes of Russia and India	466
Rasoulnezhad E., Sabri P. Future economic scenarios of Iran and Russia under sanctions and oil price shocks	479
Fediakina L.N. Financial situation of the EAEU member states: deficits and surpluses, opportunities and risks	492
Cheng Y. The impact of cultivated land loss on China’s food security in the process of urbanization	514

INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS

Bekele Y., Regasa G. Technical efficiency of smallholder malt barley producers in Tiyo district (Ethiopia)	525
Bogdashev I.V., Apalkova A.A., Votchenko E.S. Tourism industry in Russia and the EU: are there any consequences of multi-tiered national agenda?	536
Groysburt V.S., Maslov A.A. Overview of iron and steel industry in China in the 20 th and 21 st centuries: what are the main steps of its development?	551
Stepanova S.V. Cross-border tourist mobility in borderland: theoretical and practical aspects	563

ECONOMIC INTEGRATION AND GLOBALIZATION

Veselko A.A. Methodical approach to assessing the volume of youth labour migration in the states of the Eurasian Economic Union	576
Yelikbaev K.N. Trade in services of member states of the Eurasian Economic Union	587

REVIEWS

Turgel I.D. Book Review of “Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development” (ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.)	604
--	-----

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-415-428
UDC 339.986

Research article

US – China trade war: reaction of stock exchanges to the transformation of the foreign policy agenda

Nadezhda S. Kuchma

National Research University “Higher School of Economics”
11 Pokrovskii Blvd., Moscow, 109028, Russian Federation

Abstract. Over one and a half years, the attention of investors around the world has been focused on the confrontation of the two largest economies in the world. The aggravation of trade relations between the United States and China was one of the main reasons for the correction of world markets and the general risk aversion. The shifts and changes triggered by this conflict require more considerable attention since they bring about fundamental transformations of the landscape of international relations and the practice of economic interaction not only in relation to the parties to the conflict but also for the whole world, this conflict is not just a confrontation between the two strongest economies of the world, but also a turning point for updating the configuration of the world order.

This article aims to analyze the reactions of US and Chinese stock exchanges in connection with the unfolding of a trade conflict between the two countries and assess the level of adaptability of two economies to external challenges. The methodology of this study bases on the fundamentals of the general economic theory and the general theory of conflict resolution – the research bases on the comparative method. The significant elements composing the scholars' analysis of political reality underlying the conflict is presented as well as stock exchanges' dynamic through the development of the confrontation.

The main conclusion of this study was that this conflict is not just a confrontation between the two strongest economies of the world, but also a turning point for updating the configuration of the world order.

Keywords: USA; China; tariff barriers; trade balance; investments; stock exchanges

Introduction

With the change of administration in the United States in 2017, everyone closely followed the development of communication between two active global players – the United States of America and the People's Republic of China. The reason for this close attention was the rhetoric of the new President Donald Trump, who throughout the entire election period spoke of the need to take action against the People's Republic of China: the politician accused China of a number of violations, including allegations of numerous thefts of American intellectual

© Kuchma N.S., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

property, dumping of prices, protectionist policies in the domestic market of China. Starting from a positive context, the communication of the leaders of the two countries, Donald Trump and Chairman Xi Jinping, today represents not just an economic confrontation, but a clash of two sustainable economic models, one of which is the leader of the economic system of the whole world, and the other has the potential to become equal to it. This is the first large-scale economic confrontation between the United States and China for the first time in the history of US – China relations, the consequences of which are currently unpredictable due to a rapidly changing conjuncture.

Literature review

In connection with only recent actualization of the topic in the international space, studies on the proposed topic are few and often limited to comments by various experts and political scientists on local manifestations of the conflict. Nevertheless, there are a large number of studies describing the features of US – Chinese communication before the period of economic confrontation and analyzing features of the development of the USA and China until 2017. The following texts became important for this study: “China and the Global Politics of Regionalization”¹ by E. Kavalski, who explored the special role of China in the world arena and the significance of the paradigm of “new regionalism” for China’s international activities; “China’s Challenge to US Supremacy: Economic Superpower versus Rising Star”² by John Glenn which reveals the peculiarities of the relationship between the two powers until 2016; and, the books of P. Navarro “Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action”³ and “The Coming China Wars. Where They Will Be Fought and How They Can Be Won”⁴ who is a current advisor of the US President on questions about commerce. The article “US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning”⁵ by O. Vinogradov, A. Salitskiy and N. Semenova and “The USA – China: Trade War Unleashed”⁶ by O. Vinogradov and A. Salitskiy had a major impact on this study since these articles go beyond the standard methodologies for evaluating measures of international trade policy, and also offers an in-depth analysis of actions taking place on the world stage.

¹ Kavalski E. *China, and the Global Politics of Regionalization (The International Political Economy of New Regionalisms)*. Routledge, 2009. 262 p.

² Glenn J. *China’s Challenge to US Supremacy: Economic Superpower versus Rising Star*. Palgrave, 2016. 257 p.

³ Navarro P., Autry G. *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*. Pearson FT Press, 2011. 320 p.

⁴ Navarro P. *The Coming China Wars: Where They Will Be Fought and How They Will Be Won*. Pearson FT Press, 2006. 219 p.

⁵ Vinogradov A.O., Salitskiy A.I., Semenova N.K. *US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning* // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 35–46.

⁶ Vinogradov A.O., Salitskiy A.I. *The USA – China: Trade War Unleashed* // *Historical Perspectives Foundation “Perspectives”*. 2018, 13 August. http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/sshita_kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm (accessed: 09.05.2019).

Methodology

The methodology of this study relies on the fundamentals of the general economic theory and the general theory of conflict resolution. The research bases on the comparative method. The significant elements composing the scholars' analysis of political reality underlying the conflict is presented as well as stock exchanges' dynamic through the development of the confrontation.

Prerequisites of trade war between the US and China

By the time Donald Trump was inaugurated as the forty-five president of the United States of America, the overall picture of trade with foreign partners was as it represents in Table.

Table

The volume of US trade with other countries in 2017, billion dollars

State	Export	Import	Trade balance
China (PRC)	130	505	-376
European Union (EU)	283	435	-151
Mexico	243	214	-71
Japan	68	136	-69
Germany	54	118	-64
The Republic of Korea	48	71	-23
Canada	282	299	-17
Total	1546	2342	-796

Source: Top U.S. Trade Partners Ranked by 2017 U.S. Total Export Value for Goods (in millions of U.S. dollars). International Trade Administration. 13 July 2018.

The overall deficit in the trade balance shows that virtually all of the US industry has lost its competitiveness and has shifted to imported products. This thesis is also confirmed by the dynamics of the US trade balance: since 1976, the US trade balance was in short supply (imports exceeded exports in monetary terms), but from 2009 to 2017, the US trade deficit increased sharply from 500 billion to 796 billion dollars.⁷ Such a relatively rapid transformation of the balance, above all, is a result of qualitative change in the approach of organizing industrial supply/production chains. However, a severe disadvantage of such a transformation is a reduction in the production capacity of a country, since it is often more expensive to produce locally than to produce something abroad.

As follows from Table, China was the leading partner for imports to the United States. At the same time, Chinese exports to the United States by 53% consisted of vehicles (broadcasting equipment, computers, equipment parts) (Figure 1).

“At the same time, a particularly large negative balance of trade with China is of mixed origin: it is known that many Chinese enterprises with foreign participation are only an assembly platform where components and parts imported from East Asia acquire the final product form.”⁸

⁷ Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of Commerce. <https://www.bea.gov/>

⁸ Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 35–46.

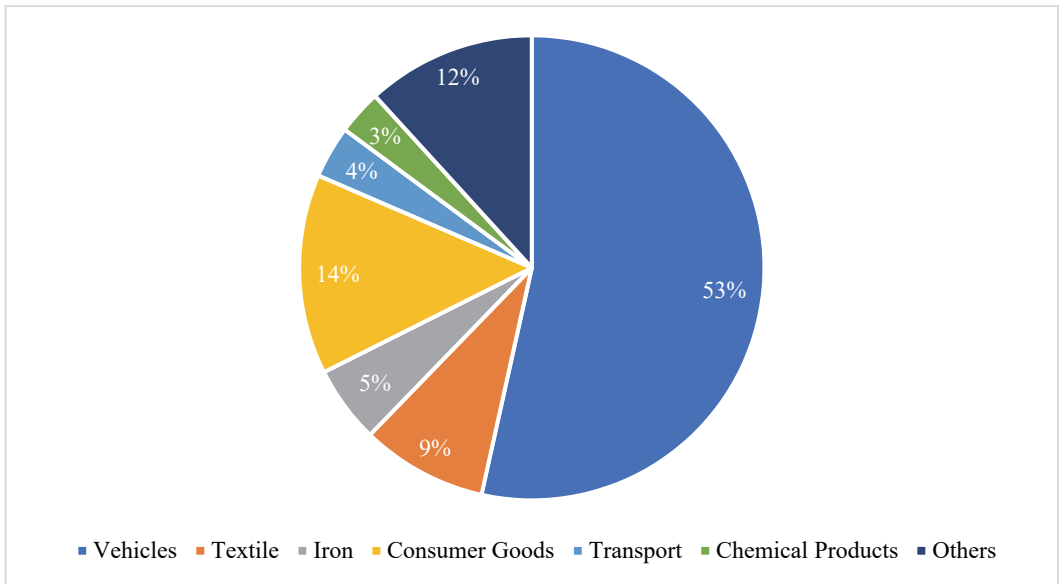

Figure 1. What did the USA import from China in 2017?

Source: The Observatory of Economic Complexity, 2017.

An essential feature of the unfolding trade conflict between the United States and China was the transformation of the political landscape of the United States during the end of Barack Obama's presidential term and the election of a new president. Candidate for the presidency, Donald Trump, in preparation for the elections and primaries, as part of his political program and a potential US political course, actively demonstrated his most active attitude towards China. First of all, he appealed to the fact that China, by artificially lowering the yuan's rate⁹ (due to the undervalued yuan and export subsidies, Chinese goods were cheaper than competitors' goods – and this policy created many imbalances in the global economy, not only in the United States), actually dumped the prices of its goods, which, as a result, leads to “the destruction of American business and the reduction in the number of jobs.”¹⁰ Moreover, as a decisive measure to counter the “Chinese currency manipulation,”¹¹ the future president proposed introducing a 45% tax on Chinese goods to address the trade imbalance between the US and China.¹² Another essential point for American rhetoric was the aspect of the protection of intellectual rights: “This includes stopping China's outrageous theft of intellectual property, along with their illegal product dumping, and their devastating currency manipulation. Our horrible trade agreements with China and many

⁹ The yuan is not a freely convertible currency, and is de facto controlled by the Ministry of Finance of the PRC.

¹⁰ Trump accuses China of 'raping' US with unfair trade policy // BBC News. 2016, 2 May. <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-36185012> (accessed: 12.02.2019).

¹¹ Ibid.

¹² Donald Trump favors high tariffs on Chinese exports // BBC News. 2016, 7 January. <https://www.bbc.com/news/business-35258620> (accessed: 12.02.2019).

others will be renegotiated.”¹³ Besides, the presidential candidate has very harshly criticized the help of previous American leaders (especially the presidential candidate Hillary Clinton and her husband Bill Clinton) in assisting China in adhering to the WTO.¹⁴

The reason for this negative attitude towards one of the leading partners lies in the achievement of the Chinese economy and the Chinese ambitious around transformation of the world market which according to American economists “undermined the American economy.”¹⁵

The logic of the trade war between the US and China

23 March 2018 as part of the fight against the negative deficit in foreign trade, President Trump introduced new duties on the import of aluminum (10%) and steel (25%) for all countries supplying natural resources (with only a few partner countries deferred: Canada, Mexico, Brazil, Australia, EU countries, etc.).¹⁶ However, an essential part of the introduction of new duties is the fact that from 2003 to 2017, steel production in the USA decreased by 13% from 93.7 to 81.6 million tons (for comparison, in the largest producing country, China, the output grew six times to 832 million tons.), and aluminum production in the United States dropped by half: from 1.5 million tons (2003) to 740.9 thousand tons (2017) (China meanwhile increased production five times: from 6 million tons in 2003 to 31 million tons in 2016).¹⁷

Since China was the leading partner in exports to the US of aluminum (13.2%) and steel (3.6%), the measures taken had a rather painful effect on the Chinese industry. And, accordingly, the response measures were taken very quickly – 1 April Beijing raised import tariffs to 25% on 128 items from the USA (including wine, fruits, vegetables, berries, meat) to which Washington responded with new duties on 1,313 items of imported products from China in the amount of about \$45 billion (Figure 2).

The measures taken by the United States seem to be quite understandable in the framework of the current agenda: it is essential to note that these categories have a direct connection with the strategy of the People's Republic of China on internal modernization “Made in China 2025”. However, on the other hand, at the first stage of the confrontation of the United States and China, it can be said that the policy towards China was not favorable for the US economy – since the measures taken by the Chinese side hit the world financial market: as with the introduction of fees, the US stock index futures quotes, the E-Mini futures to

¹³ Donald Trump 2016 RNC draft speech transcript // Politico. 2016. <https://www.politico.com/story/2016/07/full-transcript-donald-trump-nomination-acceptance-speech-at-rnc-225974> (accessed: 12.02.2019).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Navarro P. The coming China wars: Where they will be fought and how they will be won. FT Press, 2006. 219 p.

¹⁶ Swanson A. Trump to Impose Sweeping Steel and Aluminum Tariffs // The New York Times. 2018, 1 March. <https://www.nytimes.com/2018/03/01/business/trump-tariffs.html> (accessed: 12.02.2019).

¹⁷ Counted on data of World Steel in Figures 2003–2017. <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:f9359dff-9546-4d6b-bed0-996201185b12/World+Steel+in+Figures.pdf> (accessed 12.02.2019).

Standard & 500's index, the Dow Jones index futures and the NASDAQ 100 dropped quite sharply.¹⁸ The stock markets of China also experienced a fall: the main index of mainland China Shanghai Composite fell to 3.19%, and the Hong Kong Hang Seng index lost 2.58%.¹⁹ The reason for which was the change in macroeconomic indicators on the market and, as a result, there is a loss of profit, which is unacceptable for a business, as for the support of the economy.

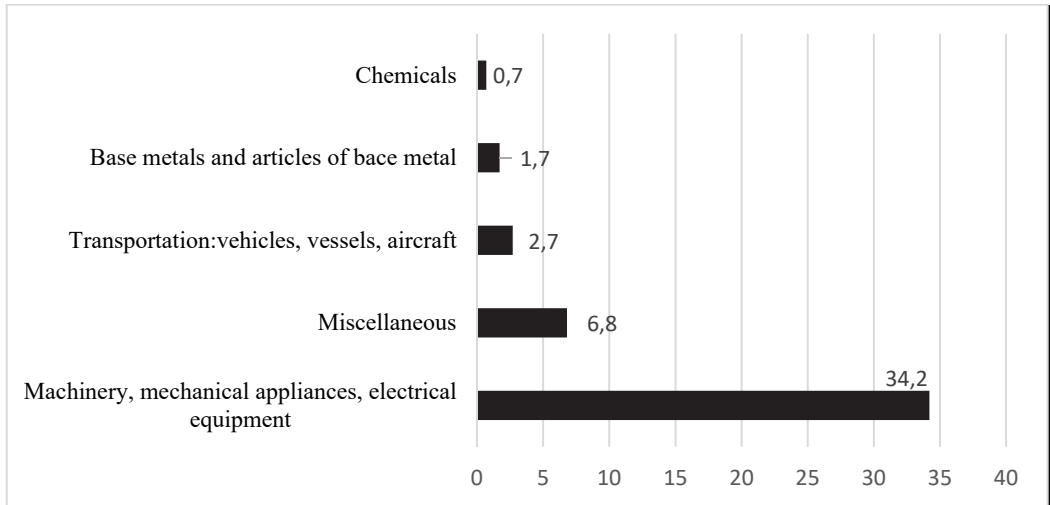

Figure 2. US imports subjects to Trump's proposed tariffs 2018, \$ billion

Source: Notice of Determination and Request for Public Comment Concerning Proposed Determination of Action Pursuant to Section 301: China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation. <https://www.federalregister.gov/documents/2018/04/06/2018-07119/notice-of-determination-and-request-for-public-comment-concerning-proposed-determination-of-action> (accessed: 12.09.2018).

On May 18, 2018, negotiations were held in Washington on the possibilities of solving the trade conflict. As a result of the negotiations, the Chinese side indicated that the parties agreed not to start trade wars and refuse to increase duties on each other's goods. However, Washington did not mention the termination of the trade confrontation, stating that China promised to reduce the trade balance deficit between the countries by \$200 billion by the end of 2020 due to increased exports of goods/services, cancellation of tariffs and quotas for some goods (in mostly food).²⁰ Elaboration of the conflict resolution tool kit the parties agreed to continue the discussion in the middle of June 2–17 at the next negotiations of trade delegations in Beijing. By the time of negotiations, the US President Donald

¹⁸ Nasdaq falls for the fourth straight day and posts the worst start to September since 2008 // CNBC. 2018, 7 September. <https://www.cnbc.com/2018/09/07/us-markets-jobs-report-and-data-in-focus.html> (accessed 12.03.2019).

¹⁹ Chinese markets' 2018 performance was their worst in a decade // CNBC. 2018, 31 December. <https://www.cnbc.com/2018/12/31/china-markets-2018-performance-was-worst-in-a-decade.html> (accessed: 12.04.2019).

²⁰ US – China trade pact is taking shape, with tariff reductions on the table, official says. CNBC. 2018, 18 May. <https://www.cnbc.com/2018/05/18/us-china-trade-deal-on-tariffs-takes-shape-under-trump-administration.html> (accessed: 12.04.2019).

Trump expressed doubts about the success of the negotiations with China, publicly stating that it could not be successful “...because China has become very spoiled. The European Union has become very spoiled. Other countries have become very spoiled because they always got 100 percent of whatever they wanted from the United States.”²¹ Such statements demonstrate a rather aggressive policy of reloading all relations not only with China but with the whole world, and to some extent reaffirming the leading position of the United States on the world stage. Furthermore, as part of the continuation of this idea, Donald Trump announced an increase in the rates of import customs duties on imports from China, but with some changes (with a reduction in the list from 1313 positions to 1102)²² with the next words: “essential to preventing further unfair transfers of American technology and intellectual property to China, which will protect American jobs.”²³

This triggered another drop in the above markets: the exchange of mutual threats between the PRC and the USA, the introduction of new restrictions, and an increase in duties undoubtedly sway the global economy, creating the effect of a funnel and dragging other players there. In such a situation, investors try to stay away from risky assets and prefer to transfer capital into protective tools. A clear proof of this is the parallel strengthening of the Swiss franc, the Japanese yen, as well as a decline in the yield of US Treasury bonds.

On July 6, 2018, “customs tariffs for 818 commodity items of US imports from China (\$34 billion) increased by 25%. Beijing responded with a mirror and an increase of 25% in customs duties on 545 US goods, including airplanes, automobiles, agricultural products (soybeans), fish and seafood, and chemical products (the cost was \$34 billion as in the case of the USA).²⁴

September 24, US President Donald Trump announced the introduction of customs duties on goods from China in the amount of 10% with a total value of \$200 billion annually. Beijing was also warned that if he tried to respond to these duties, an additional package of trade restrictions for \$267 billion would be introduced against him. It should be noted that for American companies whose production was located in China, these duties would not apply.²⁵

By the end of 2018, the situation slightly reduced the degree of tension – the opportunity to change the current confrontation was possible thanks to the meeting of Xi Jinping and Donald Trump leaders on the margins of the G20 Summit. In general, the results of these negotiations can be called productive. Moreover, again, the subject of discussion was the question of postponing the introduction of duties, reducing the trade deficit by increasing exports from the US, this had

²¹ US – China trade pact is taking shape, with tariff reductions on the table, official says. CNBC. 2018, 18 May. <https://www.cnbc.com/2018/05/18/us-china-trade-deal-on-tariffs-takes-shape-under-trump-administration.html> (accessed: 12.04.2019).

²² Trump puts 25% tariff on Chinese goods // BBC News. 2018, 15 July. <https://www.bbc.com/news/business-44498484> (accessed 09/04/2019).

²³ Ibid.

²⁴ Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 35–46.

²⁵ Ibid.

a positive effect on all indices of the indices, which, although they did not return to their original positions, at least stopped falling.

Nevertheless, it is essential to note with what level of stock market falls both countries completed in 2018. Indeed, successful negotiations at the G20 summit reduced the level of anxiety on the stock exchanges of both countries (mainly because the US President agreed to postpone the introduction of new tariff restrictions on 10 and 25% (worth \$200 billion) (Figures 3 and 4).

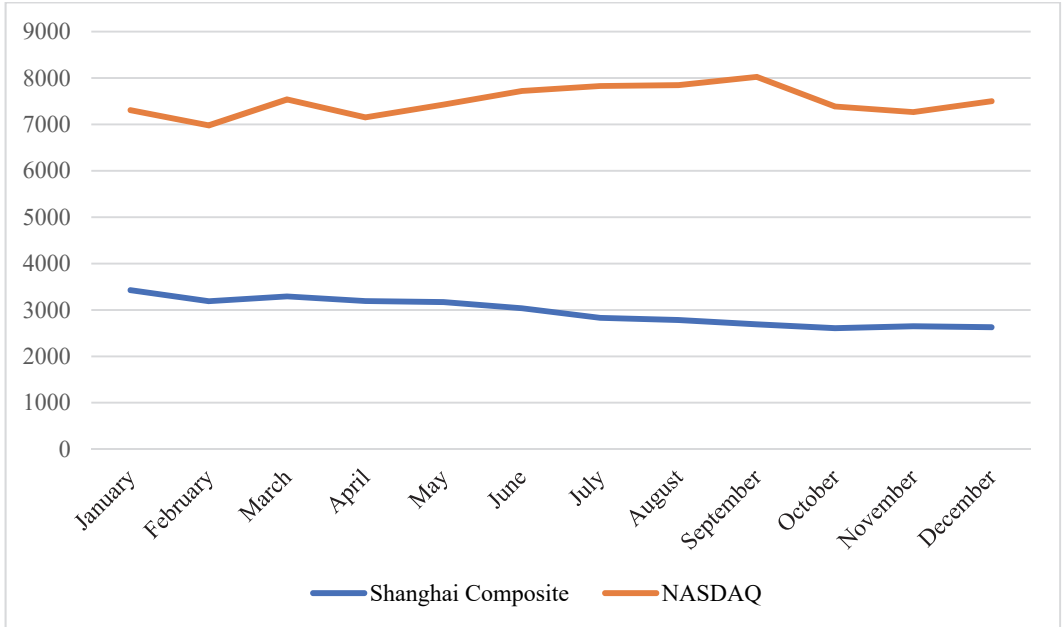

Figure 3. Dynamics of changes in SSI and NASDAQ in 2018 (values are taken every 14th of each month at the time of the opening of the auction)

Source: The Nasdaq Stock Market <https://www.nasdaq.com/> (accessed: 04.04.2019); Shanghai Stock Exchange. <http://www.sse.com.cn/> (accessed: 04.04.2019).

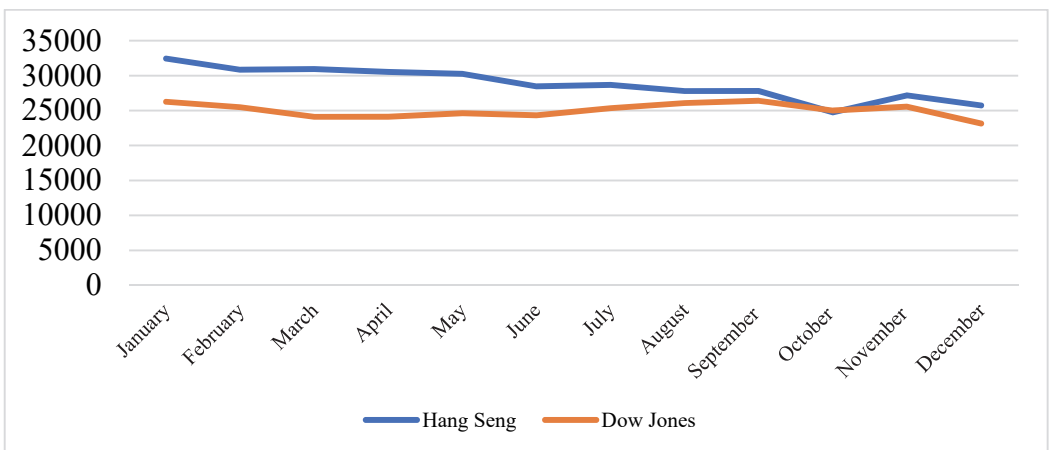

Figure 4. Dynamics of changes in SSI and NASDAQ in 2018 (values are taken every 30–31st of each month at the time of the opening of the auction)

According to Figures 3 and 4, the Chinese stock exchange for 2018 lost 24.6% of its rating due to trade sanctions imposed by the United States. “The stock market is often the barometer of a nation's economic health, and the weakness in China's A-share market reflects the serious troubles in the Chinese economy.”²⁶ This means that China was not ready for aggressive measures from the side of the foreign partner, and suffered a loss primarily in the industrial sector of investments, which by the end of the year had fallen by almost 2% of industrial profits.²⁷

Along with this, there was a specific rise on the American stock exchange by the end of the year, because of the achievements at the summit and the delay in the introduction of a new package of tariff sanctions on China.

The United States issued an ultimatum to China, setting a deadline for concluding bilateral trade on March 2, 2019. Washington even threatened to raise duties on Chinese goods from 10 to 25% (which is in an agreement between the countries to make a deal within 90 days after the meeting at the summit in December). The United States issued an ultimatum to China, setting a deadline for concluding bilateral trade on March 2. Washington even threatened to raise duties on Chinese goods from 10 to 25% (which is in the agreement between the countries to make a deal within 90 days after the meeting at the summit in December). However, after a lot of meetings and consultations, Beijing ultimately abandoned all previously reached agreements and arrangements.

Assessing the situation entirely, it can be assumed that the reason for the refusal was that assurances did not support the US demands for the abolition of all customs sanctions against the United States that the US would not introduce new trade duties of 10 and 25%, which the US President spoke about from December 2018. On May 5, the US president said that from May 10, tariffs would be increased according to the plan, since trade and economic negotiations with China “are moving very slowly.” The increased US duties relate to the volume of Chinese goods at \$250 billion per year (about half of all imports from the PRC), while Beijing has a response duty for \$110 billion of imports of American goods (about 90%).²⁸

May 10, 2019, in the stock markets of mainland China and Hong Kong, significant ups and downs occurred during the day, and they rose sharply in the afternoon after a sharp rise in the morning. Hong Kong's Hang Seng Index rose by almost 2% at the start of trading, and growth narrowed in the afternoon. The Shanghai Composite Index almost lost its morning increase after the opening of the af-

²⁶ Cit. Shanghai's stock index ends in 2018 as the world's biggest loser as trade war, slowing the Chinese economy weigh on confidence // South China Morning Post. 2018, 28 December. <https://www.scmp.com/business/markets/article/2179765/hong-kong-shares-steady-early-trading-after-wall-streets-wild> (accessed 09.04.2019).

²⁷ Wang O. China's industrial profits drop for the first time in three years due to a trade war impact // China Morning Post. 2018, 21 December. <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2179652/chinas-industrial-profits-drop-first-time-three-years-due> (accessed: 09.04.2019).

²⁸ Sino – US trade war: China announced that it would withstand the ups and downs of the Sino – Hong Kong stock market after the introduction of US tariffs // BBC News. 2019, 10 May. <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-48213174> (accessed: 10.05.2019).

ternoon, but then it rebounded sharply and closed at 3.1%.²⁹ Major US stock indices fell by 0.3–0.5% amid aggravated trade relations with China. On Friday night, a duty rate of up to 25% on the import of some Chinese goods to the USA came into force.³⁰

Conclusion

Despite the protectionist measures of the Trump administration, whose main goal was to reduce the trade deficit by imposing tariff restrictions, the US trade balance continues to deteriorate. The deficit in December 2018 increased by 1.7% and amounted to 54.6 billion US dollars.³¹ The problem is that the United States, because of its policy, needs to fill somehow the markets that were previously supplied with goods from China. Nevertheless, it is essential to note that strict protectionism against China has a severe impact on global business as a whole, however, China will suffer most from a trade war, many European companies have already begun to think about transferring production to other countries (Vietnam, India, etc.), so that due to high duties not to lose the American market (for example, Berkshire Brooks Runnings suspended the production of footwear in China, and now is in the process of transferring it to Vietnam precisely because of the imposed tariff restrictions).³² However, the fundamentally harsh position of the Trump administration concerning the PRC is not just an attempt to reduce the US trade deficit, but it also represents a coherent strategy for containing the Asian partner.

China's unwillingness to become dependent on the United States (meaning a rejection of the G2 project) provoked apparent concerns about its position as the United States: the United States, as the vanguard of the world economy, obviously does not want to accept the inclusion of new equal players. Particularly alarming was the internal transformation of China, starting with the “Made in China 2025” strategy, which will actually bring China to the same technological level with the countries of the European Union and the United States, ending with a proposal for a conceptually different economic cooperation system “Belt and Road Initiative”, which challenges the classical methods of doing business in other countries. Improving the investment climate, improving and strengthening the le-

²⁹ US stock market disappointed with the US – China relationship // Stock Market Group. 2019, 10 May. <http://stock-maks.com/fs/40255-fondovyy-rynok-ssha-razocharov-an-otnosheniyami-ssha-i-kitaya.html> (accessed: 10.05.2019).

³⁰ Sino – US trade war: China announced that it would withstand the ups and downs of the Sino – Hong Kong stock market after the introduction of US tariffs // BBC News. 2019, 10 May. <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-48213174> (accessed: 10.05.2019).

³¹ Scott R.B. Record U.S. trade deficit in 2018 reflects the failure of Trump's trade policies // Economic Policy Institute. 2019, 7 March. <https://www.epi.org/blog/record-u-s-trade-deficit-in-2018-reflects-failure-of-trumps-trade-policies/> (accessed: 10.05.2019).

³² Stempel J. CEO of Buffett-owned Brooks Running moves production out of China, cites tariff threat // The Reuters. 2019, 3 May. <https://www.reuters.com/article/us-berkshire-buffett-brooks-ceo-of-buffett-owned-brooks-running-moves-production-out-of-china-cites-tariff-threat-idUSKCN1S91DU> (accessed: 10.05.2019).

Warren Buffett says the US – China trade war would be 'bad for the whole world' // The Reuters. 2019, 6 May. <https://economictimes.indiatimes.com/markets/stocks/news/warren-buffett-says-us-china-trade-war-would-be-bad-for-the-whole-world/articleshow/69205762.cms> (accessed: 10.05.2019).

gislative framework and in the aspects of protecting China's intellectual property with its high level of adaptability to changing external factors will ensure a high degree of competitiveness.

Nevertheless, the achievements of the Chinese economy were not enough to counter the policy pursued by the US: Paying attention to the dynamics of the American and Chinese indices, we can note the comparative stability of the NASDAQ and Dow Jones indices and the high sensitivity of the Chinese Hang Seng and Shanghai Composite. This indicates that despite the tough protectionism strategy in China, which is obviously negative for the US market, the US government uses domestic resources and tries to compensate for the loss of Chinese investment by reforming the financial system and providing large privileges for its companies, funds, etc. Thus, the US market remains reliable. As the practice of dealing with the consequences in China shows, China obviously shows a lower level of adaptability (for example, Shanghai Composite collapsed by 5.7% after Trump announced that the package of new tariff restrictions would begin on May 10, 2019)³³.

Thus, the very nature of the political reality of the underlying war between the United States and the People's Republic of China lies in the very firm intention of the United States to prevent the PRC from increasing its influence on the United States and on the world stage at any cost (including risking its own business). At the moment, the United States has been able to demonstrate China's weaknesses to the world, reducing the level of confidence in its business environment (accusations of not respecting intellectual property rights and actual theft of technologies and developments from companies entering the Chinese market, protectionism of the PRC domestic market, dishonest tariffs and etc.) – Chinese stock indexes demonstrate this quite clearly. Nevertheless, a rise in US duties on Chinese goods and the continuation of the unfolding of the conflict may lead to a slowdown in the growth of the global economy, and also intensify the redistribution of global financial flows.

References

- BBC News. (2016, 2 May). *Trump accuses China of 'raping' US with unfair trade policy*. <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-36185012> (accessed: 12.02.2019).
- BBC News. (2016, 7 January). *Donald Trump favours high tariffs on Chinese export*. <https://www.bbc.com/news/business-35258620> (Accessed: 12/02/2019)
- BBC News. (2018, 15 July). *Trump puts 25% tariff on Chinese goods*. <https://www.bbc.com/news/business-44498484> (accessed: 09.04.2019).
- BBC News. (2019, 10 May). *Sino – US trade war: China announced that it will withstand the ups and downs of the Sino – Hong Kong stock market after the introduction of US tariffs*. <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-48213174> (accessed: 10.05.2019).
- CNBS. (2018, 18 May). *US – China trade pact is taking shape, with tariff reductions on the table, official says*. <https://www.cnbc.com/2018/05/18/us-china-trade-deal-on-tariffs-takes-shape-under-trump-administration.html> (accessed: 12.04.2019).

³³ Nishizawa K., Wang C. *Trump's Trade Tweets Hammer China's Stocks and Currency* // The Bloomberg. 2019, 6 May. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-05/chinese-stocks-may-come-under-pressure-at-reopen-after-holiday> (accessed: 10.05.2019).

- CNBS. (2018, 7 September). *Nasdaq falls for fourth straight day, posts worst start to September since 2008*. <https://www.cnbc.com/2018/09/07/us-markets-jobs-report-and-data-in-focus.html> (accessed: 12.03.2019).
- Counted on data of World Steel in Figures 2003–2017. <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:f9359dff-9546-4d6b-bed0-996201185b12/World+Steel+in+Figures.pdf> (accessed: 12.02.2019).
- Glenn J. (2016). *China's Challenge to US Supremacy: Economic Superpower versus Rising Star*. Palgrave.
- Huan Xiang. (1981). On Sino – U.S. Relations. *Foreign Affairs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1981-09-01/sino-us-relations> (accessed: 28.03.2019).
- Kavalski E. (2009). *China and the global politics of regionalization*. 1st ed. Routledge.
- Navarro P. (2006). *The coming China wars: Where they will be fought and how they will be won*. FT Press.
- Navarro P., Autry G. (2011). *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*. Pearson FT Press.
- Nishizawa K., Wang C. Trump's Trade Tweets Hammer China's Stocks and Currency. *The Bloomberg*. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-05/chinese-stocks-may-come-under-pressure-at-reopen-after-holiday> (accessed: 10.05.2019).
- Pillsbury M. (2015). *The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: St. Martin Griffin.
- Politico. (2016). *Donald Trump 2016 RNC draft speech transcript*. <https://www.politico.com/story/2016/07/full-transcript-donald-trump-nomination-acceptance-speech-at-rnc-225974> (accessed: 12.02.2019).
- Scott R.B. Record U.S. trade deficit in 2018 reflects failure of Trump's trade policies. *Economic Policy Institute*. <https://www.epi.org/blog/record-u-s-trade-deficit-in-2018-reflects-failure-of-trumps-trade-policies/> (accessed: 10.05.2019).
- South China Morning Post. (2018, 28 December). *Shanghai's stock index ends 2018 as the world's biggest loser as trade war, slowing Chinese economy weigh on confidence*. <https://www.scmp.com/business/markets/article/2179765/hong-kong-shares-steady-early-trading-after-wall-streets-wild> (accessed: 09.04.2019).
- Stempel J. CEO of Buffett-owned Brooks Running moves production out of China, cites tariff threat. *The Reuters*. <https://www.reuters.com/article/us-berkshire-buffett-brooks/ceo-of-buffett-owned-brooks-running-moves-production-out-of-china-cites-tariff-threat-idUSKCN1S91DU> (accessed: 10.05.2019).
- Stock Market Group. (2019, 10 May). *US stock market disappointed with US – China relationship*. <http://stock-maks.com/fs/40255-fondovyy-rynok-ssha-razocharov-an-otnosheniyami-ssha-i-kitaya.html> (accessed: 10.05.2019).
- Swanson A. (2018, 1 March). Trump to Impose Sweeping Steel and Aluminum Tariffs. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/03/01/business/trump-tariffs.html> (accessed: 12.02.2019).
- The Reuters. (2019, 6 May). *Warren Buffett says US – China trade war would be 'bad for the whole world'*. <https://economictimes.indiatimes.com/markets/stocks/news/warren-buffett-says-us-china-trade-war-would-be-bad-for-the-whole-world/articleshow/69205762.cms> (accessed 10.05.2019).
- Varfalovskaya R.A. (2018). Razvitiye vneshney trgovli Kitaya v usloviyakh globalizatsii i “torgovyykh voy” SSHA [The development of China's foreign trade in the context of globalization and “trade wars” of the USA]. *The Far Eastern Affairs*, 6, 85–91. (In Russ.)
- Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova, N.K. (2019). Ekonomicheskoye protivostoyaniye SSHA i Kitaya: ideologiya, khronologiya, smysl [US – China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 35–46. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>. (In Russ.)
- Wang O. China's industrial profits drop for first time in three years due to trade war impact. *China Morning Post*. <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2179652/chinas-industrial-profits-drop-first-time-three-years-due> (accessed: 09.04.2019).

Article history:

Received: 15.09.2019

Revised: 30.09.2019

Accepted: 12.10.2019

For citation:

Kuchma N.S. (2019). US – China trade war: reaction of stock exchanges to the transformation of the foreign policy agenda. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 415–428. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-415-428>

Bio note:

Nadezhda S. Kuchma, master in Asian Studies, School of Asian Studies, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: n.s.kuchma@gmail.com

Научная статья

**Торговая война между США и Китаем:
реакция фондовых бирж на трансформацию
внешнеполитической повестки**

Н.С. Кучма

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11

В течение полутора лет внимание инвесторов во всем мире было сосредоточено на противостоянии двух крупнейших экономиках мира. Обострение торговых отношений между США и Китаем стало одной из главных причин серьезных изменений на мировых рынках. Изменения и сдвиги, спровоцированные данным конфликтом, требуют самого пристального внимания, поскольку их последствия очевидно приведут к фундаментальным преобразованиям ландшафта международных отношений и практики экономического взаимодействия не только в отношении сторон конфликта, но и всего мира. Цель данной статьи – проанализировать реакции фондовых бирж США и Китая в связи с разворачивающимся торговым конфликтом между двумя странами, а также оценить степень гибкости и адаптации двух экономик к внешним вызовам. Исследование основано на сравнительном методе. Представлены основные элементы, из которых состоит научный анализ политической реальности, лежащей в основе конфликта, а также динамика фондовых бирж в ходе развития конфронтации.

Ключевые слова: США; Китай; тарифные барьеры; торговый баланс; инвестиции; фондовые биржи

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.09.2019

Дата проверки: 30.09.2019

Дата принятия к печати: 12.10.2019

Для цитирования:

Kuchma N.S. US – China trade war: reaction of stock exchanges to the transformation of the foreign policy agenda (Торговая война между США и Китаем: реакция фондовых бирж на трансформацию внешнеполитической повестки) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 415–428. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-415-428>

Сведения об авторе:

Кучма Надежда Сергеевна, магистр востоковедения, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: n.s.kuchma@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-429-441
УДК 339.9

Научная статья

Влияние экономической доступности продовольствия на структуру потребления и здоровье нации

М.Л. Варганова

Институт социально-политических исследований Российской академии наук
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

В настоящее время в России реализуется проект «Демография», в части которого предполагается формирование мотивации людей к здоровому образу жизни, включая здоровое питание. В статье автор раскрывает проблему отсутствия у большинства населения качественных и жизненно важных для здоровья продуктов в повседневном рационе из-за отсутствия возможности приобретать их. Падение доходов и покупательной способности населения смещает продовольственный вектор к потреблению продукции, богатой растительными жирами и сахарами, или обработанной продукции, произведенной из недорогих импортных продуктов. Высокие цены на качественные продукты остаются главным фактором, определяющим структуру потребления и здоровья нации. Качественное полноценное питание является важнейшей составляющей, влияющей на здоровье людей. Здоровье нации должно стать важной государственной программой. В этой связи предприятиям необходимо отталкиваться от региональных особенностей как в части уровня доходов населения и традиций питания, так и возрастного состава целевой аудитории, ибо от качества питания зависит поддержание здоровья нации, долголетие населения и генофонд будущего поколения. Необходимо предпринимать меры по популяризации здорового питания, создавать «отдельные полки» с натуральными продуктами, снижать накрутки на продукты, начиная от акцизов до логических издержек. Вопросы производства экологически чистых продуктов выходят сегодня на первый план. В связи с этим очень востребованы современные технологии в сельском хозяйстве, позволяющие повысить чистоту продуктов.

Ключевые слова: доходы населения; здоровая нация; импортозамещение; покупательная способность; продовольственная безопасность

Введение

В последние несколько лет потребление воспринимается людьми уже не как вопрос осознанных предпочтений, а больше финансовых возможностей. По данным Росстата реальные располагаемые доходы населения по итогам первых шести месяцев 2019 г. снизились на 1,3 % к аналогичному периоду 2018 г. Доходы падают шестой год подряд: по сравнению с 2013 г. к концу прошлого года они уменьшились на 11,1 %. Согласно новой методике

© Варганова М.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

статведомства, с 2014 г. доходы упали на 8,6 %, при этом в 2018 г. был зафиксирован их прирост на 0,1 %. Согласно расчетам Минэкономразвития РФ и Минфин РФ, до конца 2019 г. динамика будет положительной и реальные доходы прибавят 1 %, но даже это не позволит полностью отыграть падение 2017 и 2018 гг. (минус 1,2 % по старой методике), не говоря уже о возвращении на докризисный уровень. Казалось бы, не так много – 1 %, но в первом квартале реальные доходы населения снижались на 2,3 %, поэтому достижение даже этого скромного показателя будет проблематично. При этом одним из драйверов экономики, в том числе и агросектора, Минэкономразвития РФ называет «восстановление потребительского спроса на фоне роста доходов», хотя официальная статистика не отражает падения потребления основных видов продовольствия, очевидно, что люди экономят на продуктах питания, тем более что в целом они не дешевеют, хотя Росстат и фиксирует лишь сезонные понижения цен на отдельные категории.

Обзор литературы

В работе над статьей использовались материалы Росстата, Минэкономразвития РФ, Минздрава РФ, средств массовой информации, а также публикации отечественных ученых и экспертов в области экономического развития, продовольственной безопасности и демографии. Так, вопросам преодоления бедности и сокращения неравенства по доходам и потреблению посвящены труды А.Г. Аганбегяна (2017). В работах С.В. Рязанцева (2019) наиболее комплексно отражены возможности демографического роста в Российской Федерации в условиях регионального неравенства. В рамках исследования также использовались работы М.И. Антюхиной, А.П. Зинченко, А.В. Ермаковой (2015), А.С. Маремукова (2009), В.И. Староверова (2019) и др., в том числе наши собственные (Вартанова, 2018).

Методы и подходы

При проведении исследования применялись методы анализа и синтеза. Большой интерес в работе представляет динамическое изучение уровня доходов населения с последующим выявлением особенностей потребительского спроса и его влияния на рынки продовольствия. Особую практическую значимость будет иметь исследование особенностей качества продуктов питания на здоровье населения. В работе были использованы опросы населения, проводимые коммерческими компаниями, аудиты торговых точек и информация по потреблению из панелей домохозяйств. Такие данные позволяют искать перспективные растущие ниши на падающих рынках.

Особенности потребительского спроса и его влияние на рынки продовольствия

Потребление продуктов питания в России рассчитывается ведомствами исходя из производственных балансов, то есть является «видимым потреблением»: учитывается годовое производство, добавляется импорт, вычитается экспорт, а разница иногда разбивается на личное (в домохозяйствах) и промышленное потребление. Причем, насколько известно, корректировок на

экспорт готовой продукции (например, когда сахар вывозится в виде сладостей) не проводится. В целом этот метод расчета очень удобен, оперативен и не требует дополнительных ресурсов по сбору информации, используется всеми.

Несмотря на то, что уровень дохода сам по себе может не влиять на потребительские предпочтения, определенные тренды связаны с его ростом. В частности, с повышением доходов увеличивается экономическая доступность дорогостоящих продуктов питания: люди могут выбирать рыбу, дорогие виды мяса вместо картофеля и круп.

Следует отметить, что доля продуктов питания, которые продаются по промоакциям, продолжает расти, что негативно влияет на оборот торговли и производителей. Однако без скидок многие товары могут не купить вообще: доходы потребителей по-прежнему падают, а доля затрат на продовольствие уже приближается к 40 %. Однако те, кто выбирает товар не только по цене, задают новые тренды развития продуктового рынка. Так, по данным исследовательской компании Ipsos Comcon, в прошлом году доля россиян, покупающих товары со скидками, составила 50,6 %, тогда как в 2017 г. она была на уровне 45 %, а в 2016 г. – 41 %. В некоторых же категориях FMCG доля продаж по промоакциям достигла 70 % и продолжает расти.

Из данных Росстата и Минсельхоза РФ следует, что по итогам 2018 г. продолжило падать потребление молока и молочной продукции – с 230 до 225,2 кг при рекомендуемой Минздравом РФ норме в 325 кг. В остальных основных категориях, согласно Национальному докладу агроветеринарного ведомства, потребление или осталось на уровне 2017 г., или несколько увеличилось. В частности, на 0,1 кг стало выше потребление мяса – 75 кг при норме в 73 кг, на 1,6 кг – до 105,6 кг – вырос показатель по овощам, хотя это все еще заметно ниже рекомендаций (140 кг). На 1 кг – до 91 кг – повысилось среднее потребление картофеля, причем оно резко упало в результате корректировки Росстатом данных о его производстве после проведенной сельхозпереписи. Так, ранее потребление в 2016 и 2017 гг. оценивалось на уровне 113 кг, а после исправления и пересчета данных составило 90 кг, что как раз соответствует рекомендациям Минздрава. Однако в докладе Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 г.»¹ говорится, что по результатам анализа среднедушевого потребления пищевых продуктов в прошлом году потребление молочных продуктов снизилось на 7 кг, овощей на 3 кг, хлеба и хлебобулочных изделий на 2 кг (по информации Минсельхоза РФ, этот показатель остается на стабильном уровне в 118,3 кг при рекомендованной норме 96 кг). По остальным группам пищевых продуктов потребление не изменилось, по оценкам Роспотребнадзора. При этом ведомство отмечает, что 100 % населения недоедает до нормы картофеля и молочных продуктов, 99,1 % – овощей, 97,3 % – фруктов, 83,1 % – растительного масла. Динамика потребления основных видов продуктов питания в России (таблица) с 2014 по 2018 г. фактически не изменилась, и это стагнация.

¹ О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 г. // Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019. С. 254.

Таблица

Среднедушевое потребление продовольствия в России, 2012–2018 гг.
 [Table. Per capita food consumption in Russia, 2012–2018]

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Норма Минздрава
Хлебные продукты (включая крупы)	119	118	118	118	117	117	118,3	96
Растительное масло	13,7	13,7	13,8	13,6	13,7	13,9	13,9	12
Сахар	40	40	40	39	39	39	39,4	24
Мясо и мясопродукты	74	75	74	73	74	75	75,1	73
Молоко и молочные продукты	246	245	239	233	231	230	225,2	325
Яйца, штук	276	270	267	268	273	279	307	260
Картофель	97	94	93	91	90	90	91	90
Овощи	103	102	102	102	102	104	105,6	140
Фрукты и ягоды	60	63	63	60	60	59	62	100

Источник: составлено автором по данным открытых источников Росстата и Минсельхоза РФ.

Исключения составляют падение по молоку на 7 % и компенсирующий рост в овощах на 6 %. Однако эта динамика не должна вводить в заблуждение, поскольку за эти пять лет значительно выросла доля эконом-сегмента. В мясе потребители переключились с говядины на курицу, в молочных продуктах – с сыров на сырные продукты, в кондитерской отрасли – с шоколада на его заменители или мучные изделия. То есть при практически неизменной емкости рынков ухудшилось среднее качество потребления.

Необходимо также обратить внимание на значительную разницу в ассортименте потребляемого продовольствия между бедными и обеспеченными слоями населения. Первые в основном потребляют овощи и фрукты, выращенные самостоятельно, также в их рационе больше растительного масла, молока, кефира, хлебобулочных изделий, круп низкого ценового сегмента. Обеспеченные семьи приобретают больше сыров, сливочного масла, мяса, кондитерских изделий, магазинных овощей и фруктов, хлебобулочных изделий высокого ценового сегмента. Удельный объем потребления также существенно различается: например, в 2016 г. 10 % наиболее обеспеченных россиян в среднем потребляли 335 кг молока и молочных продуктов на человека, а 10 % наименее обеспеченных – 176 кг.

Если сравнить данные Росстата по покупательной способности на основе среднедушевых денежных доходов за 2013 и 2018 гг., то в целом они коррелируют с показателями потребления. Так, если в 2013 г. среднестатистический житель страны может купить 105,3 кг говядины в год, то в 2018 г. – только 100,7 кг. Зато по свинине этот показатель вырос на 3,3 кг – до 125 кг, по курице – на 8,5 кг – до 245 кг. Более значительно упала покупательная способность по рыбе – с 250,5 до 184,4 кг, также сильно сократился показатель по питьевому молоку – с 630,5 до 522,3 л, сливочному маслу – с 93,6 до 60,7 кг, яблокам – с 395,5 до 335,9 кг. А вот картофель стал более доступным: в прошлом году на средний годовой доход можно было приобрести более 1,2 т – почти на 100 кг больше, чем в 2013 г., аналогично с крупами (плюс 10 кг за пять

лет – до 838,7 кг), сахаром (прирост на 14,5 кг – до 809,6 кг), пшеничной мукой (плюс почти 59 кг – до более чем 1 т).

За последние годы наблюдается рост потребления тех продуктов, производство которых удалось увеличить внутри страны, что сделало их более доступными: это овощи, фрукты, мясо птицы и свинина. Молочная отрасль все еще пребывает в состоянии стагнации, что не позволяет снизить цены на молочные продукты, отсюда негативный тренд потребления. Уровень и динамику потребления определяют физическая и экономическая доступность товаров. Экономически доступнее становятся продукты питания, которые дорожают медленнее других: мясо птицы, свинина, огурцы. Менее доступными в последние годы стали импортные фрукты, говядина. Физическая доступность – это скорее качественный показатель, некоторые товары просто не доходят до рынка сбыта – лучший пример тут рыба. При этом эксперты обращают внимание и на другие факторы, кроме цены и дохода, которые влияют на объем потребления продукции. Например, в Центральной России, где средний достаток традиционно выше, в игру вступают тренды здорового питания, немаловажными оказываются качество продукта, удобный формат, мода. Все большее влияние на рынок оказывает молодежь, люди до 35 лет, которые уже не испытывают трепета перед традициями СССР и придерживаются иных приоритетов в продуктах питания. В частности, молодое поколение отказывается от консервов, животных жиров, сахара в пользу свежих овощей, мясной и рыбной продукции формата ready-to-cook и ready-to-eat (готовый к приготовлению и готовый к употреблению), функциональных молочных продуктов и кондитерских изделий. Для потребителя ценность готовой или полуготовой продукции в свежести и скорости приготовления, для производителя в возможности увеличить глубину переработки и конечную цену, получив дополнительную маржу.

С ростом реальных располагаемых доходов увеличивается потребление полезных продуктов: необработанных овощей и фруктов, красного мяса, морепродуктов, продуктов с меньшим содержанием жиров, крахмалов, сахаров и т.д. По результатам майского исследования ВЦИОМ, за 10 лет доля людей, которые следят за своим питанием, возросла с 44 до 59 % – и это на фоне снижения реальных доходов. Их увеличение, скорее всего, сделает формат здорового питания еще более важным для потребителя. Потенциально может возрасти потребление дорогих продуктов питания: свежей не-дефростированной рыбы, говядины и баранины, фруктов, ягод и овощей (особенно в зимний период), молочной продукции, в частности сыров.

Здоровое питание как важнейшая составляющая здоровья нации

По данным Минсельхоза РФ, за 2016–2017 гг. общее потребление свинины в стране выросло на 350 тыс. т, почти вернувшись на докризисный уровень. Главным драйвером этого стало системное снижение оптовых и розничных цен на свинину и бройлера благодаря устойчивому росту производства и конкуренции. В прошлом году этот тренд развернулся в обратную сторону из-за повышения цен на фоне временного увеличения спроса и снижения предложения. Тем не менее с осени 2018 г. цены стабилизировались, и по-

требление свинины снова стало повышаться. По итогам первой половины 2019 г. среднегодовая цена на свинину может уменьшиться на 5–10 % и оказаться на минимальном за пять лет уровне. Благодаря этому потребление свинины прибавит 5–6 % (в целом 200–210 тыс. т), прогнозирует Национальная служба новостей, причем союз также рассчитывает, что покупательная способность населения перестанет снижаться. Однако в прошлом году в структуре потребления по-прежнему преобладало мясо птицы, которое в силу его большей доступности по цене остается самым востребованным у потребителя. Увеличение предложения на фоне роста производства, а также державшиеся в предыдущие годы низкие цены на куриное мясо и большая доля промоактивности в торговых сетях способствовали достаточно существенному повышению потребления.

Смещение спроса с бройлера на свинину и обратно происходит примерно каждые полгода. Активнее же всего в мясном сегменте растет потребление индейки – спрос на нее переключается с говядины и бройлера, что в том числе связано с позиционированием индейки как более здорового и полезного продукта. Также отмечается новый тренд в секторе – увеличение потребления мяса кролика. Если раньше он наблюдался только в городах-миллионниках, то сейчас распространился на всю Россию несмотря на то, что средняя цена на это мясо составляет почти 400 руб./кг. То есть в принципе покупатель готов пробовать что-то новое и выбирать, в том числе на волне тренда ЗОЖ (Антюхина, 2012).

Из-за роста на рынке доли сетевого ритейла сокращается потребление продукции ноунейм и мелких фасовщиков, которые не выдерживают конкуренции с крупными производителями. Параллельно снижается потребление продукции собственной торговой марки (СТМ), поскольку у покупателя растет запрос на качество и разнообразие, а СТМ преимущественно представлены продукцией в эконом-сегменте и классом ниже.

Изменилась и продолжает меняться структура потребления: средний чек стабилен, но вес покупки снижается, также повышается доля штучной продукции и нарезки. Основным фактором этого является переориентация покупателей с гипермаркетов на активно развивающийся формат «магазин у дома», что увеличивает частоту покупок. Поколение Y также вносит свой вклад в изменение модели потребления мясной категории: молодежь почти не покупает продукты с весовой витрины из-за нежелания общаться с продавцом и заказывает продукты через интернет.

Общие тренды FMCG – это стремление к здоровому образу жизни, экологичности, которые постепенно приходят и в категорию мяса. Из-за отсутствия свободного времени и интенсивного образа жизни в мегаполисах повышаются затраты потребителей на полуфабрикаты из птицы, существенно увеличиваются категории разделки и кулинарии (фарши, котлеты, колбаски и др.). За четыре года категория разделки в ключевых сетях в среднем выросла в объеме на 35 %, а категория кулинарии – почти в два раза. Лидером по динамике является ЦФО, но и в других регионах эти тренды явно прослеживаются: наблюдается как расширение данных категорий продукции, так и активная работа производителей с ассортиментом и новыми продуктами.

Потребление картофеля и овощей открытого грунта относительно стабильно, поскольку наряду с крупами они входят в группу товаров первой необходимости. Рынок овощей и фруктов продолжит усложняться и диверсифицироваться, что приведет к росту цен в среднем и премиальном сегментах. Потребление яблок в России также стабильно, при этом есть продукты, замещающие их, аналогичные по доступности. Главный конкурент – бананы, а также груши и апельсины, отсюда парадокс: цена на яблоки значительно зависит от стоимости бананов. По-прежнему основной проблемой российского рынка яблок является высокая доля импортной продукции. А поскольку из-за эмбарго достаточно качественная импортная продукция оказалась вытеснена с рынка, в условиях нехватки товарного яблока сети и продавцы были вынуждены пустить на рынок верхний сегмент сокового яблока, по сути, по той же цене. Поскольку есть стандарты, задаваемые импортным яблоком и сетями, потребитель начинает лучше разбираться и в качестве яблок, оценивает внешнее и вкусовое соответствие сорту. То есть на рынке яблок формируется полноценный средний – средний⁺ сегмент. Тенденция на ЗОЖ приведет к росту потребления свежих фруктов, и с этой точки зрения яблоки остаются самым доступным здоровым фруктом, поэтому их потребление будет расти (Зинченко, Ермакова, 2015).

Российский молочный рынок стагнирует третий год подряд: по данным Nielsen, продажи в натуральном выражении с мая 2018 по апрель 2019 г. по сравнению с аналогичным предыдущим периодом снизились на 0,4 % в натуральном выражении, хотя в денежном был прирост на 1,8 %. На динамику продолжает негативно влиять уменьшение продаж традиционной молочной продукции (молоко, творог, кефир, масло, сметана, сливки), которая составляет 75 % денежного объема рынка. При этом продажи современной молочной продукции растут на 0,8 % в натуральном выражении и на 4,1 % в денежном. Наиболее значительное увеличение отмечается в категориях творожных десертов, ложковых и питьевых йогуртов. Рост обеспечивают промоакции, увеличение ассортимента в магазинах и успешные новинки. По оценке Nielsen, около 50 % продаж на рынке молочных продуктов происходят по промоакциям, и эта доля продолжает расти. В 2018 г. на фоне негативного медийного фона вокруг молочной отрасли, связанного с фальсификациями молочных продуктов, а также снижения реальных располагаемых доходов население стало потреблять меньше сложных молокоемких, а потому более дорогих продуктов.

К сожалению, на настоящий момент явных предпосылок для роста реальных располагаемых доходов населения нет (Аганбегян, 2017). По итогам года динамика может оказаться нулевой. И пока доходы не растут, поддерживать объемы продаж продовольствия можно за счет удешевления конечной продукции (добавления жиров, сахаров и крахмалов), реализации по промоакциям, а также дальнейшего расширения магазинов-дискаунтеров вместе со снижением среднего чека. Крупный бизнес должен снижать долю продукции, продаваемой по промоакциям. Мы очень близки к точке невозврата (если уже не прошли ее), когда население делает покупки практически только по промоакциям. Это крайне негативная ситуация как для производителей, по-

сколькo теряется лояльность потребителей к бренду, так и для ритейлеров. Промоакция снижает продажи всей категории продукции, так как практически останавливается реализация товаров в данной категории без акции. Число брендов в портфеле потребителей увеличивается в среднем на 5 % в год, если в 2016 г. их было около 267, то в первом квартале 2019 г. – 300.

Кроме того, продукция глубокой переработки может дешеветь из-за изменения рецептур, однако следствием этого становится снижение качества. К счастью, нарастающая ориентация на ЗОЖ и повышение информированности населения делает срок жизни такой производственной стратегии ограниченным. Безусловно, есть добросовестные производители, которые не жертвуют качеством продукции, а ищут другие возможности управления себестоимостью, например, инвестируют в более энергоэффективные технологии или выстраивают систему цифровизации бизнеса, чтобы в долгосрочной перспективе экономить на управленческих, коммерческих, логистических процессах (Вартанова, Дробот, 2019). Для производителей коммодити, то есть базовой, не переработанной, низкодифференцированной продукции, это фактически единственный способ конкурентной борьбы.

Несмотря на доминирование цены как фактора потребления, производство дешевой низкокачественной продукции не должно становиться долгосрочной стратегией бизнеса. Покупатель становится все более избирательным и охотнее купит качественный продукт по акционной цене, чем дешевую продукцию низкого качества. Кроме того, нельзя забывать про молодое поколение, для которого зачастую мода, качество и польза продукции стоят выше по уровню приоритета, чем цена.

В современных реалиях выигрышной стратегией скорее будет повышение внутренней эффективности производства: работа над конверсией корма в животноводстве, над урожайностью, вкусом тепличных овощей и ягод, повышение продуктивности молочного скота и т.д., а также увеличение глубины переработки, выпуск продукции в удобном для покупателя формате (порционная упаковка, готовая к употреблению еда, экологичная упаковка).

Формирование позитивного образа продукта особенно важно в категориях, теряющих популярность из-за дороговизны и нестабильного качества, таких как рыбная и молочная продукция. Сейчас, чтобы побеждать в конкурентной борьбе, нужно знать своих клиентов – и конечных покупателей, и тех, кто выступает каналом распределения, например торговые сети или дистрибьюторские компании. Вкладываться в продвижение или изменять ассортимент без изучения потребностей покупателей бессмысленная трата денег. Только изучив своего потребителя и свои каналы распределения, можно уйти от нескончаемой ценовой войны, в которой нет победителей, и получить возможность по-настоящему управлять финансовыми результатами своей компании.

Заключение

В настоящее время мы наблюдаем тренд на здоровый образ жизни, правильное питание и вообще на осознанное потребление и стараемся менять ассортимент продуктов. Людей, которые следят за своим питанием и качеством еды, становится все больше.

Другой факт, что на цены непрерывно давят снизу разнообразные факторы – от повышения НДС до роста цен на горюче-смазочные материалы и необходимости хоть иногда индексировать оплату труда, чтобы простимулировать показатель реальных располагаемых доходов. Население обеднело, и это факт. И если на фоне непрерывного действия этих факторов происходит снижение цен на определенные виды продукции, это настораживает, ибо нередко это означает, что конкретные участники отрасли, обваливая цену в попытках любыми путями получить еще немного оборотных средств, чтобы продержаться лишние месяц или два и за это время успеть выбить дополнительный кредит из банка, увязшего в проекте еще на инвестиционной фазе. Такие ситуации бьют по всему рынку, лишая маржинальности даже сравнительно благополучных участников. То, что потребление продуктов питания внутри страны не растет, может стать дополнительным стимулом для выхода компаний на экспортные рынки. Хотя часть игроков предпочитает отвоевывать долю внутреннего рынка у конкурентов вместо того, чтобы прикладывать усилия для расширения поставок за рубеж. Возможность экспорта – это прекрасно, необходимость экспорта – это нежизнеспособно. Если предприятие не способно поддержать маржу на собственном рынке, на зарубежном чуда тоже не случится. Те сектора российского АПК, для которых экспорт не печальная необходимость, а прекрасная возможность, уже присутствовали на внешних рынках до указа президента об увеличении поставок до 45 млрд. долл. Тем не менее государство может консолидировать усилия отрасли по продвижению продукции на экспорт, чтобы отечественные продукты питания конкурировали с товарами других стран, а не российские поставщики между собой. Приоритетными территориями по сбыту фасованной продукции для России являются страны СНГ, так как только за прошедший год увеличились объемы поставок туда в два раза.

В последние два-три года вывоз продуктов питания почти не увеличивается. И это связано как со сложностью ведения внешнеэкономической деятельности, так и с тем, что маржинальность экспортных продаж часто оказывается ниже внутрироссийских. Развиваться в России можно практически на любом рынке – в стране с населением около 145 млн чел. найдется потребитель. Государству лишь необходимо приложить усилия по решению задач, обеспечивающих динамику материальной базы и технологий сельского хозяйства, а также производственных отношений как системы организационных взаимосвязей его субъектов, обеспечивающих механизмы этой динамики (Староверов, Варганова, 2019).

Скидки также могут казаться более эффективным инструментом в краткосрочной перспективе, чем, например, вложения в рекламу, поскольку человек видит промотовар в точке продаж здесь и сейчас, в то время как реклама больше влияет на построение ценности бренда. Но, используя исключительно промо, можно выиграть в моменте и сильно проиграть в перспективе. Уже к 2020 г. планируется внедрить систему мониторинга за состоянием питания различных групп населения, особенно детей. Система основывается на результатах научных исследований в области нутрициологии, диетологии и эпидемиологии, а также связывает здоровье населения со структурой питания и качеством пищевой продукции.

Особую тревогу вызывает зависимость от импортной продукции. Безусловно, в условиях международной кооперации невозможно отгородиться от внешнего рынка, поэтому условия участия в международной экономической кооперации (в том числе в производстве продуктов питания) должны соответствовать интересам государства (Малая, Малый, 2017). В последнее время во многих странах вызывает серьезное беспокойство использование новых технологий производства сельскохозяйственной продукции с применением достижений геномной инженерии, что влечет выстраивание различных барьеров на пути их проникновения на внутренний рынок (Vartanova et al., 2018). Использование современной техники также способствует повышению качества продукции (Вартанова, Газимагомедова, 2018). На обеспечение продовольственной безопасности направлены и требования к качеству, устанавливаемые в стандартах, иных подобных документах. В целом же необходимость в продовольственной безопасности позволяет как нельзя лучше реализовать принципы общего экономического пространства, максимально задействовав природно-климатические преимущества и производственные возможности государства в сфере сельского хозяйства в целях обеспечения устойчивого демографического развития.

Список литературы

- Аганбегян А.Г.* На пути к цивилизованному рынку // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 7–26.
- Аганбегян А.Г.* Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9 (519). С. 66–84.
- Аганбегян А.Г.* Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России // ЭКО. 2017. № 5 (515). С. 5–22.
- Антюхина М.И.* Качество продуктов питания и продовольственная безопасность Дальнего Востока (аспекты российско-китайской торговли продовольствием) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 3. С. 62–66.
- Вартанова М.Л.* Применение современных технологий в сельском хозяйстве как средство увеличения производительности и минимизации потерь в условиях импортозамещения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 585–597.
- Вартанова М.Л., Газимагомедова П.К.* Приоритетное направление развития сельского хозяйства: обеспечение населения продуктами отечественного производства // Продовольственная политика и безопасность. 2018. Т. 5. № 1. С. 37–46.
- Вартанова М.Л., Дробот Е.В.* Регулирование цифровых финансовых активов и применение блокчейн технологий в сельском хозяйстве // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 1. С. 37–48.
- Зинченко А.П., Ермакова А.В.* Совершенствование структуры сельского хозяйства РФ в процессе реализации государственных программ // Доклады Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2015. № 286-2. С. 186–187.
- Малая Т.Н., Малый А.Ф.* Проблемы обеспечения национальной продовольственной безопасности при формировании единого экономического пространства в странах ЕС и ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 143–146.
- Маремуков А.С.* Агроёмкость национального хозяйства и ее влияния на динамику уровня жизни // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 2. С. 68–74.

О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 г.: государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. 2019. С. 254.

Староверов В.И., Вартанова М.Л. Аграрная политика России: социальная реальность // Молодежь. Семья. Общество. М., 2019. С. 125–130.

Храмова М.Н., Рязанцев С.В. Возможности демографического роста в РФ в условиях регионального неравенства экономического развития // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Серия «Демография. Социология. Экономика». М., 2019. С. 530–535.

Vartanova M., Osadchaya G., Yudina T. The national food security of the member states of the Eurasian economic union // Economic and Social Development Book of Proceedings. 2018. С. 565–571.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.08.2019

Дата проверки: 25.09.2019

Дата принятия к печати: 20.10.2019

Для цитирования:

Вартанова М.Л. Влияние экономической доступности продовольствия на структуру потребления и здоровья нации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 429–441. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-429-441>

Сведения об авторе:

Вартанова Марина Львовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник центра исследования процессов евразийской интеграции, Институт социально-политических исследований Российской академии наук. E-mail: 11marina11@mail.ru

Research article

The impact of the economic availability of food in Russia on consumption patterns and health of the nation

Marina L. Vartanova

Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences
6 Fotievoj St., bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract. Currently, Russia is implementing the project “Demography”, which involves the formation of motivation of people to a healthy lifestyle, including a healthy diet. In the article the author reveals the problem of the lack of quality and vital for health products in the daily diet of the majority of the population due to the lack of opportunities to purchase them. Falling incomes and purchasing power of the population shifts the food vector to the consumption of products rich in vegetable fats and sugars or processed products made from inexpensive imported products. High prices for quality products remain the main factor determining the structure of consumption and health of the nation. In this regard, enterprises should start from the regional characteristics both in terms of income levels and dietary habits, and age composition of the target audience, because of the quality of food depends on maintaining the health and longevity of the population and the gene pool of future generations.

It is necessary to take measures to promote a healthy diet, create “separate shelves” with natural products, reduce cheating on products, ranging from excise duties to logical costs. Issues of production of environmentally friendly products come to the fore today. In this regard, modern technologies in agriculture are in great demand today, allowing to increase the purity of products.

Keywords: incomes of the population; healthy nation; import substitution; purchasing power; food security

References

- Aganbegyan A.G. (2017). Agriculture-locomotive of social and economic growth of Russia. *ECO*, 5(515), 5–22.
- Aganbegyan A.G. (2017). Overcoming poverty and reducing income and consumption inequality in Russia. *ECO*, 9(519), 66–84.
- Aganbegyan A.G. (2018). On the way to a civilized market. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (1), 7–26.
- Antyukhina M.I. (2012). Food quality and food security of the Far East (aspects of Russian-Chinese food trade). *Economics of agricultural and processing enterprises*, (3), 62–66.
- Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing. (2019). *O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii v 2018 g.* [On the state of sanitary and epidemiological welfare of the population in the Russian Federation in 2018]: state report (p. 254). Moscow.
- Khramova M.N., Ryazantsev S.V. (2019). Vozmozhnosti demograficheskogo rosta v RF v usloviyakh regional'nogo neravenstva ekonomicheskogo razvitiya [The possibility of population growth in Russia in terms of regional disparities economic development]. *Natsional'nyye demograficheskiye prioritety: novyye podkhody, tendentsii. Seriya: Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika* [National population priorities: new approaches, trends. Series: Demographics. Sociology. Economy] (pp. 530–535). Moscow.
- Malaya T.N., Maly A.F. (2017). Some problems of ensuring national food security in the course of creation of the common economic space in the EU and EACC. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 143–146.
- Meremukov A.S. (2009). Agroyemkost' natsional'nogo khozyaystva i yeye vliyaniya na dinamiku urovnya zhizni [Agricultural capacity of national economy and its impact on the dynamics of living standards]. *Vestnik of the Orenburg State University*, (2), 68–74.
- Staroverov V.I., Vartanova M.L. (2019). Agrarian policy of Russia: social reality. *Youth. Family. Society* (pp. 125–130). Moscow.
- Vartanova M., Osadchaya G., Yudina T. (2018). The national food security of the member states of the Eurasian economic union. *Economic and Social Development: Book of Proceedings* (pp. 565–571).
- Vartanova M.L. (2018). The use of modern technologies in agriculture as a means of increasing productivity and minimizing losses in terms of import substitution. *RUDN Journal of Economics*, 26(4), 585–597.
- Vartanova M.L., Drobot E.V. (2019). Regulation of digital of financial assets and the use of blockchain technology in agriculture. *Creative Economy*, 13(1), 37–48.
- Vartanova M.L., Gazimagomedova P.K. (2018). Priority direction of agricultural development: provision of population with domestic production. *Food Policy and Security*, 5(1), 37–46.
- Zinchenko A.P., Ermakova A.V. (2015). Sovershenstvovaniye struktury sel'skogo khozyaystva RF v protsesse realizatsii gosudarstvennykh programm [Improvement of the structure of agriculture of the Russian Federation in the implementation of state programs]. *Doklady Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Reports of Timiryazev Agricultural Academy], (286–2), 186–187.

Article history:

Received: 28.08.2019

Revised: 25.09.2019

Accepted: 20.10.2019

For citation:

Vartanova M.L. (2019). The impact of the economic availability of food in Russia on consumption patterns and health of the nation. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 429–441. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-429-441>

Bio note:

Marina L. Vartanova, PhD in Economics, researcher of the Center for Eurasian Integration Research, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: 11marina11@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-442-454
УДК 339.9

Научная статья

Внедрение микрoгенерации и энергосберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики: зарубежный опыт и Россия

К.Г. Гомонов, П.О. Сипакова, А.П. Чапурная

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Целью настоящей работы является сравнительный анализ уровня развития микрoгенерации и энергосберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики в России и в мире. Актуальность предопределена стремительным ростом инвестиционной привлекательности микросетей и энергосберегающих технологий на основе возобновляемой энергии (2,6 трлн долл.). Информационной базой исследования послужили аналитические обзоры, отчеты и аналитические материалы профильных международных ведомств и агентств, Министерства энергетики Российской Федерации, а также работы российских и зарубежных ученых. Понимание масштабов задач устойчивого развития, а также развивающееся национальное и международное регулирование становятся стимулами стремительного развития более чистых, в первую очередь низкоуглеродных, технологий во многих отраслях. К 2030 г. при условии сохранения нынешнего курса на устойчивое развитие зеленая экономика должна вырасти до 10 % валового мирового продукта. Микроэнергетика является энергоэффективным инструментом в структурной перестройке энергетики России – переходу от централизованной системы, использующей крупные источники производства электроэнергии, к использованию разнообразных типов источников энергии, наиболее подходящих к данным природным условиям и особенностям конкретных потребителей. Снижение негативного воздействия загрязнения на здоровье и окружающую среду способно существенно уменьшить нагрузку на экономику, тем самым высвобождая ресурсы для ее роста. Вне всякого сомнения, переход мировой экономики на модель зеленого роста потребует значительных усилий по расширению международного сотрудничества. При этом потребуются последовательное проведение правительствами соответствующей политики на протяжении многих лет. России целесообразно подключиться к разработке методик и созданию инструментария для внедрения зеленых инициатив.

Ключевые слова: зеленая экономика; энергосберегающие технология; микрoгенерация

Введение

Концепции политического и социально-экономического развития, появившиеся в современной науке, повысили благосостояние населения многих стран,

но в то же время привели к неравномерному экономическому росту и породили социальное неравенство. Последний фактор определяет активное обсуждение международным сообществом необходимости построения нового уровня экономического мышления с учетом не только более широких интересов людей, но и нашей планеты в целом. Эта модель глобального развития называется зеленой экономикой. Эксперты Организации Объединенных Наций по охране окружающей среды (UNEP) предлагают самое широкое понимание этой концепции, рассматривая зеленую экономику как экономическую деятельность, которая улучшает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость и значительно снижает экологические риски и истощение природы. В узком смысле, зеленая экономика понимается как разработка, производство и эксплуатация технологий и оборудования для контроля и сокращения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, мониторинга и прогнозирования изменения климата, а также технологий энергосбережения, ресурсосбережения и возобновляемых источников энергии. Зеленая экономика способствует устойчивому экономическому росту через внедрение возобновляемых источников энергии (Attahiru et al., 2019). На сегодняшний день традиционный путь развития энергетической отрасли путем наращивания мощностей, расширения количественного состава энергетического оборудования и увеличения добычи ресурсов уступает интенсивному, инновационному и прорывному пути развития посредством активного внедрения энергоэффективного оборудования, передовых энергетических и информационно-коммуникационных технологий, возобновляемых источников энергии, комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики, построенных на открытой сетевой архитектуре, и означает начало перехода к следующему энергетическому укладу (Matyushok et al., 2017).

Обзор литературы

Существует точка зрения, что развитие зеленых инноваций требует хороших рамочных условий для инноваций в целом (Walz et al., 2017). Если не будет достигнут некоторый уровень технологической готовности и инновационной восприимчивости экономики, конкретные политические стратегии не будут успешными. Ожидается, что к 2027 г. объем рынка микросетей достигнет 31 млрд долл. В другом отчете Navigant было выявлено 240 дополнительных микросетевых проектов только во второй половине 2018 г., что составляет 10 % от общего количества установленных и запланированных микрогенерирующих мощностей. Двумя годами ранее Navigant отслеживал только 1586 проектов и насчитывал 148 проектов, добавленных во второй половине 2016 г. (Lorenz, 2016). В современном мире наблюдается четкая тенденция к увеличению генерации электроэнергии за счет микрогенерации (Stadler, 2019).

В течение последних 20 лет в Европейском союзе современные успешные методы и подходы к снижению потребления энергии основываются на моделях рационального поведения и теории поведенческих изменений (Jensen et al., 2018). Существуют разные модели энергоменеджмента мульти-

микросетей, в таких энергетических сетях владельцы не идентичны. В этом случае из-за проблем конфиденциальности и преодоления недостатков традиционных децентрализованных систем гибридная система управления энергией набирает популярность (Khavari et al., 2020). В последние несколько лет развитие микросетей стало важной темой для разработки энергетической политики (Hirsch, Parag, Guerrero, 2018). Хотя значительная доля этого развития произошла в развивающихся странах с ограниченным доступом к надежным источникам энергии, в странах – членах ОЭСР, особенно в Северной Америке, достигнут определенный прогресс в развитии микросетей (Sioshansi, 2018). Это развитие во многом зависит от комбинации технических, экономических и регуляторных факторов (Parag, Ainspan, 2019).

Устаревшая инфраструктура традиционной электросети, прогнозируемый рост мирового спроса на электроэнергию, растущие экологические проблемы и обстоятельства в мировой экономике вызвали растущий интерес к энергоэффективности. Существующие модели ценообразования не предназначены для того, чтобы вызвать изменения в поведении, поскольку они не предоставляют потребителям энергии привлекательные стимулы в форме справедливой компенсации (Steriotis et al., 2018). Многие исследования в области энергоэффективности отражают концепции, направленные на смягчение последствий выбросов парниковых газов (Li, 2018). В то время как другие исследования указывают на то, что использование микрогенерирующих мощностей способствуют снижению платы за электроэнергию (Shafie-khah et al., 2016). Многие возобновляемые источники энергии работают с перебоями, и, следовательно, их внедрение привело к разработке более совершенных интеллектуальных систем. В области потребительского спроса внедрение интеллектуальных счетчиков позволяет распределительным компаниям устанавливать цены на основе спроса и предложения. Соответствующие колебания цен позволяют планировать нагрузку для сглаживания показателей энергопотребления во времени (Schlauwitz, 2016). В этом случае повышающая роль возобновляемой энергии в потреблении должна быть обеспечена правительствами, которые также должны приложить усилия для снижения институциональных и управленческих рисков энергоэффективных технологий (Dulal, 2013).

Методы и подходы

Методологической основой для проведения данного исследования послужили такие методы научного познания, как индукция, дедукция, анализ и синтез. При этом основными стали сравнительный и библиографический анализ, которые позволили определить уровень развития микрогенерации и энергосберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики в России и в мире. Информационной базой исследования послужили аналитические обзоры, отчеты и аналитические материалы профильных международных ведомств и агентств, Министерства энергетики Российской Федерации, а также работы российских и зарубежных ученых.

Анализ уровня развития микрогенерации и энергосберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики

В зеленой экономике такие концепции, как устойчивый дизайн, экологически чистые продукты, чистые технологии, экологичные процессы, подтолкнули организации к выбору инициатив по управлению изменениями для достижения устойчивого развития. Европейский союз разработал ряд природоохранных стратегий, основной целью которых является защита природного капитала и развитие ресурсоэффективной и зеленой экономики (García-Álvarez, Moreno, 2018). Для таких стран, как Германия, Швеция, США, Саудовская Аравия, Бразилия, Китай и Казахстан, переход к зеленой экономике уже стал одним из приоритетов развития. Для России реализация принципов зеленой экономики на национальном, региональном и местном уровнях может обеспечить решение актуальных проблем, повышение конкурентоспособности и привлечение инвестиций.

Как показывает практика, среди государственных служащих в России еще не сформировано целостное представление о потенциале зеленой экономики, инструментах ее реализации, зеленых технологиях, а также международном и российском опыте в этой области. Например, существует недостаток знаний о возможностях использования индикаторов устойчивого развития, механизмах зеленого инвестирования, зеленых госзакупках и налогообложении, экостандартизации, административных и рыночных подходах.

Все более актуальным становится вопрос перехода к устойчивому развитию и развитию зеленой экономики в регионах. Значительный вклад в решение этой задачи могут внести новые технологии. Нужно отметить, что за рубежом используется достаточно широкий набор близких терминов применительно к данной области: чистые технологии (cleantech), зеленые технологии (green technologies), экоинновации (eco-innovations). Они либо характеризуют технологии в одних и тех же областях, таких как энергоэффективность, возобновляемые источники энергии, системы управления электроэнергией, управление отходами, экологичное строительство и транспорт, либо технологии во всех секторах экономики, которые позволяют снизить выбросы, сбросы и образование отходов. Степень инновационности таких технологий варьируется от незначительной (инкрементальный уровень) до значительной (радикальные инновации). Зеленая экономика – это новый подход к измерению развития – в ее основе лежит ориентация на человека, то есть в отличие от традиционной модели, зеленая экономика предполагает внедрение принципа «экономика для человека», а не «человек для экономики».

Понятия «устойчивое развитие», «зеленая экономика», «зеленый рост», «низкоуглеродная экономика» включаются в социально-экономические стратегии, программы, планы во многих странах – как развитых, так и развивающихся. С 2010 г. на экспертном уровне составляется рейтинг перехода к зеленой экономике, который позволяет оценить степень принятия ее принципов в 80 странах и 50 городах мира (The Global Green Economy Index 10). На 2016 г. топ-10 включал большинство стран Европы, а также США и Японию (см. таблицу).

Таблица

Топ-10 стран Глобального рейтинга зеленой экономики и Россия
[Top 10 countries of the Global Green Economy Index and Russia]

Рейтинг восприятия	Страна	Баллы	Рейтинг исполнения	Страна	Баллы
1	Германия	97,74	1	Швеция	77,61
2	США	94,70	2	Норвегия	69,11
3	Дания	93,84	3	Финляндия	67,83
4	Швеция	93,65	4	Швейцария	67,63
5	Норвегия	88,95	5	Германия	66,01
6	Канада	85,59	6	Австрия	65,23
7	Великобритания	82,73	7	Исландия	63,68
8	Нидерланды	77,58	8	Замбия	62,00
9	Япония	75,94	9	Дания	61,84
10	Финляндия	74,47	10	Бразилия	60,29
51	Российская Федерация	32,59	74	Российская Федерация	38,80

Источник: The Global Green Economy Index (GGEI) 2016: Measuring National Performance in the Green Economy / Dual Citizen LLC. September 2016. URL: <http://dualcitizeninc.com/GGEI-2016.pdf> (accessed: 20.09.2019).

За исключением Норвегии и Канады, большинство стран, существенно зависящих от экспорта ископаемого топлива (Азербайджан, Нигерия, большинство стран Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССЗ), Россия), находятся в нижней части рейтинга. Анализ ряда компонентов зеленой экономики показал, что эффективное использование природных ресурсов, сохранение и приумножение природного капитала, уменьшение загрязнения, низкие выбросы парниковых газов способствуют росту благосостояния населения (Gomonov et al., 2019).

В последнее десятилетие произошли важные продвижения в коммерциализации широкого спектра нетрадиционных энергетических ресурсов и технологий – ветровых электростанций, солнечных батарей, аккумуляторов электроэнергии и пр. Доля возобновляемой энергии (ВИЭ) (без учета гидроэнергии) в общем объеме потребления первичной энергии в 2017 г. составила 3 %, но она стремительно растет (Прогноз развития..., 2019). На этапе четвертого энергетического перехода основным драйвером становится не столько экономическая привлекательность новых источников энергии, сколько качественно новый фактор – декарбонизация и борьба с глобальным изменением климата. Наблюдается ускоренная структурная перестройка энергопотребления – переход с прямого использования топлива на самый универсальный (или безальтернативный для многих процессов) и эффективный энергоноситель – электроэнергию, идет активная электрификация всех секторов потребления. С 1990 г. до настоящего времени уровень электрификации первичного энергопотребления в мире вырос с 31 до 36 %, и в перспективе этот тренд продолжится.

Радикальное удешевление и стремительное распространение технологий производства электроэнергии и тепла на солнечных и ветровых электростанциях, за счет использования биогаза и других нетрадиционных возобновляемых источников энергии – это ключевой элемент энергоперехода.

Современная трансформация энергетических рынков во многом обусловлена именно коммерчески эффективным развитием ВИЭ и повышением их КПД.

В период 2000–2018 гг. мощности ВИЭ (солнечная, ветровая и энергия биомассы, без учета традиционной гидроэнергетики) совокупно выросли в 21 раз с 56 ГВт в 2000 г. до 1179 ГВт в 2018 г. Доля ВИЭ (без гидроэнергетики) в конечном мировом первичном энергопотреблении выросла более чем в три раза, а в выработке электроэнергии – с 3,4 % в 2006 г. до 10,5 % по итогам 2018 г. При этом на протяжении последних 15 лет реальные объемы вводов ВИЭ регулярно оказывались выше прогнозируемых.

Высокие темпы развития ВИЭ объясняются сочетанием быстрого развития технологий, обеспечивающих удешевление производства (в том числе благодаря пока постоянно растущему эффекту масштаба) и приоритетности этого направления в энергополитике многих государств мира. Важный фактор успеха ВИЭ – обеспеченная за счет госэнергополитики низкая цена капитала, что критично для такого рода проектов с высокими капитальными и низкими операционными затратами. Однако определяющим для расширения использования ВИЭ стало развитие и удешевление технологий, включая масштабный трансфер технологий: в частности, наиболее радикальное удешевление было достигнуто в тот период, когда Китай локализовал и обеспечил массовый выпуск основных элементов оборудования.

Наибольшее снижение затрат отмечено при выработке электроэнергии на базе солнечных установок, где средневзвешенная стоимость 1 кВт·ч сократилась с 2010 г. более чем в четыре раза – до 8,5 центов/кВт·ч для новых проектов, введенных в строй в 2018 г. В сфере ветрогенерации также наблюдается значительное совершенствование технологий, хотя удельные приведенные затраты на производство ветровой энергии снизились не столь существенно. Отдельные проекты солнечной энергетики в Дубае, Мексике, Перу, Чили и Саудовской Аравии показали результат на уровне 3 цента/кВт·ч. Такой же уровень цен демонстрируют и лучшие ветропарки, сооружаемые в Канаде, Германии, Индии, Мексике и Марокко. Однако средневзвешенная оценка к 2020 г. для самых массовых технологий – береговых ветропарков и солнечных установок – предполагается на уровне 4 центов/кВт·ч, а для шельфовых ветропарков и CSP установок – на уровне 8–15 центов/кВт·ч. В любом случае это диапазон цен, в котором ВИЭ без специальных субсидий становятся экономически привлекательными и могут служить ключевым элементом для расширения микрогенерации.

Потенциал удешевления ВИЭ еще далеко не исчерпан. Дальнейшее повышение эффективности и коммерческой привлекательности ВИЭ будет, по всей видимости, идти по следующим технологическим направлениям: повышение эффективности и снижение стоимости солнечной генерации, достигаемое в том числе за счет производства бескремниевых фотопреобразователей различного типа, каскадных фотопреобразователей с высоким КПД и повышенным ресурсом; термальных установок, конвертирующих солнечную энергию в тепловую; повышение эффективности и снижение стоимости ветровой генерации; повышение эффективности работы геотермальных установок, в том числе установок бинарного цикла; развитие малой гидроэнергетики.

ки; развитие технологий получения электроэнергии и тепла на основе биотоплива и отходов. В период до 2040 г. ВИЭ станут самым быстрорастущим источником энергии во всех сценариях, их потребление вырастет на 76–115 %. Объемы ВИЭ, используемой для производства электроэнергии, к 2040 г. возрастут в 2,5–3,7 раза, прежде всего за счет многократного увеличения мощностей солнечной и ветровой генерации.

Согласно последним исследованиям ООН, за период 2010–2019 гг. инвестиции в энергоэффективные технологии, в частности возобновляемые источники энергии, составили 2,6 трлн долл. При этом солнечная энергетика представляется наиболее привлекательной, инвестиции составили 1,3 трлн долл. В страновом разрезе основным инвестором в энергоэффективные технологии является Китай с общим объемом в 758 млрд долл., на втором месте США – 356 млрд долл., а Япония на третьем – 202 млрд долл. Европейские страны в целом инвестировали 698 млрд долл., причем Германия вносит наибольший вклад – 179 млрд долл., за ней следует Великобритания – 122 млрд долл. (см. рисунок). За последние 10 лет объем суммарной мощности микрогенерации на основе солнечной энергии составил 638 ГВт против 25 ГВт в 2009 г.

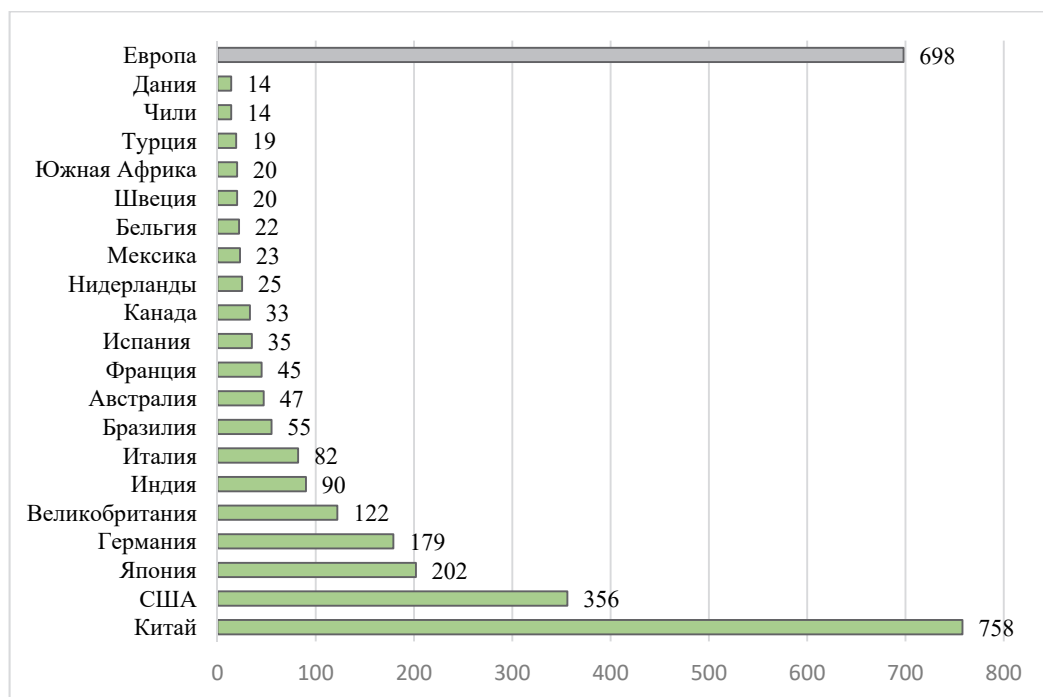

Рисунок. Суммарные инвестиции в области возобновляемых источников энергии на период с 2010 по первую половину 2019 г., топ-20 стран, млрд долл.

[Figure. Total investments in renewable energy for the period from 2010 to the first half of 2019, top 20 countries, billion dollars]

Источник: UN Environment, Frankfurt School – UNEP Centre, Bloomberg NEF.

Российский ответ на внешние вызовы должен характеризоваться переходом на инновационный путь развития – уйти от ресурсной зависимости и перейти к зеленой экономике. В России происходит быстрое расходование природ-

ного капитала, из-за этого страна входит в тройку лидеров по эмиссии парниковых газов в атмосферу, а также имеет низкий уровень эффективности использования энергии, происходит истощение энергетических ресурсов. Растет число техногенных катастроф, физический износ оборудования на предприятиях топливно-энергетического комплекса страны достигает 60 %, без вторичной переработки остается 90 % отходов производства. Все это уже давно стало причинами перехода к зеленой экономике и повышенного внимания к ней.

В Российской Федерации реализуется государственная программа «Развитие энергетики». Ее целями являются надежное, качественное и экономически обоснованное обеспечение потребностей внутреннего рынка в энергоносителях, энергии и сырье на принципах энергосбережения и энергоэффективности, а также выполнение обязательств по зарубежным контрактам. Предполагается, что за счет внедрения энергосберегающих технологий и мероприятий в 2030 г. по сравнению с 2012 г. удельные расходы топлива должны будут снизиться на 30 %, в том числе кокса на 35 %, природного газа на 35 %. Удельный расход электроэнергии предполагается уменьшить на 16,4 %. Основные пути для достижения поставленных целей: сокращение расходов на тепло- и энергоснабжение за счет использования автономных генерирующих мощностей, в том числе за счет увеличения доли утилизации вторичного доменного и коксового газов. К энергосберегающим мероприятиям относятся модернизация, ремонт существующего энергетического, технологического и вспомогательного оборудования и его замена на более современное и энергоэффективное. Значительная роль в оптимизации энергопотребления принадлежит автоматизированным системам управления энергохозяйством предприятий, а также системам диспетчеризации и оперативного контроля расхода энергоресурсов.

Заключение

Практика мирового развития возобновляемой энергетики и энергоэффективности свидетельствует о том, что некоторые ее виды способны создавать сильные положительные внешние эффекты, такие как рост занятости в высокотехнологичных секторах экономики, развитие малого и среднего бизнеса, увеличение доходов населения, улучшение состояния окружающей среды. Поэтому различные меры стимулирования возобновляемой энергетики и энергоэффективности могут рассматриваться как механизмы инновационного развития (Ратнер, Гомонов, 2019).

Понимание масштабов задач устойчивого развития, а также развивающееся национальное и международное регулирование становятся стимулами стремительного развития более чистых, в первую очередь низкоуглеродных, технологий во многих отраслях. К 2030 г., по прогнозу FTSE Russell, при условии сохранения нынешнего курса на устойчивое развитие зеленая экономика должна вырасти до 10 % валового мирового продукта. Трансформация экономики в мире и России требует внушительных объемов инвестиций, которые необходимо направить на увеличение инвестиций в природоохранные технологии, совершенствование методов переработки отходов, поддержку экологической активности бизнеса в отраслях нового технологического уклада,

создание механизмов для введения платежей за экосистемные услуги, создание условий для привлечения капитала на рынок экологических товаров и услуг, создание дополнительных зеленых рабочих мест, формирование новых инновационных отраслей экономики, обладающих потенциалом роста ВВП.

Снижение негативного воздействия загрязнения на здоровье и окружающую среду способно существенно уменьшить нагрузку на экономику, тем самым высвобождая и ресурсы для роста. В отдельных отраслях Россия является одним из мировых лидеров во внедрении зеленых, более экологически безопасных технологий, говорят эксперты: например, в гидро- и атомной энергетике, централизованном отоплении, городском общественном и железнодорожном транспорте и др. Вне всякого сомнения, переход мировой экономики на модель зеленого роста потребует значительных усилий по расширению международного сотрудничества. При этом потребуется последовательное проведение правительствами соответствующей политики на протяжении многих лет. России целесообразно подключиться к разработке методик и созданию инструментария для внедрения зеленых инициатив.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке экономического факультета Российского университета дружбы народов, тема № 060323-0-000.

Список литературы

- Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина; ИНЭИ РАН – Московская школа управления «Сколково». М., 2019. 210 с.
- Ratner C.B., Gomonov K.G.* Оценка результативности мер государственной поддержки возобновляемой энергетики и энергоэффективной экономики: обзор подходов // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 8. С. 1428–1447. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.8.1428>
- Attahiru Y., Aziz M., Kassim K., Shahid S., Wan Abu Bakar W., Sashruddin T. et al.* A review on green economy and development of green roads and highways using carbon neutral materials // Renewable and Sustainable Energy Reviews. (2019). Vol. 101. Pp. 600–613. doi: 10.1016/j.rser.2018.11.036.
- Attahiru Y., Aziz M., Kassim K., Shahid S., Wan Abu Bakar W., Sashruddin T. et al.* A review on green economy and development of green roads and highways using carbon neutral materials // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2019. Vol. 101. Pp. 600–613. doi: 10.1016/j.rser.2018.11.036.
- Dulal H., Shah K., Sapkota C., Uma G., Kandel B.* Renewable energy diffusion in Asia: can it happen without government support? // Energy Policy. 2013. Vol. 59. Pp. 301–311. doi: 10.1016/j.enpol.2013.03.040.
- García-Álvarez M., Moreno B.* Environmental performance assessment in the EU: a challenge for the sustainability // Journal of Cleaner Production. (2018). Vol. 205. Pp. 266–280. doi: 10.1016/j.jclepro.2018.08.284.
- Hirsch A., Parag Y., Guerrero J.* Microgrids: a review of technologies, key drivers, and outstanding issues // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2018. Vol. 90. Pp. 402–411. doi: 10.1016/j.rser.2018.03.040.
- Jensen C., Goggins G., Fahy F., Grealis E., Vadovics E., Genus A., Rau H.* Towards a practice-theoretical classification of sustainable energy consumption initiatives: insights from social scientific energy research in 30 European countries // Energy Research and Social Science. 2018. Vol. 45. Pp. 297–306. doi: 10.1016/j.erss.2018.06.025.

- Khavari F., Badri A., Zangeneh A.* Energy management in multi-microgrids considering point of common coupling constraint // *International Journal of Electrical Power and Energy Systems*. 2019. Vol. 115. 105465. doi: 10.1016/j.ijepes.2019.105465.
- Gomonov K., Balashova S., Matyushok V.* The relationship of socio-economic development and the drivers of green economy // *The 13th International Days of Statistics and Economics (September 5–7, 2019, Prague, Czech Republic): conference proceedings*. doi: 10.18267/pr.2019.los.186.41.
- Li J., Just R.* Modeling household energy consumption and adoption of energy efficient technology // *Energy Economics*. 2018. Vol. 72. Pp. 404–415. doi: 10.1016/j.eneco.2018.04.019.
- Matyushok V., Sergio B., Balashova S., Gomonov K.* Influence of smart grid and renewable energy sources on energy efficiency: foreign experience // *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25(4). Pp. 583–598. doi: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-583-598/
- Microgrid Deployment Tracker 4Q18*. 2019. URL: <https://www.navigantresearch.com/reports/microgrid-deployment-tracker-4q18> (accessed: 16.09.2019).
- Parag Y., Ainspan M.* Sustainable microgrids: economic, environmental and social costs and benefits of microgrid deployment // *Energy for Sustainable Development*. 2019. Vol. 52. Pp. 72–81. doi: 10.1016/j.esd.2019.07.003.
- Schlawitz J., Musilek P.* IEEE Congress on Evolutionary Computation, CEC 2016 (Vancouver, BC, Canada, July 24–29). 2016. URL: <https://researchr.org/publication/cec-2016> (accessed: 16.09.2019).
- Shafie-khah M., Kheradmand M., Javadi S., Azenha M., de Aguiar J., Castro-Gomes J. et al.* Optimal behavior of responsive residential demand considering hybrid phase change materials // *Applied Energy*. 2016. Vol. 163. Pp. 81–92. doi: 10.1016/j.apenergy.2015.11.013
- Sioshansi F., Mitchell J., Treadwell K.* Microgrids: from niche to \$100 billion market. 2019. URL: <https://energypost.eu/microgrids-from-niche-to-mainstream/> (accessed: 16.09.2019).
- Stadler M., Naslé A.* Planning and implementation of bankable microgrids // *The Electricity Journal*. 2019. Vol. 32(5). Pp. 24–29. doi: 10.1016/j.tej.2019.05.004.
- Steriotis K., Tsaousoglou G., Efthymiopoulos N., Makris P., Varvarigos E.* A novel behavioral real time pricing scheme for the active energy consumers' participation in emerging flexibility markets // *Sustainable Energy, Grids and Networks*. 2018. Vol. 16. Pp. 14–27. doi: 10.1016/j.segan.2018.05.002.
- Walz R., Pfaff M., Marscheider-Weidemann F., Glöser-Chahoud S.* Innovations for reaching the green sustainable development goals –where will they come from? // *International Economics and Economic Policy*. 2017. Vol. 14(3). Pp. 449–480. doi: 10.1007/s10368-017-0386-2.
- Wire B.* North America Regains its Claim as the Leading Region for Microgrid Capacity, According to Navigant Research. 2019. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20160531005124/en/North-America-Regains-Claim-Leading-Region-Microgrid> (accessed: 16.09.2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28.09.2019

Дата проверки: 20.10.2019

Дата принятия к печати: 18.11.2019

Для цитирования:

Гомонов К.Г., Сипакова П.О., Чапурная А.П. Внедрение микрогенерации и энерго-сберегающих технологий в рамках концепции зеленой экономики: зарубежный опыт и Россия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2019. Т. 27. № 3. С. 442–454. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-442-454>

Сведения об авторах:

Гомонов Константин Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов. E-mail: gomonov_kg@pfur.ru

Сипакова Полина Олеговна, бакалавр 4-го курса экономического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032162260@pfur.ru

Чапурная Анастасия Павловна, бакалавр 4-го курса экономического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032162253@pfur.ru

Research article

**Introduction of
microgeneration and energy-saving technologies
within the concept of green economy:
foreign experience and Russia**

Konstantin G. Gomonov, Polina O. Sipakova, Anastasia P. Chapurnaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The aim of this work is a comparative analysis of the level of development of microgeneration and energy-saving technologies in the framework of the national economy of Russia and the world. The relevance is predetermined by the rapid growth of the investment policy of microgrids and energy-saving technologies based on renewable energy sources (2.6 trillion dollars). Basic information research provided analytical reviews, reports and analytical materials, specialized international departments and agencies, the Ministry of Energy of the Russian Federation, as well as the work of Russian and foreign scientists. Understanding the large-scale tasks related to the development, as well as the development of national and international relations, are an incentive for the pursuit of cleaner, primarily technologies. By 2030, provided that the current course on sustainable development is maintained, the green economy should grow to 10 % of the gross world product. Microenergy is an energy-efficient energy source in the restructuring of Russia's energy sector – the transition from a centralized system, the use of large sources of electricity production, the use of various energy sources that are most suitable for these environmental conditions and the characteristics of natural consumers. Reducing the negative impact of pollution on health and the environment can significantly reduce the burden on the economy, thereby freeing up resources for its growth. The transition of the global economy to a model of green growth will require significant efforts to expand international co-operation. This will require consistent government policies over many years. It is advisable for Russia to join in the development of methodologies and the creation of tools for implementing green initiatives.

Keywords: green economy; energy-saving technology; microgeneration

Acknowledgments. This article was prepared with the financial support of the Economic Faculty, RUDN University, topic No. 060323-0-000.

References

- Attahiru Y., Aziz M., Kassim K., Shahid S., Wan Abu Bakar W., Sashruddin T. et al. (2019). A review on green economy and development of green roads and highways using carbon neutral materials. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 101, 600–613. doi: 10.1016/j.rser.2018.11.036.
- Dulal H., Shah K., Sapkota C., Uma G., Kandel B. (2013). Renewable energy diffusion in Asia: Can it happen without government support? *Energy Policy*, 59, 301–311. doi: 10.1016/j.enpol.2013.03.040.
- García-Álvarez M., Moreno B. (2018). Environmental performance assessment in the EU: A challenge for the sustainability. *Journal of Cleaner Production*, 205, 266–280. doi: 10.1016/j.jclepro.2018.08.284.
- Hirsch A., Parag Y., Guerrero J. (2018). Microgrids: A review of technologies, key drivers, and outstanding issues. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 90, 402–411. doi: 10.1016/j.rser.2018.03.040.
- Jensen C., Goggins G., Fahy F., Grealis E., Vadovic, E., Genus A., Rau H. (2018). Towards a practice-theoretical classification of sustainable energy consumption initiatives: Insights from social scientific energy research in 30 European countries. *Energy Research and Social Science*, 45, 297–306. doi: 10.1016/j.erss.2018.06.025.
- Khavari F., Badri A., Zangeneh A. (2019). Energy management in multi-microgrids considering point of common coupling constraint. *International Journal of Electrical Power and Energy Systems*, 115, 105465. doi: 10.1016/j.ijepes.2019.105465.
- Gomonov K., Balashova S., Matyushok V. (2019). The relationship of socio-economic development and the drivers of green economy. *The 13th International Days of Statistics and Economics* (September 5–7, 2019, Prague, Czech Republic): Conference Proceedings. doi: 10.18267/pr.2019.los.186.41.
- Li J., Just R. (2018). Modeling household energy consumption and adoption of energy efficient technology. *Energy Economics*, 72, 404–415. doi: 10.1016/j.eneco.2018.04.019.
- Makarova A.A., Mitrova T.A., Kulagin V.A. (eds.). (2019). *Forecast of the development of energy in the world and Russia 2019*. Moscow.
- Matyushok V., Sergio B., Balashova S., Gomonov K. (2017). Influence of smart grid and renewable energy sources on energy efficiency: foreign experience. *RUDN Journal of Economics*, 25(4), 583–598. doi: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-583-598.
- Microgrid Deployment Tracker 4Q18. (2019). <https://www.navigantresearch.com/reports/microgrid-deployment-tracker-4q18> (accessed: 16.09.2019).
- Parag Y., Ainspan M. (2019). Sustainable microgrids: Economic, environmental and social costs and benefits of microgrid deployment. *Energy For Sustainable Development*, 52, 72–81. doi: 10.1016/j.esd.2019.07.003.
- Ratner S.V., Gomonov K.G. (2019). Evaluation of the effectiveness of government support for renewable energy and energy efficiency of the economy: a review of approaches. *Economic analysis: theory and practice*, 18(8), 1428–1447. <https://doi.org/10.24891/ea.188.11428>
- Schlauwitz J., Musilek P. (2016). *IEEE Congress on Evolutionary Computation, CEC 2016* (Vancouver, BC, Canada, July 24–29). <https://researchr.org/publication/cec-2016> (accessed: 16.09.2019).
- Shafie-khah M., Kheradmand M., Javadi S., Azenha M., de Aguiar J., Castro-Gomes J. et al. (2016). Optimal behavior of responsive residential demand considering hybrid phase change materials. *Applied Energy*, 163, 81–92. doi: 10.1016/j.apenergy.2015.11.013.
- Sioshansi, F., Mitchell J., Treadwell K. (2019). Microgrids: from niche to \$100 billion market. <https://energypost.eu/microgrids-from-niche-to-mainstream/> (accessed: 16.09.2019).
- Stadler M., Naslé A. (2019). Planning and implementation of bankable microgrids. *The Electricity Journal*, 32(5), 24–29. doi: 10.1016/j.tej.2019.05.004.

- Steriotis K., Tsaousoglou G., Efthymiopoulos N., Makris P., Varvarigos E. (2018). A novel behavioral real time pricing scheme for the active energy consumers' participation in emerging flexibility markets. *Sustainable Energy, Grids and Networks*, 16, 14–27. doi: 10.1016/j.segan.2018.05.002.
- Walz R., Pfaff M., Marscheider-Weidemann F., Glöser-Chahoud S. (2017). Innovations for reaching the green sustainable development goals –where will they come from? *International Economics and Economic Policy*, 14(3), 449–480. doi: 10.1007/s10368-017-0386-2.
- Wire B. (2019). *North America Regains its Claim as the Leading Region for Microgrid Capacity, According to Navigant Research*. <https://www.businesswire.com/news/home/20160531005124/en/North-America-Regains-Claim-Leading-Region-Microgrid> (accessed: 16.09.2019).

Article history:

Received: 28.09.2019

Revised: 20.10.2019

Accepted: 18.11.2019

For citation:

Gomonov K.G., Sipakova P.O., Chapurnaya A.P. (2019). Introduction of microgeneration and energy-saving technologies within the concept of green economy: foreign experience and Russia. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 442–454. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-442-454>

Bio notes:

Konstantin G. Gomonov, Ph.D. in Economics, senior lecturer at Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: gomon-ov_kg@pfur.ru

Polina O. Sipakova, 4-year bachelor of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032162260@pfur.ru

Anastasia P. Chapurnaya, 4-year bachelor of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032162253@pfur.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-455-465
УДК 339.9

Научная статья

Россия и Казахстан: диапазон и динамика отношений в условиях возрастания взаимозависимости национальных экономик

Н.П. Гусаков, М.В. Маслова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье выявлено изменение роли России в Казахстане, идентифицированы ее позиции в торговле, инвестициях и гуманитарной помощи стране. Описан экономический потенциал Казахстана, приведены наиболее привлекательные для иностранных инвесторов отрасли экономики. Определены основные страны, стремящиеся увеличить свое присутствие в Казахстане, проведено сравнение их места и роли в торговле и прямых инвестициях в Казахстан. Изучено разделение сфер влияния в стране. Отмечено, что по торговому обороту с Казахстаном лидируют страны ЕС, но наибольший импорт в страну поступает из России, на первом месте по инвестициям Нидерланды, далее США. Самую активную гуманитарную помощь Казахстану оказывает Китай, проводит активную социальную политику. В статье также проведен анализ динамики изменения роли России, установлено, что страна постепенно теряет степень своего влияния в Казахстане, однако на данный момент все еще остается его основным стратегическим партнером.

Ключевые слова: Казахстан; Россия; экономическое влияние; стратегическое партнерство; разделение сфер влияния в Казахстане

Введение

Проблема, обозначенная в статье довольно сложна и не до конца изучена, хотя этим вопросом занимались многие специалисты. Проблему изменения роли России в Казахстане исследователи рассматривали как в рамках ЕАЭС, так и в формате обособленного взаимодействия двух стран. Так, Р.Е. Сагиндилов исследовал изменение граней сотрудничества двух стран и их взаимодействие, Ю.Н. Савичев освещал вопросы сотрудничества в сфере высшего образования, С.В. Рязанцев – в областях миграции и демографии, А.Г. Ибрагимов и И.В. Андропова изучали проблемы сотрудничества стран в рамках ЕАЭС, также проблемами сотрудничества двух стран занимались М.Н. Шапкин, И.Н. Лоскутова, А.В. Ермакова и др.

© Гусаков Н.П., Маслова М.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Целью исследования является оценка места и роли России в социально-экономическом развитии Казахстана в условиях нарастания международной конкуренции за экономическое и геополитическое доминирование в стране.

Экономический потенциал Казахстана

Центрально-азиатский регион – один из самых привлекательных регионов территории бывшего СССР не только с геополитической, но и с экономической точки зрения. Это связано в первую очередь с огромными энергетическими ресурсами, которыми обладают Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

Только в Казахстане, по оценкам экспертов, разведанные запасы углеводородов на суше составляют около 4,5 млрд т нефти и 3 трлн кубометров газа. Потенциал месторождений природных ресурсов составляет около 18 млрд т нефти и около 8,5 трлн кубометров газа. Также в Казахстане множество месторождений цветных и черных металлов: меди, марганца, цинка, свинца, никеля и др. По некоторым категориям добываемых металлов Казахстан занимает первое место в мире, например по цинку, второе – по хromу и серебру. В стране развита добыча каменного и бурого угля. Создано множество карьеров для добычи этих ископаемых открытым, то есть наиболее дешевым способом.

По итогам 2018 г. в горнодобывающей промышленности индекс промышленного производства составил 105,5 %, увеличилась добыча сырой нефти (107,2 %) и природного газа (107,3 %) по сравнению с предыдущим годом.

Казахстан имеет внушительный сельскохозяйственный потенциал благодаря огромным степям, позволяющим выращивать различные сельскохозяйственные культуры. Структура производства отрасли сельского хозяйства преимущественно представлена продукцией растениеводства, доля которой в период с 2010 по 2017 г. в среднем составляла 55 %. Так, в 2017 г. убранная площадь под кормовыми зерновыми культурами составила 23 530 га, под бобовыми – 11 085 га, под корнеплодами – 352 га.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Казахстан является очень привлекательным партнером для торгово-экономического сотрудничества и инвестиций. Именно поэтому такие страны, как США, Китай и Россия, а также ЕС стремятся иметь как можно большее влияние в этой стране.

Сразу после распада СССР ЕС и США объявили Казахстан и всю Центральную Азию зоной своих национальных интересов. Позже это же сделал и Китай. На современном этапе развития мировой экономики главными инструментами экономической экспансии, цель которой расширение сферы влияния, являются торговля, инвестиции и гуманитарное сотрудничество.

Торговля

Что касается торговли, то, естественно, после распада СССР главным торговым партнером для Казахстана стала Россия. Однако довольно быстро ситуация начала меняться (табл. 1). В 2018 г. главным торговым партнером стал ЕС с долей в товарообороте 40,3 %, доля России составила 18,8 %,

а Китая – 12,5 %. Тем не менее, если учесть, что доля Китая в конце 1990-х гг. составляла чуть более 1 %, то высокая положительная динамика очевидна. Также в Казахстан поступают огромные объемы контрабанды из Китая. По оценочным данным, в 2017 г. так называемый серый импорт из Китая составил 59 %, а официальные поставки всего лишь 41 %, что означает огромные потери для бюджета страны.

Таблица 1

**Динамика товарооборота Казахстана с Россией, США, ЕС и Китаем,
2012–2018 гг., млн долл. США**
[Dynamics of trade between Kazakhstan and Russia, the USA, the EU and China,
2012–2018, million US dollars]

Год	Россия		США		ЕС		Китай	
	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота
2018	17 554 223,7	18,8	2 845 559,2	3,0	37 713 796,7	40,3	11 657 089,6	12,5
2017	16 372 030,9	21,0	2 352 286,9	3,0	30 015 818,5	38,4	10 492 975,0	13,4
2016	12 733 489,8	20,5	2 617 341,0	4,2	24 372 105,1	39,2	7 896 442,2	12,7
2015	15 076 855,7	19,7	2 811 636,9	3,7	31 325 035,8	40,9	10 567 950,9	13,8
2014	20 196 233,7	16,7	3 886 092,0	3,2	53 065 538,9	43,9	17 156 639,5	14,2
2013	23 847 038,1	17,9	6 073 340,1	4,5	54 719 459,9	41,0	22 738 213,6	17,0
2012	23 096 615,3	17,4	6 469 288,3	4,9	54 642 182,9	41,1	21 672 728,8	16,3

Источник: составлено автором по данным Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/5> (дата обращения: 25.08.2019).

Как видно из табл. 1, на протяжении всего рассматриваемого периода страны ЕС занимали наибольшую долю в товарообороте страны, по сравнению с другими анализируемыми странами. Это связано в первую очередь с тем, что ЕС объединяет большое количество стран, то есть, если взять какую-либо отдельную страну из ЕС, то она будет значительно уступать по величине товарооборота Китаю, России или же США. На втором месте по динамике товарооборота идет Россия, ее доля была самой высокой в 2015 г., после чего пошла на спад, однако к 2018 г. она достигла 18,8 %. Товарооборот с Китаем также имеет важное значение для Казахстана. Его показатели приближаются к показателям товарооборота с Россией, но пока еще их не достигли. США замыкает этот список с наименьшими показателями, равными в среднем 3,7 % от всего товарооборота страны. Россия является крупнейшим партнером Казахстана в рамках ЕАЭС, который способствует наращиванию и стимулированию торговли между двумя странами. Этот процесс протекает очень активно и является одним из важнейших инструментов влияния России на территории Казахстана.

Таблица 2

**Динамика экспорта Казахстана в Россию, США, ЕС и Китай,
2012–2018 гг., млн долл. США**
[Dynamics of Kazakhstan's exports to Russia, the USA, the EU and China,
2012–2018, million US dollars]

Год	Россия		США		ЕС		Китай	
	Всего	% от общего экспорта	Всего	% от общего экспорта	Всего	% от общего экспорта	Всего	% от общего экспорта
2018	5 162 086,8	8,5	1 167 929,2	1,9	31 035 761,3	50,9	6 272 924,5	10,3
2017	4 639 035,2	9,6	643 801,5	1,3	24 276 434,3	50,1	5 797 976,3	12,0
2016	3 445 176,6	9,4	914 946,3	2,5	18 680 101,9	50,8	4 228 410,0	11,5
2015	4 547 555,3	9,9	760 675,1	1,7	24 445 452,5	53,2	5 480 137,5	11,9
2014	6 388 543,6	8,0	1 187 380,1	1,5	44 448 364,3	55,9	9 799 418,4	12,3
2013	5 875 273,6	6,9	3 091 501,6	3,6	45 662 801,1	53,9	14 373 748,0	17,0
2012	6 136 935,4	7,1	3 588 878,7	4,2	45 316 453,4	52,4	14 227 834,5	16,5

Источник: составлено автором по данным Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/5> (дата обращения: 25.08.2019).

Таблица 3

**Динамика импорта в Казахстан из России, США, ЕС и Китая,
2012–2018 гг., млн долл. США**
[Dynamics of imports to Kazakhstan from Russia, the USA, the EU and China,
2012–2018, million US dollars]

Год	Россия		США		ЕС		Китай	
	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота	Всего	% от общего товаро- оборота
2018	12 392 136,9	38,1	1 677 630,0	5,2	6 678 035,4	20,5	5 384 165,1	16,5
2017	11 732 995,7	39,6	1 708 485,5	5,8	5 739 384,2	19,4	4 694 998,7	15,9
2016	9 288 313,2	36,6	1 702 394,7	6,7	5 692 003,2	22,4	3 668 032,2	14,5
2015	10 529 300,4	34,4	2 050 961,8	6,7	6 879 583,3	22,5	5 087 813,4	16,6
2014	13 807 690,1	33,4	2 698 711,9	6,5	8 617 174,6	20,9	7 357 221,1	17,8
2013	17 971 764,6	36,8	2 981 838,5	6,1	9 056 658,7	18,6	8 364 465,5	17,1
2012	16 959 679,8	36,6	2 880 409,6	6,2	9 325 729,5	20,1	7 444 894,3	16,1

Источник: составлено автором по данным Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/5> (дата обращения: 25.08.2019).

Анализируя экспорт (табл. 2) можно сделать вывод, что по данному показателю страны ЕС также являются лидерами, в 2018 г. их доля составила более половины от всего экспорта Казахстана, что является очень весомым показателем. На втором месте идет Китай, его доля значительно меньше, чем доля ЕС. Российский экспорт немного отстает от китайского и равен в среднем 7–10 %. Дело в том, что у России и Казахстана совпадает товарная структура экспорта. Список экспортируемых в Россию товаров ограничен из-за того, что сырьевые экономики обеих стран схожи по своей структуре.

Россия является абсолютным лидером по импорту, и даже ЕС не сможет в ближайшие годы ее обойти. Казахстан является для России одним из основных экспортных рынков. Эксперты считают, что Казахстан потребляет примерно 17 % несырьевого экспорта России. На втором месте идут страны ЕС, далее Китай и США. Несмотря на мощное проникновение китайской продукции на мировые рынки, Россия остается главным торговым партнером Казахстана и опережает Китай с существенным отрывом. Россия, занимающая важнейшую роль в товарообороте Казахстана, покупает и поставляет именно природные энергетические ресурсы и продукты их переработки, а страны ЕС, идущие на втором месте по влиянию в импорте, поставляют в страну фармацевтическую и высокотехнологичную продукцию. Китай также является важным торговым партнером для Казахстана, благодаря наличию общей границы торговля идет довольно активно и быстро. Казахстан поставляет в Китай топливно-энергетические товары и сельскохозяйственную продукцию, а Китай в Казахстан – бытовую технику, электронику, одежду и т.д. Казахстан не представляет для США особого интереса в части торговли, именно поэтому главным инструментом американской экспансии стали прямые инвестиции.

Прямые иностранные инвестиции

Прямые иностранные инвестиции являются ключевым фактором влияния на экономику принимающей страны.

Таблица 4

Динамика валового притока прямых иностранных инвестиций в Казахстан, 2006–2018 гг., млн долл. США
[Dynamics of gross inflow of direct foreign investments in Kazakhstan, 2006–2018, million US dollars]

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	1 кв. 2019
Бельгия	405,6	856,6	958,2	859,8	693,0	710,6	1 068,9	1 049,0	218,2
Великобритания	1098,0	1097,3	1395,7	937,6	776,3	394,3	707,1	533,8	593,1
Германия	201,9	404,4	681,6	425,1	487,2	238,7	238,6	391,3	400,5
Италия	648,0	484,7	866,0	564,0	471,7	176,6	345,8	125,3	216,2
Китай	1717,6	1693,1	2414,6	2246,0	1807,5	833,9	975,2	1082,5	1489,4
Нидерланды	7310,3	8876,0	8692,2	6520,9	6763,3	5744,4	7968,6	5935,2	7 349,8
Россия	951,6	1000,1	1069,5	1299,2	1583,8	533,6	872,6	1226,6	1 499,2
США	1810,9	1113,4	1975,7	2438,7	4153,4	2770,3	3417,6	3693,2	5344,0

Источник: составлено автором по данным Национального банка Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 25.08.2019).

Анализируя табл. 4 отметим, что основными инвесторами в Казахстан выступают Нидерланды, США и Россия. Практически весь поток инвестиций из Нидерландов направлен в горнодобывающую отрасль. В обрабатывающую промышленность Казахстана эта страна вложила около 5,2 млрд долл. Инвестиции из США были главным образом направлены также в горнодобывающую промышленность. Американские инвестиции идут и в финансовый сектор Казахстана. Россия является одним из ключевых инвесторов для Казахстана и его важнейшим стратегическим партнером. Поток инвестиций из России за все время сотрудничества между странами составляет порядка 12 млрд долл. США. В обрабатывающую промышленность вложено около 25 % от всех средств, в горнодобывающую – 20 %, также средства инвестировались в производство и торговлю.

Что касается Китая, то активность его компаний в Казахстане растет из года в год. Страна продолжает активно увеличивать число инвестиционных проектов и наращивать объемы деятельности своих предприятий в Казахстане. С 2005 по 2017 г. приток прямых инвестиций из Китая в экономику Казахстана составил порядка 14 млрд долл. США, а общий объем инвестиций достиг 43 млрд долл. США. Крупнейшие инвесторы Казахстана стремятся инвестировать именно в топливно-энергетический сектор экономики, что связано с наделенностью Казахстана огромным количеством природных ресурсов, для освоения которых требуются иностранные инвестиции, технологические разработки, постоянное усовершенствование оборудования и разведка новых месторождений. Каждая из крупных стран-инвесторов стремится как можно плотнее занять эту нишу. Между Китаем, США и Россией идет настоящая борьба за топливно-энергетические ресурсы Казахстана. На данном этапе эту борьбу выигрывает Китай за счет постоянного наращивания инвестиций и жесткого продвижения интересов своих компаний в данной сфере.

Гуманитарное сотрудничество

Гуманитарное сотрудничество является одним из важнейших инструментов в области разделения сфер влияния в стране. Россия, как и Казахстан, родом из СССР, что дает огромные преимущества России в этой сфере. Отношения Казахстана и России после распада СССР продолжили активно развиваться. Россия является для страны ключевым экономическим и стратегическим партнером в силу геополитических факторов, общих границ и общности исторических и экономических аспектов. Россию и Казахстан связывают зона свободной торговли, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз, который способствует наращиванию торговли и усилению интеграции между странами. Гуманитарное сотрудничество между Казахстаном и Россией развивается по всем направлениям и имеет положительную динамику. В Казахстане находятся филиалы многих российских вузов, таких как МГУ, МАИ и др. Благодаря таким филиалам страны могут обмениваться опытом и знаниями, студенты изучают иностранный язык и знакомятся с культурой другой страны. В области здравоохранения и социального обеспечения разработан план совместных действий Казахстана и России на длительную перспективу. Россию можно смело назвать первым и ключевым

партнером Казахстана в сфере гуманитарного сотрудничества. Этому способствуют политические, правовые и экономические аспекты взаимодействия двух стран.

Вместе с тем взаимоотношения Казахстана с Китаем также развиваются стремительно, нарастающим темпом. Китай стремится захватить как можно больше сфер влияния в Казахстане и для этого активно развивает связи в сфере образования. Так, Китай проводит программы обмена для студентов, выделяет квоты на бесплатные стажировки. Между Китаем и Казахстаном подписано соглашение о взаимном признании документов о высшем образовании. Китай стремится к продвижению и распространению своего языка в стране для последующего внедрения его в общество Казахстана. Китай с каждым годом привлекает все больше студентов, благодаря относительно низким, по сравнению с ЕС и США, ценам обучения и хорошему качеству образования.

В отношении ЕС и Казахстана достигнуто меньше успехов, однако страны стараются поддерживать и увеличивать взаимодействие во всех сферах. Например, они заключили соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое стало правовой основой для двусторонних отношений, вступив в силу в 1999 г. В ноябре 2006 г. также был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области энергетики между ЕС и Казахстаном, создав основы для расширения сотрудничества. В 2015 г. ЕС и Казахстан запустили проект по поддержке перехода Казахстана к модели зеленой экономики.

В отношениях Казахстана и США все не так просто. Под давлением США Казахстан отказался от всего ядерного оружия, большая часть которого была уничтожена, а часть его компонентов передана США. При проведении программы совместного уменьшения угрозы США потратили 240 млн долл. для оказания помощи в ликвидации оружия массового поражения, имевшегося на территории Казахстана. В 2018 г. прошла встреча президентов двух стран, однако никаких масштабных договоренностей достигнуто не было, хотя США уже является крупнейшим инвестором Казахстана и намерены расширить свое присутствие в данной стране.

Заключение

Подводя итоги исследования можно отметить, что на данном этапе развития Казахстана его главным партнером по-прежнему выступает Россия. Безусловно, степень ее влияния начинает постепенно снижаться. Другие страны проводят активную внешнеторговую и инвестиционную политику, направленную на как можно большее присутствие в Казахстане. Так, по товарообороту первое место занимают страны ЕС. По экспорту из Казахстана Россия находится на третьем месте, однако в импорте ей нет равных. Доля импортируемых российских товаров в Казахстан существенно превышает доли всех других стран, что является положительным фактором для формирования влияния в стране.

Что касается инвестиций, то тут лидирует ЕС, далее идет США. Все рассматриваемые страны стремятся занять наиболее выгодное положение в добывающей промышленности, поскольку Казахстан обладает огромными

запасами дешевого сырья. США с помощью прямых инвестиций в предприятия, занимающиеся добычей нефти, газа и металлов старается получить доступ к сырью по заниженным ценам. Несмотря на это, нефтяную отрасль Казахстана уже контролирует Китай, имея множество собственных предприятий и увеличивая свои доли в национальных компаниях Казахстана. Россия также имеет большое количество предприятий с участием своего капитала в стране, однако из-за схожести типов экономик двух стран и в связи с наличием у России огромных запасов ресурсов, ее инвестиции в страну более равномерно распределены по различным отраслям экономики.

Говоря о гуманитарном сотрудничестве сложно сделать однозначные выводы о преимуществе России в данной сфере, однако большую роль здесь играет общность истории России и Казахстана и тот факт, что после распада СССР их отношения продолжились развиваться. Однако Китай активными темпами наращивает взаимодействие с Казахстаном не только в правовой и экономической, но и в культурно-социальной сфере. Он развил крупную сеть институтов, финансирует программы обмена студентами для сближения стран и культур. Россия также поддерживает крепкие отношения с Казахстаном, тем не менее Китай вскоре может ее обойти, поскольку проводит масштабный комплекс различных мер и программ в данной области.

Таким образом, на данном этапе Россия остается ключевым партнером Казахстана. Сотрудничество двух стран в рамках ЕАЭС активно развивается и поддерживается обеими странами. Несмотря на то, что по некоторым показателям доля России снижается, она все равно остается важнейшим стратегическим партнером Казахстана. Однако для того, чтобы удержать этот статус, стране следует увеличивать объемы инвестиций в Казахстан, проводить более масштабную гуманитарную политику и не терять своих позиций в импорте страны, разрабатывать совместные проекты как в сфере экономики, так и в других областях взаимодействия двух стран.

Список литературы

- Альмерков Н.А., Кашикмбаева К.Б.* Экономика Казахстана: современное состояние, проблемы и пути решения // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 12–1. С. 27–32.
- Асансеитова С.М., Ковалева Э.В., Свинухов В.Г.* Оценка влияния экспорта и прямых иностранных инвестиций на ВВП на примере стран – членов ЕАЭС // *Вестник НГИЭИ*. 2018. № 9 (88). С. 60–70.
- Гусаков Н.П.* Россия и глобальные вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2011. № 3. С. 5–17.
- Джуманова Р.А.* Внешнеэкономическая деятельность Республики Казахстан: участие в международной торговле и в процессах инвестирования // *Вестник Института экономики РАН*. 2019. № 1. С. 175–190.
- Ермакова А.В.* Участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе: история и перспективы // *Экономические исследования*. 2016. № 4. С. 6.
- Иванов Д.А.* Роль энергетического фактора во взаимодействии Казахстана с Европейским союзом // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. № 9 (354). С. 1731–1746.

- Лоскутова И.Н.* Пути углубления энергетического сотрудничества между Казахстаном и Россией // Молодой ученый. 2011. Т. 1. № 8. С. 152–154.
- Министерство национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/5> (дата обращения: 25.08.2019).
- Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения 25.08.2019).
- Савичев Ю.Н.* Россия и Казахстан: сотрудничество в сфере высшего образования // Современная наука. 2015. № 2. С. 26–29.
- Сагиндигов Р.Е.* Казахстан и Россия: грани сотрудничества // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 174–178.
- Темшиев Р.М., Фахрутдинов Б.Р., Авилова В.В.* Иностраннные инвестиции в нефтедобычу Республики Казахстан: тенденции и перспективы развития // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 23. С. 369–371.
- Токаев Т.К.* Сотрудничество Республики Казахстан с Европейским союзом // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2010. № 1. С. 60–75.
- Третьякова Е.В.* Прямые иностранные инвестиции: оценка привлечения в Республику Беларусь // Вестник ГГТУ имени П.О. Сухого. 2017. № 3 (70). С. 75–83.
- Шапкин М.Н.* Военно-политическое взаимодействие России и Казахстана как фактор укрепления двустороннего сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 19–28.
- Shkurkin D.V., Ryazantsev S.V., Gusakov N.P., Andronova I.V., Bolgova V.V.* The Republic of Kazakhstan in the System of International Regional Integration Associations // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No. 6. Pp. 174–179.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.09.2019

Дата проверки: 20.09.2019

Дата принятия к печати: 12.10.2019

Для цитирования:

Гусаков Н.П., Маслова М.В. Россия и Казахстан: диапазон и динамика отношений в условиях возрастания взаимозависимости национальных экономик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 455–465. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-455-465>

Сведения об авторах:

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов. E-mail: gusakov_np@pfur.ru

Маслова Мария Владимировна, магистр 2-го курса экономического факультета кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: maslova_maria_v@mail.ru

Russia and Kazakhstan: range and dynamics of relations in the conditions of increasing interdependence of national economies

Nikolai P. Gusakov, Mariia V. Maslova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article reveals the changing role of Russia in Kazakhstan's economy, identifies its position in trade, investment and humanitarian assistance to the country. The economic potential of Kazakhstan is described, the sectors of the economy most attractive to foreign investors are presented. The main countries seeking to increase their presence in Kazakhstan are identified, their place and role in trade and direct investment in Kazakhstan are compared. The separation of spheres of influence in the country is revealed. It is noted that the EU countries are the leading trade partners of Kazakhstan, but the largest imports to the country come from Russia, in the first place in investments are the Netherlands, then the United States. The most active humanitarian aid to Kazakhstan is provided by China, which pursues an active social policy. The article also analyzes the dynamics of changes in the role of Russia, it is revealed that the country is gradually losing its degree of influence in Kazakhstan, however, at the moment it still remains its main strategic partner.

Keywords: Kazakhstan; Russia; economic impact; strategic partnership; separation of spheres of influence in Kazakhstan

References

- Al'merekov N.A., Kashkimbaeva K.B. (2018). *Ekonomika Kazakhstana: sovremennoe sostoyanie, problemy i puti resheniya* [The economy of Kazakhstan: current status, problems and solutions]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, (12–1), 27–32. (In Russ.)
- Asanseitova S.M., Kovaleva E.V., Svinuhov V.G. (2018). *Ocenka vliyaniya eksporta i pryamyh inostrannyh investitsiy na VVP na primere stran – chlenov EAES* [Evaluation of the impact of exports and foreign direct investment on GDP by the example of EAEC member countries]. *Vestnik NGIEI*, 9(88), 60–70. (In Russ.)
- Dzhumanova R.A. (2019). *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kazahstan: uchastie v mezhdunarodnoj torgovle i v processah investirovaniya* [Foreign economic activity of the Republic of Kazakhstan: participation in international trade and in investment processes]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, (1), 175–190. (In Russ.)
- Ermakova A.V. (2016). *Uchastie Rossijskoj Federacii v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: istoriya i perspektivy* [Participation of the Russian Federation in the Eurasian Economic Union: history and prospects]. *Ekonomicheskie issledovaniya*, (4), 6. (In Russ.)
- Gusakov N.P. (2011). *Rossiya i global'nye vyzovy* [Russia and global challenges]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, (3), 5–17. (In Russ.)
- Ivanov D.A. (2017). *Rol' energeticheskogo faktora vo vzaimodejstvii Kazahstana s Evropejskim soyuzom* [The role of the energy factor in the interaction of Kazakhstan with the European Union]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 9(354), 1731–1746. (In Russ.)

- Loskutova I.N. (2011). Puti uglubleniya energeticheskogo sotrudnichestva mezhdru Kazahstanom i Rossiej [Ways to deepen energy cooperation between Kazakhstan and Russia]. *Molodoj uchenyj*, 1(8), 152–154. (In Russ.)
- Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan. <http://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/5> (accessed: 25.08.2019)
- National Bank of Kazakhstan. <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (accessed: 25.08.2019)
- Sagindikov R.E. (2014). Kazahstan i Rossiya: grani sotrudnichestva [Kazakhstan and Russia: sides of cooperation]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 4(34), 174–178. (In Russ.)
- Savichev Yu..N. (2015). Rossiya i Kazahstan: sotrudnichestvo v sfere vysshego obrazovaniya [Russia and Kazakhstan: cooperation in higher education]. *Sovremennaya nauka*, (2), 26–29. (In Russ.)
- Shapkin M.N. (2016). Voенно-politicheskoe vzaimodejstvie Rossii i Kazahstana kak faktor ukrepleniya dvustoronnego sotrudnichestva [Military-political interaction of Russia and Kazakhstan as a factor in strengthening bilateral cooperation]. *RUDN Journal of Political Science*, (3), 19–28. (In Russ.)
- Shkurkin D.V., Ryazantsev S.V., Gusakov N.P., Andronova I.V., Bolgova V.V. (2016). The Republic of Kazakhstan in the System of International Regional Integration Associations. *International Review of Management and Marketing*, 6(6), 174–179.
- Temishev R.M., Fahrutdinov B.R., Avilova V.V. (2014). Inostrannye investicii v neftedobychu respubliki Kazahstan: tendencii i perspektivy razvitiya [Foreign investments in oil production of the Republic of Kazakhstan: trends and development prospects]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, (23), 369–371. (In Russ.)
- Tokaev T.K. (2010). Sotrudnichestvo Respubliki Kazahstan s Evropejskim soyuzom [Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the European Union]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, (1), 60–75. (In Russ.)
- Trejtyakova E.V. (2017). Pryamye inostrannye investicii: ocenka privlecheniya v Respubliku Belarus' [Foreign direct investment: assessment of attraction to the Republic of Belarus]. *Vestnik GGTU imeni P.O. Suhogo*, 3(70), 75–83. (In Russ.)

Article history:

Received: 08.09.2019

Revised: 20.09.2019

Accepted: 12.10.2019

For citation:

Gusakov N.P., Maslova M.V. (2019). Russia and Kazakhstan: range and dynamics of relations in the conditions of increasing interdependence of national economies. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 455–465. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-455-465>

Bio notes:

Nilolai P. Gusakov, Dr. Econ. Sci., Full Professor, Head of the Department of International Economic Relations of the Faculty of Economics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: gusakov_np@pfur.ru

Mariia V. Maslova, second-year master of economics at the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: Maslova_maria_v@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-466-478
УДК 339.97

Научная статья

Современные мировые тенденции алмазного рынка и их влияние на развитие алмазно-бриллиантовых комплексов России и Индии

О.А. Мальцева, Н.Г. Хромова

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

В статье рассмотрены современные тенденции развития мирового алмазно-бриллиантового комплекса (АБК). Особое внимание уделено растущему присутствию на алмазном рынке лабораторно выращенных алмазов, их влиянию на рынок природных алмазов и возрастающим возможностям цифровых технологий во всех отраслях АБК. Кроме того, рассмотрены изменения в предпочтениях нового поколения покупателей и проблемы доступности источников финансирования отрасли. Целью работы было выявить, каким образом современные тенденции повлияют на развитие АБК России и Индии. Актуальность работе также придает то, что авторами были изучены последние опубликованные материалы на данную тематику и проанализированы мнения практиков. Результат работы представлен в виде детального изучения современных тенденций и потенциальных угроз для АБК России и Индии. В заключение сделан вывод о необходимости новой стратегии развития АБК России и Индии и сформулированы задачи для ее выработки.

Ключевые слова: алмазно-бриллиантовый комплекс; лабораторно выращенные алмазы; цифровые технологии; изменение предпочтений покупателей; финансирование отраслей АБК

Введение

Алмазно-бриллиантовый комплекс (АБК) является важной составляющей международного рынка и состоит из следующих отраслей: геологоразведочной, алмазодобывающей, гранильной, ювелирной, оптовой и розничной торговли алмазной продукцией.

В России присутствуют все отрасли АБК. По уровню добычи алмазного сырья Россия занимает первое место в мире (29 %), а по объемам производства бриллиантов только около 2 % мирового рынка бриллиантов¹.

© Мальцева О.А., Хромова Н.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Рассчитано авторами на основании данных за 2017 г. Кимберлийского процесса. URL: <https://kimberleyprocessstatistics.org/> и <http://www.idexonline.com/pipeline> 2017.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

В Индии практически нет добычи алмазов (0,03 %)², между тем эта страна является крупнейшим в мире и самым низкокзатратным центром огранки алмазного сырья. В настоящее время на долю Индии приходится около 80 % мирового производства бриллиантов в стоимостном выражении³. В этой связи необходимо отметить, что вплоть до конца 1960-х гг. индийская гранильная промышленность играла незначительную роль в стране и мировом АБК. Так, в 1960 г. доля Индии в мировом объеме производства бриллиантов составляла всего 0,3 % (Фридман, Вечерина, 2008). Глубокие преобразования в гранильной отрасли страны начались с 1990-х гг. и совпали с «масштабным проведением либеральных реформ, результатом которых стало постепенное превращение Индии в один из современных двигателей мировой экономики» (Галищева, 2013). Российские индологи А.И Медовой и Н.В Галищева отмечают: «Начало 90-х гг. прошлого столетия стало рубежом, с которого индийская экономика начала осуществлять переход к новой экономической модели, ориентированной на рост инвестиционной активности частного сектора и расширение рыночных отношений. Реформы имели системный характер, они охватывали все сферы экономики» (Медовой, Галищева, 2009).

После периода нестабильности 2017 и 2018 гг. стали успешными для мировой алмазной промышленности, рост выручки составил примерно 2 % во всех сегментах АБК. Алмазодобывающие компании достигли беспрецедентного роста производства (почти на 20 % в каратах) в 2017 г. При условии сохранения роста спроса на ювелирные изделия с бриллиантами ожидается улучшение показателей рентабельности сегмента огранки. Индия сохраняет лидерские позиции в этом сегменте благодаря более низким затратам на рабочую силу, благоприятной нормативной среде и относительно лучшему доступу к финансированию. В соответствии с положительными тенденциями рынка предметов роскоши глобальные продажи ювелирных изделий с бриллиантами выросли на 2 % в долл. США в 2017 г., что было вызвано сильными макроэкономическими показателями в США и оживлением спроса в Китае⁴.

Несмотря на общий позитивный прогноз развития рынка алмазов существуют тенденции, которые значительным образом могут повлиять на дальнейшее развитие АБК.

Среди ключевых тенденций можно выделить:

- растущее присутствие выращенных в лаборатории алмазов;
- влияние цифровых технологий и инноваций;
- изменение предпочтений молодых поколений покупателей.

Вышеуказанные тенденции определяют направление деятельности всех участников АБК и в том числе одних из главных его игроков: России (миро-

² Рассчитано авторами на основании данных за 2017 г. Кимберлийского процесса. URL: <https://kimberleyprocessstatistics.org/> и <http://www.idexonline.com/pipeline2017.pdf> (дата обращения: 20.08.2018).

³ Рассчитано авторами на основании данных за 2017 г. URL: <http://www.idexonline.com/pipeline2017.pdf> (дата обращения: 20.08.2018). В некоторых источниках указывается – 90 %.

⁴ The Global Diamond Industry 2018. Bain & Company, Inc. P. II.

вого лидера по добыче алмазов) и Индии (абсолютного лидера в производстве бриллиантов).

Обзор литературы

В основе проведенного исследования лежит анализ аналитических отчетов международной консалтинговой компании Bain & Company и компании De Beers, а также публикации профильных СМИ в области рынка алмазов и бриллиантов (экспертные статьи и оценки, интервью). При подготовке использовались исследования в области технических и синтетических алмазов (Андреева, Маршинцев, Шарин, 2004), монографии в области АБК Индии (Фридман, Вечерина, 2008). Неоценимое значение для исследования имели работы отечественных индологов и востоковедов, чьи труды проливают свет на особенности индийской экономической деятельности на современном этапе (Галищева, Медовой, 2009, 2013, 2015), также был использован практический опыт делового сообщества, полученный из опросов представителей бизнеса.

Методы и подходы

В ходе исследования использовались различные методы, такие как индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, анализ и синтез, системный и комплексный подходы. Методика исследования базировалась на критическом экономическом анализе тенденций развития АБК. При анализе материалов СМИ был задействован контент-анализ. Информационной основой послужили данные компаний и статистические данные.

Результаты

Одна из ключевых тенденций, влияющих на дальнейшее развитие алмазно-бриллиантового рынка, – растущее присутствие в отрасли лабораторно выращенных алмазов (ЛВА).

В 2018 г. произошли два важных события на рынке ЛВА:

1) в июле Федеральная торговая комиссия США внесла поправки в «Руководства по ювелирным изделиям», уточнив, что по алмазной терминологии «алмаз – это алмаз» независимо от его происхождения;

2) в сентябре компания De Beers Group⁵ запустила розничную торговлю модными ювелирными изделиями с синтетическими камнями под названием Lightbox Jewellery, которая представила новую ценовую парадигму.

Примечательно, что алмазы, выращенные в лаборатории, существуют уже более 60 лет и до 2018 г. их влияние на рынок натуральных камней было незначительно.

Синтез алмазов впервые в мире был осуществлен в Швеции в 1953г., а через 6 лет этот опыт повторили в СССР. Между тем лишь в 1980-х гг.

⁵ Компания De Beers основана в 1888 г. на территории нынешней ЮАР, международная корпорация занимается добычей алмазов на месторождениях в Ботсване, ЮАР, Канаде и Намибии. De Beers единственная компания в мире сопоставимая с группой компаний «АЛРОСА» по объемам добычи.

начался интенсивный рост производства синтетических алмазов. В России рынок синтетических алмазов фактически сформировался с начала 2000-х гг., основные центры по их производству – Москва, Новосибирск и Санкт-Петербург.

Сейчас мировой объем производства ЛВА превышает объем добычи натуральных технических алмазов. Для сравнения: добыча природных алмазов в 2016 г. составила 126 млн карат, а объем рынка синтетических алмазов – около 4,4 млрд карат.

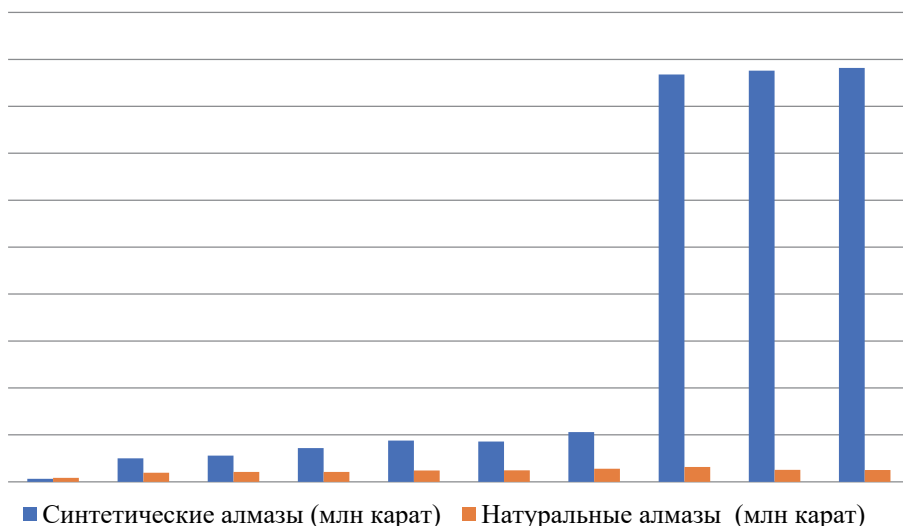

Рисунок. Производство синтетических и натуральных алмазов в мире (млн карат)
[Figure. Production of synthetic and natural diamonds in the world (million carats)]

Источники: построено по данным: Андреева Т.С., Маршинцев В.К., Шарин П.П. Рынок технических алмазов. Якутск, 2004. С. 22–23; US Geological Survey Minerals Yearbook, 1996–2016. URL: <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/diamond/index.html#myb> (дата обращения: 15.03.2019).

С 2004 г. около 90 % мирового производства синтетических алмазов сосредоточено в Китае⁶.

В настоящее время существуют две технологии производства ЛВА.

Первая технология – *метод высокого давления и высоких температур* (High pressure, high temperature – HPHT), заключается в воздействии на исходный углеродсодержащий материал высоким статистическим давлением и температурой в течение от нескольких секунд до нескольких минут. Таким образом имитируются природные условия для роста алмазов. Основной объем синтетических алмазов производится этим методом (99 %), он более дешевый (по сравнению со вторым) и с его помощью можно получать разнообразные алмазы по структуре и размерам, которые используются в основном в строительной отрасли.

⁶ Рассчитано авторами на основании отчетов US Geological Survey Minerals Yearbook.

Вторая технология – *газофазный синтез* (Chemical vapor deposition – CVD). Суть метода в том, что паровая фаза, осаждающаяся слой за слоем в камере, наполненной ионизированным газом, позволяет получать сверхчистый алмаз для применения в исключительно высоких технологиях – создании современных ядерных установок или ускорителей сверхбольшой мощности. Доля рынка алмазов, выращенных таким способом, мала – 1 %. Достоинства таких камней: оптическая прозрачность, отличные полупроводниковые свойства, высокая теплопроводность. В основном используются в высокотехнологичных отраслях, медицине и ювелирной промышленности.

Газофазный метод (CVD) более дорогостоящий и первоначально с его помощью можно было производить только мелкие и низкокачественные камни. Между тем развитие в этой области технологий помогло занять ЛВА более конкурентную позицию на рынке. В частности, новая технология химического осаждения из паровой фазы значительно сократила затраты на производство более крупных и высококачественных алмазов. Сегодня стоимость производства алмаза этим методом составляет от 300 до 500 долл. за карат, по сравнению с 4000 долл. за карат в 2008 г. То есть с 2008 г. себестоимость производства алмазов CVD-методом снизилась в десять раз и ожидается дальнейшее сокращение. Поскольку производственные затраты снизились, соответственно, снизились розничные и оптовые цены. Причем заметное снижение произошло в последние два года – розничная цена алмазов, выращенных в лаборатории, снизилась почти в 2 раза, а оптовые цены упали в три раза. Ожидается, что цены будут снижаться еще больше, поскольку эффективность производства растет и на рынок выходят новые конкуренты⁷.

Сейчас производители ЛВА стоят перед выбором: заниматься производством камней ювелирного качества (используемых в качестве вставок в ювелирные изделия) или производить алмазы для высокотехнологичных отраслей. По нашему мнению, последний вариант имеет наибольший потенциал для долгосрочного роста и доходности. Например, датчики, полупроводники и медицинские режущие инструменты представляют собой развивающийся рынок для алмазов, производимых с помощью CVD-технологии.

По оценке экспертов Bain & Company, в настоящее время емкость рынка ЛВА в качестве драгоценных камней, оценивается в 2 млн карат. К 2030 г. рынок может вырасти до 10–17 млн карат, если этот сегмент сможет поддерживать свои текущие ежегодные темпы роста от 15 до 20 % при поддержке потребительского спроса и устойчивой экономики⁸.

В конечном счете маркетинг и потребительское восприятие определит влияние ЛВА на рынок природных алмазов. В этой связи существуют три сценария: потребители могут воспринимать выращенные в лаборатории и природные алмазы как взаимозаменяемые (за исключением камней самого высокого качества), как два разных продукта или «где-то посередине» (клиенты будут отличать два продукта в некоторых случаях, кроме некачественных камней). Вероятно, что потребители будут рассматривать ЛВА как модные изделия (бижутерию), но не предметы роскоши. Если добывающая алмазная

⁷ The Global Diamond Industry 2018. Bain & Company, Inc. P. 26.

⁸ Ibid. P. 24.

промышленность сможет отделить отрасль природных алмазов от выращенных в лаборатории (то есть позиционировать ЛВА как модные изделия, а не предметы роскоши), тогда спрос на природные алмазы, вероятно, не будет снижаться. Этой стратегии придерживается компания De Beers.

Анализ современной стратегии De Beers разумней начать с определения роли компании в мировой алмазной промышленности. До 2000 г. De Beers была главным мировым регулятором рынка алмазов и на протяжении большей части XX в. доминировала на мировом алмазном рынке. Она регулировала цены на алмазное сырье (покупая избыточные запасы) и вкладывала значительные средства в рекламу бриллиантов⁹ для поддержания их спроса. В течение почти 100 лет этот подход работал хорошо. Изменения произошли в 2000 г., когда компания изменила стратегию и от действующей одноканальной системы сбыта алмазов перешла к новой рыночной стратегии – «Предпочитаемый поставщик». De Beers утратила роль монополиста и больше не могла регулировать спрос и предложение для поддержания цен. И хотя сейчас De Beers больше не является регулятором алмазного рынка, компания по-прежнему его ключевой субъект, продающий около 34 %¹⁰ мировых алмазов.

В сентябре 2018 г. компания De Beers представила линию ювелирных изделий ЛВА – предприятие Lightbox Jewelry, которое, по словам директора Брюса Кливера, в конечном итоге может принести доход до 200 млн долл. в год¹¹. Между тем эта цифра может быть небольшой по сравнению с бизнесом с натуральными алмазами компании стоимостью 6 млрд долл. В этой связи господин Кливер признает: «Синтетика никогда не будет таким же большим бизнесом, как наш бизнес с натуральными алмазами. Но у нас есть огромное преимущество перед всеми остальными, учитывая ноу-хау и инфраструктуру, предоставляемые Element Six»¹².

Новая компания, основанная De Beers, Lightbox Jewelry, продает модные ювелирные украшения с лабораторно выращенными камнями разных цветов. В Lightbox используется линейная модель ценообразования, отражающая линейную стоимость производства, при которой все выращенные в лаборатории камни стоят 800 долл. за карат независимо от размера. Камни Lightbox не будут оцениваться как природные алмазы, так как оценка свидетельствует о редкости, индивидуальности камня и, следовательно, его стоимости. Компания De Beers полагает, что эти низкобюджетные изделия будут

⁹ Рекламная кампания De Beers под слоганом Diamonds are forever (Бриллианты навсегда) сделала бриллианты синонимом обручальных колец.

¹⁰ De Beers Group. The diamond insight report 2018. P. 7.

¹¹ Ожидается, что завод стоимостью в 94 млн долл. США, который De Beers построит в Грешеме (штат Орегон, США), будет генерировать 500 тыс. карат алмазов в год после его введения в 2020 г.

¹² Инновационный центр Element Six – промышленный отдел De Beers. Ученые этого подразделения около 50 лет разрабатывали и производили разнообразные инструменты для нефтяных и газовых буровых установок, мощных лазеров и современных акустических систем. Между тем сейчас производит синтетические ювелирные камни. How “De Beers” Sees Its New Synthetics Business // Rapaport News. URL: <https://www.diamonds.net/News/NewsItem.aspx?ArticleID=62346&ArticleTitle=How+De+Beers+Sees+Its+New+Synthetics+Business> (дата обращения: 10.06.2018).

привлекательны для массового рынка, поскольку отражают потребности покупателей, которые считают изделия с синтетические камнями «забавными вещами». То есть эти изделия не рассматриваются покупателями в качестве подарка на важные события в жизни, такие как свадьба, рождение ребенка или юбилей.

Для большинства алмазодобывающих компаний и производителей бриллиантов ЛВА стали угрозой по нескольким причинам. Прежде всего, скрытое смешивание синтетических алмазов с натуральными в определенной мере подорвало доверие к отрасли. Тем не менее с момента появления детекторных машин страх перед смешиванием лабораторных алмазов с натуральными несколько ослабел.

Анализ стратегии De Beers позволяет сделать следующие выводы.

De Beers хотела бы создать четкую сегментацию двух разных отраслей: натуральной алмазной промышленности и лабораторной алмазной промышленности, поскольку некоторые производители синтетических алмазов стали позиционировать свою синтетическую продукцию в качестве приемлемого, более экологичного выбора¹³ и оценивать ее соответственно

De Beers оценивает лабораторные алмазы на основе производственных издержек, не принимая в расчет цены на природные алмазы. Но ценовая стратегия компании должна помочь создать представление о том, что эти два продукта достаточно различны и должны иметь отдельные рынки. У них нет уникальности и редкости. Это очень отличается от бизнеса с натуральными камнями, где цены разные, это совершенно другой бизнес»¹⁴. В этой связи мировой АБК уже отреагировал снижением цен на лабораторно выращенные алмазы¹⁵. Этот проект De Beers вызвал беспокойство у всех участников мирового алмазного рынка и, безусловно, касается главных участников отрасли России и Индии. В этой связи для дальнейшего развития алмазной отрасли России и Индии необходимо выработать стратегию относительно влияния на отрасль нового продукта. По мнению председателя Совета по содействию экспорту драгоценных камней и ювелирных изделий Индии (GJERC) Промода Кумара Агравала: «Синтетические и природные бриллианты являются совершенно разными товарами, и каждый из них будет иметь собственный рынок и своих потребителей. Но все усилия должны быть направлены на раздельное существование природных и синтетических бриллиантов. Настало время наметить различные маркетинговые стратегии для обоих продуктов»¹⁶.

¹³ Например, компания Diamond Foundry привлекла в качестве инвестора Леонардо Ди Каприо своей целью – «сокращать вред, который наносит человечеству и окружающей среде алмазодобывающая отрасль, рационально культивируя бриллианты и не прибегая к разрушающей добыче».

¹⁴ How De Beers Sees Its New Synthetics Business // Rapaport News. URL: <https://www.diamonds.net/News/NewsItem.aspx?ArticleID=62346&ArticleTitle=How+De+Beers+Sees+Its+New+Synthetics+Business> (дата обращения: 10.06.2018).

¹⁵ Оптовые цены на ЛВА упали на 30–60 % после начала продаж продукции Lightbox.

¹⁶ Индия готовится стать крупным рынком высококачественных ювелирных украшений // Rough and Polished. URL: <https://www.rough-polished.com/ru/exclusive/111776.html> (дата обращения: 21.10.18).

Между тем группа компаний «АЛРОСА»¹⁷ не планирует менять стратегию, интегрироваться на новый рынок (рынок ЛВА. – О.М, Н.Х.), запустить собственное синтетическое производство или продавать алмазы, выращенные в лаборатории. Так, генеральный директор «АЛРОСА» С.С. Иванов выразил надежду, что эта инициатива приведет к дифференциации натуральных алмазов и синтетических камней, подчеркнув статус синтетики как отдельного продукта с низкой ценой. Однако нельзя отрицать, что это увеличит спрос на синтетические камни и вызовет девальвацию алмаза как понятия¹⁸. В этой связи «АЛРОСА» нужно переосмыслить свою стратегию и понять, на какой ассортимент повлияют ЛВА, выработать новый подход к маркетинговой стратегии. Российские производители¹⁹ синтетических алмазов отмечают, что рост их продукции никоим образом не составит конкуренцию натуральным камням в ювелирном производстве²⁰.

Следует отметить еще одно важное событие 2018 г., Федеральная торговая комиссия (ФТС) США расширила свое определение понятия «алмаз», включив в него те, которые выращиваются в лаборатории. Предыдущее определение алмаза ФТС гласило: «Алмаз – это природный минерал, состоящий в основном из чистого углерода, кристаллизованного в изометрической системе». Теперь это определение больше не используется. В новый список не входит слово «натуральный». Представители ФТС пояснили, что, когда комиссия впервые использовала это определение в 1956 г., на рынке был только один вид алмазного продукта – природные камни, добытые из недр земли», но с тех пор технологические достижения позволили создать алмазы в лаборатории. Эти камни имеют по существу те же оптические, физические и химические свойства, что и добытые алмазы. Таким образом, это алмазы. Комиссия предлагает маркетологам использовать такие слова, как «культивированный», «лабораторный». Раньше компании алмазной промышленности использовали слово «синтетический» для описания камней, сделанных на фабриках.

По мере того как отрасль лабораторных алмазов продолжает развиваться, а цены на ЛВА снижаются, игрокам по всей цепочке создания стоимости природных алмазов необходимо будет определить, как реагировать и как позиционировать свою продукцию среди потребителей. Например, есть мнение, что отрасль природных бриллиантов Индии сможет выдержать конкуренцию с ЛВА, если будет заниматься производством крупных высококачественных камней.

Для оценки ситуации на рынке прошло не так много времени, но потенциальная угроза для рынка природных алмазов существует. Мы полагаем, что изменения в алмазной промышленности произошли и это может трансформи-

¹⁷ «АЛРОСА» – крупнейшая российская алмазодобывающая компания, на долю которой приходится 29 % мировой и 95 % российской добычи алмазов.

¹⁸ Diamond Industry & Analysts React to “De Beers” Synthetic Diamond Adventure // The Diamond Loupe. URL: <https://thediamentloupe.awdc.be/world-news/2018-05-30/diamond-industry-analysts-react-de-beers-synthetic-diamond> (дата обращения: 10.07.2018).

¹⁹ ФГБНУ «ТИСНУМ», ООО «Невский бриллиант».

²⁰ Грядут перемены в нормативно-правовом регулировании оборота драгоценных камней // Ювелир.info. URL http://uvelir.info/news/grjadut_peremeny_v_normativno-pravovom_regulirovanii_oborota_dragocennyh_kamnei/ (дата обращения: 20.02.2019).

ровать алмазный рынок, потому что алмазы, выращиваемые в лаборатории, могут воспроизводиться бесконечно, а природные месторождения истощаются.

Следующей важной тенденцией является растущее влияние цифровых технологий и научно-технологическое развитие в отраслях АБК. Новые цифровые технологии влияют на все сегменты АБК, позволяя компаниям, добывающим алмазы, игрокам среднего звена (огранщикам, ювелирам) и ритейлерам повышать эффективность своей деятельности. Маркетинговые усилия, в которых используются цифровые технологии, также могут обеспечить превосходное качество обслуживания клиентов. Помимо прочих преимуществ цифровые технологии помогают усилиям по обеспечению прозрачности и эффективности во всех сегментах АБК. Например, чтобы помочь потребителям уверенно определить происхождение бриллиантов компания, De Beers тестирует первую в отрасли систему блокчейн для отслеживания драгоценных камней каждый раз, когда они переходят из рук в руки, начиная с момента их добычи. Платформа блокчейн присваивает уникальный идентификатор Global Diamond ID каждому камню. В системе блокчейн прописываются все характеристики алмаза, то есть вес, цвет и степень прозрачности. Далее все данные объединяются в системе цифрового регистра. Затем система перепроверяет указанные данные на каждой контрольной точке движения алмаза, от места добычи до полки ювелирного магазина.

Российская добывающая компания «АЛРОСА» также изучает технологию трейсинга²¹ камней и рассматривает возможность сотрудничества с De Beers по этому проекту, но рассматривает и другие подобные проекты. Для поддержания прозрачности рынка в России планируется развивать цифровую каталогизацию. Проводится эксперимент по маркировке и клеймению камней. В нем задействованы Минфин РФ, Гохран РФ, АК «АЛРОСА» и Пробирная палата. «От рудника до пальца» – так можно кратко охарактеризовать суть эксперимента. АК «АЛРОСА» маркирует сырье, предприятия (участвующие в эксперименте) приобретают, сортируют и отслеживают дальнейшее движение камней (в частности, кто огранил или купил). Камень получает вес и характеристики, указывается, кто его собственник. И только потом он продается конечному потребителю (в дальнейшем можно будет использовать QR-код камня, паспорт камня).

Также алмазодобывающие компании используют интеллектуальное обслуживание, средства управления в реальном времени и искусственный интеллект для снижения растущих эксплуатационных расходов.

Алмазогранильные предприятия ищут передовые решения в области цифрового моделирования, чтобы сократить производственный цикл и в конечном итоге перейти к полностью автоматизированным процессам производства бриллиантов. Индийские алмазогранильные компании используют все достижения научно-технического развития и цифровых технологий. Например, индийская компания STPL выпустила первую в мире роботизированную систему для огранки алмазов, из которой полностью исключен челове-

²¹ Отслеживание происхождения – комплекс мер, позволяющих по нескольким поисковым критериям определить место происхождения и связанные с этим характеристики конкретного продукта на любом этапе изготовления и/или цепи поставки.

ческий фактор. Аппарат обладает искусственным интеллектом и способен самостоятельно проанализировать и определить наиболее оптимальный тип и форму огранки драгоценного камня, а затем самостоятельно изготовить из него бриллиант. Вероятно, эта новая система повлияет на развитие всей алмазной промышленности, так как позволит сделать процесс огранки не только более быстрым и точным, но и более рентабельным.

Отечественных инноваций на таком уровне, как у зарубежных поставщиков, на данный момент не существует. Поэтому российские предприятия вынуждены закупать дорогостоящие зарубежные установки в Индии, Израиле, США. Так, «АЛРОСА» в 2017 г. в целях повышения эффективности ограночного комплекса провела его техническое перевооружение: в дополнение к существующим разметочным комплексам была приобретена установка для 3D-моделирования и разметки алмазов Sarine XL, что позволило повысить эффективность обработки²².

В это связи необходимо развивать сотрудничество с Индией для совместных разработок высокотехнологичного оборудования и «осуществления научно-технических проектов в счет суммы задолженности Индии (перед Россией. – О.М., Н.Х.), трансформируя ее в инвестиции» (Галищева, 2015). А также весьма выгодно в том числе развитие инвестиционного сотрудничества между странами, поскольку в Индии создан привлекательный инвестиционный климат для иностранного бизнеса, благоприятная нормативно-правовая база и грамотно используются инструменты госрегулирования (в стране успешно действуют большое количество специализированных СЭЗ) (Галищева, 2012).

Третья ключевая тенденция – это смена предпочтений молодого поколения потребителей. Необходимо учитывать поведение потребителей, которое меняется по мере развития технологий, например, социальные сети оказывают влияние на новые модели прямых и онлайн-продаж. Молодое поколение потребителей заставляет игроков отрасли переосмыслить свои продажи и маркетинговые стратегии. Многие ритейлеры уже разрабатывают стратегию изменения в предпочтениях, подходы к маркетингу и операциям. Несмотря на то, что уделяется большое внимание поколению миллениалов, их преемники – поколение Z²³ набирают покупательскую способность, вынуждая индустрию переосмыслить стратегии маркетинга и продаж. Ожидается, что продажи для самостоятельной покупки и покупки в социальных сетях возрастут, привлекая молодые поколения покупателей бриллиантов.

Заключение

Помимо вышеуказанных тенденций существуют следующие угрозы:

– глобальные или региональные кризисы: потенциальные торговые риски на ближайшую и среднесрочную перспективы связаны с макроэкономическими факторами на крупнейших рынках;

²² Годовой отчет 2017 г. АК «АЛРОСА». С. 40–41.

²³ Традиционно люди поколения Z рассматриваются как дети родителей из поколения Y, пограничников поколения Y-миллениум или иногда даже поколения X. То, что предыдущие поколения называли новыми технологиями, или технологиями будущего, для поколения Z уже настоящее.

– геополитические конфликты, влияющие на доверие потребителей (например, торговые войны): если США и Китай продолжают оспаривать условия торговли, это может негативно повлиять на перспективы экономического роста в обеих странах;

– ожидается, что даже в оптимистичных сценариях добыча алмазного сырья в краткосрочной перспективе сократится из-за истощения существующих месторождений.

Таблица

Стратегические задачи АБК России и Индии в современных условиях
[Table. **Strategic tasks of the diamond complexes of Russia and India in modern conditions**]

	Россия	Индия
Алмазодобыча	Использовать возможности цифровых технологии для улучшения деятельности. Определить на какой ассортимент повлияют ЛВА и в этой связи выработать подход к маркетинговой стратегии	Принимать участие в проектах по геологоразведке и добыче алмазного сырья
Огранка алмазов	Использовать возможности цифровизации для дальнейшей оптимизации доходности и сокращения производственного цикла огранки, а также возможности автоматизированного процесса обработки	
Розничная торговля ювелирными изделиями с бриллиантами	Развивать использование социальных сетей и обеспечить возможность покупок в социальных сетях. Определить: следует ли продавать ЛВА и как это может повлиять на бренд и репутацию.	

Источник: составлено авторами.

Учитывая вышеперечисленные тенденции и угрозы России и Индии необходимо грамотно адаптироваться к переменам и выработать новую стратегию развития АБК. Основные задачи, стоящими перед странами, указаны в таблице.

Список литературы

- Андреева Т.С., Маршинцев В.К., Шарин П.П. Рынок технических алмазов / М-во науки и проф. образования Респ. Саха (Якутия); ГУ Нац. науч.-исслед. центр алмазов, драгоцен. камней и самород. золота Респ. Саха (Якутия). Якутск: ГУ ННИЦ алмазов РС(Я), 2004. 90 с.
- Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди, 2013. 502 с.
- Галищева Н.В. Союз, проверенный временем. Индийско-российское сотрудничество: основные проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 2–8.
- Галищева Н.В. Чем Индия привлекает иностранных инвесторов // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С. 29–35.
- Медовой А.И., Галищева Н.В. Экономика. М.: МГИМО(У) МИД России, 2009. 352 с.
- Фридман А.А., Вечерина О.П. Израиль и Индия – два полюса мирового алмазобриллиантового рынка. М.: Наука, 2008. 542 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.07.2019

Дата проверки: 20.08.2019

Дата принятия к печати: 21.09.2019

Для цитирования:

Мальцева О.А., Хромова Н.Г. Современные мировые тенденции алмазного рынка и их влияние на развитие алмазно-бриллиантовых комплексов России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 466–478. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-466-478>

Сведения об авторах:

Мальцева Олеся Альбертовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. E-mail: maltseva@hotmail.ru

Хромова Наталья Геннадьевна, соискатель кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. E-mail: hromova.nata@gmail.com

Research article

Current global trends in the diamond market and their impact on the development of diamond complexes of Russia and India

Olesia A. Maltseva, Natalia G. Khromova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
76 Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article deals with the current trends of the development of the global diamond complex. The authors draw attention to the growing position of lab-grown diamonds on the diamond market, their impact on the natural diamond market and the growing influence of digital technologies in all segments of the diamond complex. The article also presents some information on changes in the new generation of buyers' preferences at the present time. The authors also pay attention to the problem of the availability of sources of financing for the industry. The aim of the article is to identify how current trends will affect the development of the diamond complexes of Russia and India. The article is rather relevant as the authors has studied the latest published materials on this subject and analyzed the opinions of practitioners. The results of the investigation are presented in the form of a detailed study of current trends and potential threats to the diamond complexes of Russia and India. In conclusion the authors present the idea that there is the need for a new development strategy for the diamond complexes of Russia and India.

Keywords: diamond complex; lab-grown diamonds; digital technologies; changing customer preferences; financing of diamond complex's branches

References

- Andreeva T.S., Marshintsev V.K., Sharin P.P. (2004). *Rynok tekhnicheskikhalmazov [Technical diamond market]*. Yakutsk. (In Russ.)
- Fridman A.A., Vecherina O.P. (2008). *Izrail i Indiya – dva polyusa mirovogoalmazobrilliantovogo rynka [India and Israel are two poles of the diamond market]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Galischeva N.V. (2012). Indiya privlekayet inostrannykh investorov [India attracts foreign investors]. *Aziya i Afrika segodnya*, (1), 29–35. (In Russ.)
- Galischeva N.V. (2013). *Indiya v mirovom khozyastve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika [India in the world at the turn of the century: foreign economic relations and foreign economic policy]*. Moscow: Buki Vedi Publ. (In Russ.)
- Galischeva N.V. (2015). Soyuz provereny vremenem. Indisko-rossiskoe cotrudnichestvo: osnovnye problem i perspektivy [Union tested by time. Indian-Russian cooperation: main problems and prospects]. *Asia i Afrika segodnya*, (3), 2–8. (In Russ.)
- Medovoi A.I., Galischeva N.V. (2009). *Ekonomika Indii [Economy of India]*. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Article history:

Received: 13.07.2019

Revised: 20.08.2019

Accepted: 21.09.2019

For citation:

Maltseva O.A., Khromova N.G. (2019). Current global trends in the diamond market and their impact on the development of diamond complexes of Russia and India. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 466–478. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-466-478>

Bio notes:

Olesia A. Maltseva, Candidate of Economic Sciences, Department of Indo-Iranian and African Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail: maltseva@hotmail.ru

Natalia G. Khromova, applicant, Department of World Economy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail: hromova.nata@gmail

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-479-491
УДК 339.9

Научная статья

Будущие экономические сценарии экономик Ирана и России в условиях резких колебаний мировых цен на нефть и санкций

Э. Расулинежад, П. Сабри

Университет Тегерана
Исламская Республика Иран, 16517282, Тегеран, пл. Энгелаб, 213

Двумя основными текущими экономическими проблемами России и Ирана являются санкции Запада и скачки мировых цен на нефть. С одной стороны, Запад ввел экономические санкции против этих двух стран, что сказалось на национальных экономиках государств. С другой стороны, поскольку Иран и Россия сильно зависят от экспорта нефти, любые резкие изменения мировых цен на нефть существенно влияют на бюджеты этих двух стран. Несмотря на реализацию различных стратегий указанных государств против санкций и столкновения с ценовыми шоками на нефть, их экономики чувствительны к этим двум гиперпроблемам. Целью исследования является разработка сценариев для экономик Ирана и России в условиях санкций со стороны Запада и колебаний цен на нефть. Авторами разработаны четыре возможных сценария для экономик Ирана и России, выраженные в трансформации экономической структуры указанных государств, быстром экономическом росте, экономическом застое и экономическом кризисе. Первый сценарий подразумевает возможное увеличение санкций со стороны Запада и его союзников в отношении Ирана и России с одновременным увеличением мировых цен на нефть. Этот сценарий представляется авторам наиболее возможным для реализации. Второй сценарий основывается на быстром экономическом развитии и экономическом росте Ирана и России вследствие уменьшения политического напряжения со странами Запада, снятия экономических санкций и роста мировых цен на нефть. Третий вариант, предлагаемый авторами, – экономический застой в результате смягчения санкций со стороны Запада и его союзников и падения мировых цен на нефть. Четвертый вероятный сценарий может быть выражен в экономическом кризисе в результате эскалации конфликта со странами Запада и, как следствие, падения мировых цен на нефть, масштабный спад и экономический кризис в Иране и России. В условиях непредсказуемости Россия и Иран должны адаптироваться к быстро меняющимся условиям, в том числе за счет ускорения реализации политики импортозамещения и расширения экономического сотрудничества на Евразийском пространстве.

Ключевые слова: экономические санкции; колебание мировых цен на нефть; экономические сценарии; Россия; Иран

Введение

В настоящее время экономические санкции и резкие колебания мировых цен на нефть являются наиболее важными факторами, влияющими на структуру экономик разных стран. Экономические санкции могут разрушить экономические цепочки между странами. Одновременно с этим резкие колебания мировых цен на нефть можно определить как переменную, на основе которой страны определяют свои фискальные и монетарные политики.

Международные экономические санкции все более становятся альтернативой военному конфликту после окончания холодной войны. По мнению молодого венгерского ученого Томаса Дудлака (Dudlak, 2018), санкции – это несправедливые действия некоторых развитых стран в отношении развивающихся стран, которые могут привести к неблагоприятной экономической ситуации. По мнению одного из авторов интернет-издания Прианка Пай (Pai, 2015), можно выделить шесть стран, которые столкнулись с серьезными экономическими санкциями, среди которых: Северная Корея (дата начала санкций – 14 октября 2006 г.), Куба (дата начала санкций – 19 октября 1960 г.), Судан (дата начала санкций – 3 ноября 1997 г.), Сирия (дата начала санкций – 23 июля 2012 г.), Бирма/Мьянма (дата начала санкций – 21 мая 1997 г.) и Иран (дата начала санкций – 14 ноября 1979 г.). Согласно изданию CNBC, санкции не только неблагоприятны для страны, но и влияют на глобальные торговые и инвестиционные потоки.

Помимо санкций на экономическую структуру разных стран влияют резкие колебания мировых цен на нефть. Снижение мировых цен на нефть может носить негативные последствия для стран, чьи экономики базируются на нефти, среди них Иран и Россия. Одновременно с этим резкое повышение мировых цен на нефть является негативным сигналом для стран – потребителей нефти – ЕС и Восточной Азии. Колебания мировых цен на нефть остаются важной переменной, прямо или косвенно влияющей на всех участников не только данного мирового рынка, но и мирового сообщества (Kang, Perez de Gracia, Ratti, 2017).

Как Россия, так и Иран уже сталкивались не только с практикой управления национальной экономики в условиях резкого колебания мировых цен на нефть, но и с политическими и экономическими санкциями, применяемыми главным образом странами Западной Европы, США и их союзниками (Bagheri, Akbarpour, 2016). По мнению ряда ученых, влияние экономических санкций западных стран столь значительно, что может рассматриваться сегодня как новый виток холодной войны. За последние десять лет Иран также столкнулся с различными несправедливыми санкциями со стороны Запада, касающимися области ядерной энергетики, представляющими серьезную угрозу для экономического роста страны в долгосрочной перспективе (Gharehgozli, 2017).

Как России, так и Ирану пришлось столкнуться с еще одним явлением мировой экономики – нефтяными шоками и резкими колебаниями мировых цен на нефть. С момента начала первого нефтяного шока в 1973 г. обе страны столкнулись с проблемой чрезмерной зависимости от экспортных поставок энергоносителей. Последний скачок цен на нефть произошел в начале

2014 г., и сопровождался резким снижением мировых цен на энергоносители. И Иран, и Россия столкнулись с непредсказуемым дефицитом бюджета из-за сильной зависимости от нефтяных доходов, что повлияло на многие долгосрочные экономические программы государств.

Несмотря на то, что вопросам влияния как санкций, так и колебаний мировых цен на нефть посвящено значительное количество исследований (Ильина, 2015; Расулинежад, 2015; Farzanegan, 2009; Nasre Esfahani, 2017), сохраняется необходимость разработки сценариев возможного развития событий в условиях современных цен на нефть и сохраняющихся экономических санкций.

Обзор литературы

Санкции выступают в качестве инструмента давления и принуждения для осуществления целей иностранной политики накладывающих их стран и являются одной из наиболее обсуждаемых тем в области международных отношений. В целом санкции включают в себя любое отрицательное действие или ответ на действие в рамках цели санкций. После окончания холодной войны фокус внешней политики США изменился, и они начали вводить экономические санкции с 1990 г.

После 1990-х гг. санкции прямо или косвенно влияли на характеристики мировой экономики. Например, введение санкций со стороны США и альянсов (то есть ЕС) создало теорию «Поворот в Азию». S. Karaganov заявил, что введение санкций одной страной против другой страны заставляет страну, находящуюся под санкциями, интегрироваться со странами, которые не поддерживают введенные санкции (Karaganov, 2018). Поскольку в последние десятилетия большинство санкций было введено Западом, в мировой экономике произошел поворот стран, находящихся под санкциями, к Азии. M. Nasre Esfahani и E. Rasoulinezhad доказали достоверность этой теории в отношении Ирана, находящегося под санкциями США, и назвали ее «Азианизация» и «деевропеизация» в условиях санкций (Nasre Esfahani, Rasoulinezhad, 2017). Кроме того, в рамках данной теории E. Rasoulinezhad говорит о «дивергенции в торговле» между страной, находящейся под санкциями, и странами, которые вводят санкции, и о «торговой конвергенции» между страной, находящейся под санкциями, и странами, которые не поддерживают введенные санкции (Rasoulinezhad, 2017).

Более того, введение санкций влияет на потоки импорта и экспорта разных стран мира. С одной стороны, страна, находящаяся под санкциями, пытается проводить политику импортозамещения, которая снижает объем ее импорта из стран, которые ввели санкции. С другой стороны, проводя политику эффективности импортозамещения, страна в условиях санкций может увеличить свой экспорт на новые рынки. A.L. Salitskii считал, что санкции повышают уровень импортозамещения, который влияет на потоки импорта и экспорта в мировой экономике (Salitskii, 2017).

По мнению Р. Гилпина и Г. Бенина, санкции представляют из себя «подделку», или «искажение», экономических отношений с целью достижения определенных политических и экономических целей странами, применяющими

санкционное давление на других игроков мирового рынка (Zahraei, 1988). Профессор М. Малой уверен, что санкции являются инструментом политического и экономического влияния на участников мирового хозяйства (Malloy, 1990). С точки зрения Б. Картера, санкции – это меры принуждения, принятые против одной или нескольких стран с целью необходимых изменений в интересах других участников рынка (Carter, 1989). Г. Хофбайер и Дж. Скот ограничивают определение санкций, написав: «Экономические санкции – это исключение какой-либо страны из нормальных торговых и финансовых отношений, осознанно и по желанию правительства или с помощью угроз» (Hufbauer, Schott, 1990).

Несмотря на развитие альтернативных источников энергии, традиционные источники энергии, такие как нефть, природный газ и уголь, все еще остаются основой на мировых сырьевых рынках. За контроль над месторождениями нефти борются все ведущие страны мира. Именно поэтому комплексная характеристика роли нефти в мировом хозяйстве является как никогда актуальной в современном мире. В ходе развития мирового хозяйства его субъекты часто сталкивались с кризисами, в том числе на мировых энергетических рынках. В качестве одной из разновидностей таких кризисов можно выделить топливно-энергетические кризисы. С первым таким кризисом мир столкнулся в 1973 г.

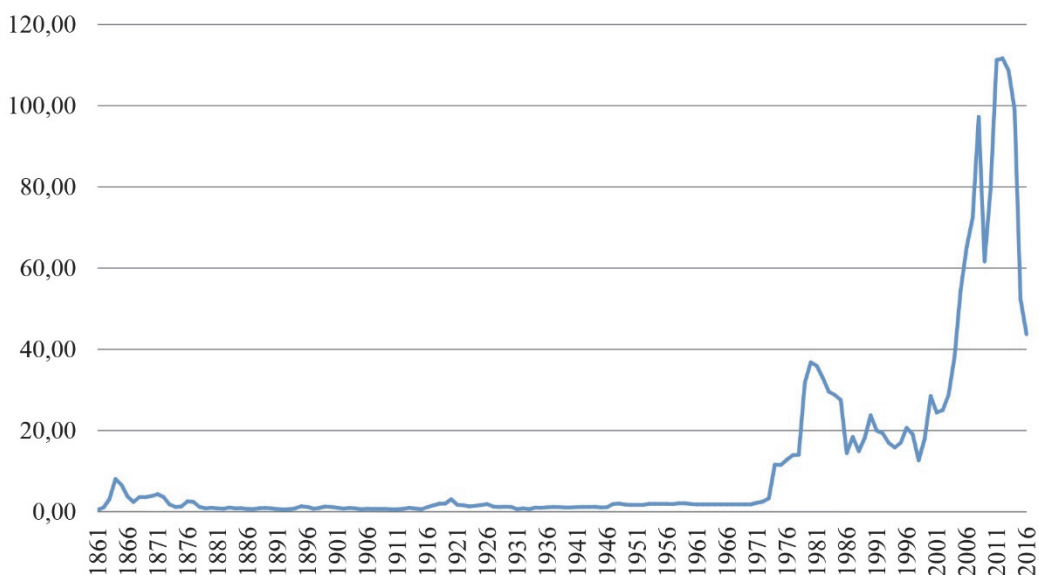

Рис. 1. Движение цен на нефть, 1861–2016 гг. (долл. США)
[Figure 1. World oil prices dynamic from 1861 to 2016 (USA dollar)

В 1973 г. в ответ на поддержку США Израиля в военном конфликте, известном как «война Судного дня», страны ОПЕК ввели эмбарго на поставки нефти в США и на 70 % увеличили цены на энергоносители для их союзников (с 4,75 долл. США в 1973 г. до 9,35 долл. США в 1974 г. и 12,21 долл.

США в 1975 г.) (Emami, Adibroog, 2009). Фактически в середине 70-х гг. мировые цены на нефть были монопольными (Капусткин, Маргания, 2008). В некоторой степени можно сказать, что энергетический кризис сыграл на руку СССР как одному из крупнейших экспортеров и производителей энергоресурсов. Вследствие повышения цен экспорт нефти стал основным источником доходов для Советского Союза и нефть стала экспортироваться во многие европейские страны: Польшу, Румынию, Венгрию, Болгарию. За счет увеличения нефтяных доходов темп роста экономики СССР в 1973 г. достиг 7,7 % (Шибанова-Роенко, Гузнова, 2012).

В 1978 г. энергетический кризис пережил очередной виток вследствие Исламской революции в Иране, что также привело к росту мировых цен на нефть (с 13 до 34 долл. США) и значительному экономическому спаду в ряде развитых странах. Одновременно с этим доходы стран – экспортеров нефти увеличились по некоторым подсчетам в 10 раз. Определенная нестабильность политической обстановки в Иране стала причиной сокращения добычи нефти с 5,8 млн барр/д в январе 1975 г. до 445 тыс. барр/д в июне 1978 г., падения ВВП в том же году на –2,7 %, роста инфляции до 10 % (Emami, Adibroog, 2009). В отличие от Ирана, рост мировых цен на нефть оказал положительное влияние на экономику СССР, но уже в 1979 г. СССР ввел войска в Афганистан, что привело к ухудшению его взаимоотношений с мусульманскими странами. В этих условиях Саудовская Аравия решила ограничить нефтяную подпитку экономики СССР и стала резко наращивать добычу энергоносителя (Славника, 2002). Третий нефтяной скачок был спровоцирован началом ирано-иракской войны в 1980 г., когда объемы добычи нефти в Иране, увеличившиеся после Исламской революции, вновь упали до 1,4 млн барр/д в 1981 г. (Raoofi et al., 2009).

Воздействие третьего шока на экономику СССР было непостоянным и неоднозначным: 1980–1985 гг. – период начала стагнации в СССР, которая привела к обострению системного кризиса социализма и назреванию кризиса в экономике, политике и международных отношениях; 1985–1989 гг. – период, совпавший с началом реализации политики перестройки, когда доходы от экспорта нефти сыграли решающую роль для экономики СССР. Объем производства нефти в СССР снизился с 547 млн т в 1980 г. до 542 млн т в 1985 г., однако вновь увеличился к 1989 г. до 570 млн т (Казанкова, Судо, 1998).

В 1990 г. Ирак ввел войска в Кувейт с целью установления контроля над его месторождениями нефти. Реакция США как главного союзника Кувейта была незамедлительной – в итоге достаточно скоро кризис пошел на спад, но мировой общественности фактически было продемонстрировано, что стратегия энергетической безопасности стала доминирующей во внешней политике ведущих западных стран. В целом эта война обусловила новый нефтяной кризис в мире (цена на нефть повысилась с 17 до 36 долл. США). Во время этого кризиса, хотя положение Ирана не было стабильным из-за последствий войны, добыча нефти в стране возросла на 14 % (с 2830 тыс. барр/д в 1989 г. до 3113 тыс. барр/д в 1990 г. и далее до 3357 тыс. барр/д в 1991 г.). Поскольку предложение нефти со стороны Ирака и Кувейта сокра-

тилось на 9 %, это позволило Ирану расширить свои поставки нефти на мировой рынок (Alnasrawi, 2001). Несмотря на то, что мировые цены на нефть сократились в ходе четвертого шока, увеличение поставок нефти позволило Ирану быстрее восстановить экономику после ирано-иракской войны. С этого времени Иран стал играть большую роль на мировом рынке нефти. Во время четвертого кризиса темп роста ВВП СССР в 1989 г. составил 6,8 % и по объему ВВП страна занимала 7-е место в мире. Но крах политики перестройки привел к снижению благосостояния общества (Yoshiko, Herrera, 2010). Объем добычи нефти в СССР снизился с 552,3 млн т в 1989 г. до 515,9 млн т в 1990 г. и далее до 462 млн т в 1991 г. (Самофалова, 2013). В целом четвертый нефтяной шок совпал с распадом страны по причине провала программы перестройки. Поскольку добыча нефти в СССР/России в 1989–1991 гг. снизилась, Россия не смогла использовать скачок цен для расширения своей доли на мировом рынке нефти.

В 1997 г. Саудовская Аравия, пытаясь решить свои финансовые проблемы, резко увеличила экспорт нефти, что привело к значительному снижению мировой цены на сырье. Паритет быстро был восстановлен, но гораздо ярче стало понимание зависимости мировой экономики от действия отдельных игроков; в 2000-х гг. цены на нефть перекрыли все возможные прогнозы предыдущих лет, став значительным тормозом развития мировой экономики. В 2008 г. с приходом экономического кризиса всего за три месяца цена упала в 3,5 раза, вызвав значительные потрясения для стран-экспортеров, но в какой-то мере ослабив влияние кризиса для развитых стран. Падение цены на нефть в 2011 г. было обусловлено целым рядом факторов. Ключевым из них стало опасение повторения глобальной рецессии, которая бы повлекла значительное ослабление спроса на сырье. Нестабильная экономическая ситуация в Европе, в частности ожидавшийся дефолт Греции, а также угроза рецессии в США усугубляли пессимистичные настроения. Последний нефтяной шок произошел в 2014 г. Многие ученые объяснили, что причины этого заключаются в том, что такие экономики, как Китай, чей быстрый рост и расширение создали неутолимую жажду нефти в первое десятилетие нового тысячелетия, начали замедляться после 2010 г. Китай является крупнейшей страной в мире по численности населения, поэтому снижение спроса на нефть со стороны КНР имело значительные ценовые последствия.

Экономики Ирана и России в условиях санкций и нефтяного шока

В настоящее время санкции, применяемые странами Запада в отношении Российской Федерации, носят не столько экономический подтекст, сколько обоснованы политическим давлением на страну (Расулинежад, Бузари, 2018). Несмотря на все еще сохраняющееся санкционное давление и его увеличения в отношении России, основной причиной экономического спада российской экономики являются не санкции. Одним из ключевых факторов, повлиявших на экономический спад, явилось именно падение мировых цен на нефть более чем в 2 раза с одновременным «провалом» российского рубля к ключевым мировым валютам. В стремлении не допустить отрицательного сальдо торгового баланса и сокращения объемов валютной

выручки российское руководство было вынуждено физически наращивать поставки энергоносителя за рубеж.

Первым опытом экономического давления на Иран в XX в. можно считать национализацию нефтяной промышленности. В конце 1970-х гг. экономика страны подверглась внешнему давлению со стороны США и их союзников после Исламской революции. Вплоть до середины 2000-х гг. иранская экономика подвергалась ряду финансово-экономических санкций, вплоть до заморозки счетов в зарубежных банках (Расулинежад, Бузари, 2018).

Иран приступил к разработке национальной ядерной программы в начале 40-х гг. XX в. – в период правления шаха М.Р. Пехлеви. Решение Ирана разрабатывать собственную ядерную программу было поддержано США в рамках программы администрации Д.Д. Эйзенхауэра («Атомы ради мира»), целью которой являлось сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. В конце 1950-х гг. Иран стал членом МАГАТЭ, а в конце 1960-х гг. – подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, который был ратифицирован в 1970 г. В начале 2000-х гг. страны Запада и МАГАТЭ обвинили Иран в развитии «военной ядерной программы». По результатам расследований готового оружия массового поражения в стране найдено не было, однако технологии, разработанные в стране, могли быть использованы для его производства. В ответ на отрицание официальным Тегераном данных обвинений, США, страны ЕС и Совета безопасности ООН ввели достаточно жесткие санкции в отношении иранской экономики. В 2015 г. вступил в силу Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), который предусматривал отмену санкций в отношении Ирана в обмен на ограничение Тегераном ядерной деятельности. В 2016 г. Тегеран подтвердил выполнение обязательств по СВПД о постановке своей ядерной деятельности под контроль МАГАТЭ. Однако уже в 2017 г. Д. Трамп возобновил санкционные мероприятия против Ирана (Расулинежад, Бузари, 2018).

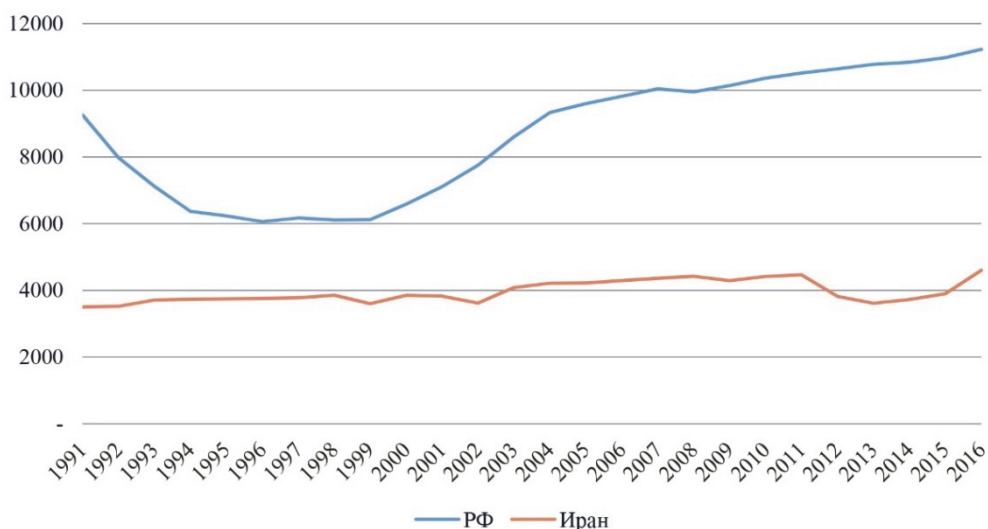

Рис. 2. Добыча сырой нефти Россией и Ираном в 1991-2016 гг. (млн барр/д)
[Figure 2. Mining of oil by Russia and Iran from 1991 to 2016 (millions barr/d)]

Несмотря на санкционное давление, колебания мировых цен на нефть, кризис 2008–2009 гг., падение курса российского рубля по отношению к основным ключевым валютам и падение мировых цен на нефть в 2015–2016 гг., как Россия, так и Иран физическим наращивание поставок сырья пытались решить проблемы, возникающие в национальных экономиках, в том числе и с целью недопущения сокращения валютной выручки от экспорта нефти и сокращения активного торгового сальдо.

Будущие экономические сценарии экономик Ирана и России в условиях санкций и нефтяного шока

Учитывая наличие двух воздействующих факторов на экономики Ирана и России (санкций и мировых цен на нефть), авторы предлагают четыре возможных варианта развития дальнейших событий.

Первый вариант (преобразование экономической структуры). Первый сценарий подразумевает сохранение и усиление санкционного давления со стороны западных государств с параллельным ростом мировых цен на нефть. Данный сценарий представляется наиболее возможным. Параллельно с вышеуказанными возможными процессами должно происходить преобразование экономик Ирана и России на базе проведения политики импортозамещения, улучшения инвестиционного климата, развития нефтегазового сотрудничества с другими странами. Одним из наиболее приемлемых вариантов развития экономик Ирана и России в условиях сохранения санкций и роста мировых цен на нефть является развитие торгово-экономического сотрудничества со странами БРИКС, в частности и главным образом с Китаем и Индией, по линии поставок вооружений, нефти и газа, развития атомной энергетики и т.д.

Второй вариант (быстрое экономическое развитие и рост экономики). Второй возможный сценарий будущего экономик России и Ирана предполагает экономическое развитие и рост, которые возникнут в результате уменьшения политического напряжения со стороны западных государств с одновременным ростом цен на нефть. Этот вариант развития события остается наиболее приемлемым для экономик Ирана и России, поскольку позволит им восстановиться.

Третий вариант (экономический застой). Третий возможный сценарий будущего экономик России и Ирана – экономический застой, который может возникнуть в случае смягчения санкций западных стран с одновременным сокращением мировых цен на нефть. В этом случае, вероятнее всего, экономики России и Ирана могут оказаться в ситуации экономической стагнации, поскольку несмотря на возможное смягчение санкций экспорт минеральной продукции составляет основу торгового и платежного баланса стран.

Четвертый вариант (экономический кризис). Четвертый сценарий развития событий подразумевает экономический кризис, сопровождающийся усилением санкционного давления со стороны западных государств с одновременным сокращением мировых цен на нефть. Данный сценарий уже фактически был пережит Россией в 2014–2016 гг. в результате разворачивания санкционных мероприятий со стороны стран Запада как ответ на присоеди-

нение Крыма (в результате референдума на полуострове), эскалации российско-украинского конфликта, отделения определенных территорий от состава Украины, падения мировых цен на нефть и падения курса российского рубля. На практике видно, что в краткосрочном периоде и благодаря постепенному восстановлению мировых цен на нефть (по состоянию на 2019 г.) российская экономика начала восстанавливаться, однако в среднесрочном и долгосрочном периодах при сохранении мировых цен на нефть на низком уровне восстановление экономики могло занять больше времени и привести к более негативным последствиям.

Заключение

Санкции, введенные Западом, и колебания цен на нефть являются двумя главными факторами, влияющими на национальные экономики Ирана и России. Несмотря на реализацию различных стратегий этих двух стран против санкций и столкновения с ценовыми шоками на нефть, национальные экономики остаются чувствительными к влиянию данных факторов. В статье представлена попытка проследить четыре различных варианта развития событий, выраженных в усилении или смягчении санкционного давления на экономики России и Ирана и параллельном росте или сокращении мировых цен на нефть, которая является одним из важнейших элементов экспортной структуры указанных экономик, формируя активный торговый баланс.

Список литературы

- Ильина Е.В.* Влияние санкций на экономику России // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 34–35.
- Казанкова Э.Р., Судо М.М.* Энергетические ресурсы. Нефть и природный газ // Век уходящий. Россия в окружающем мире. 1998. С. 1–10.
- Капусткин В.И., Маргания О.Л.* Мировой рынок нефти и международная нефтяная промышленность // Нефть, газ и модернизация общества / под общ. ред. Н.А. Добролюбина, О.Л. Маргания. СПб., 2008. С. 53–100.
- Расулинежад Э.* Влияние мировой цены на нефть на экономику стран – экспортеров нефти // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С. 53–57.
- Расулинежад Э., Бузари, Б.* Тождественность и различия антисанкционных экономик в Иране и России // Вестник Самарского университета: экономика и управление. 2018. № 9 (4). С. 33–37.
- Самофалова О.* Отделившиеся в плюсе: Россия и другие бывшие республики СССР показывают разные темпы роста нефтедобычи // Взгляд. 2013, 21 мая. URL: <http://vz.ru/economy/2013/5/21/633610.html> (дата обращения: 14.12.2018).
- Славника М.В.* Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг.: большие победы и упущенные возможности // IX Международная конференция «Ломоносов-2002» / Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова. М., 2002. С. 83–86.
- Шибанова-Роечко Е.А., Гузнова А.* Влияние энергетического кризиса 1973 года на экономику РФ // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум – 2012». М., 2012. С. 102–103.
- Alnasrawi A.* Iraq's Burdens: Oil, Sanctions, and Underdevelopment // Greenwood press – 2002. London, 2002ю. Pp. 23–45.

- Bagheri S., Akbarpour H.R.* Reinvestigation of the West's sanctions against Russia in the crisis of Ukraine and Russia's reaction // *Procedia Economics and Finance*. 2016. No. 36. Pp. 89–95.
- Carter B.E.* *International Economic Sanction: improving the haphazard U.S. Legal Regime*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 290 p.
- Dudlak T.* After the sanctions: policy challenges in transition to a new political economy of the Iranian oil and gas sectors // *Energy Policy*. 2018. No. 121. Pp. 464–475.
- Emami K., Adibpoor M.* Asymmetric Effects of Oil Prices Shocks on Production // *Quarterly Journal of Economics Modeling*. 2009. Vol. 3. No. 4. Pp. 1–26.
- Farzanegan M.R., Markwardt G.* The effects of oil price shocks on the Iranian economy // *Energy Economics*. 2009. Vol. 31. No. 1. Pp. 134–151.
- Gharehgozli O.* An estimation of the economic cost of recent sanctions on Iran using the synthetic control method // *Economics letters*. 2017. Vol. 157. Pp. 141–144.
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K.* *Economic Sanctions Reconsideration today and Current Policy*. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1990. 248 p.
- Kang W., Perez de Gracia F., Ratti R.A.* Oil price shocks, policy uncertainty, and stock returns of oil and gas corporations // *Journal of International Money and Finance*. 2017. No. 70. Pp. 344–359.
- Karaganov S.* The new cold war and the emerging greater Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 85–93.
- Malloy M.P.* *Economic Sanctions and U.S. Trade*. Boston: Little, Brown and Company, 1990. 752 p.
- Nasre Esfahani M., Rasoulinezhad E.* Iran's trade policy of Asianization and de-Europeanization under sanctions // *Journal of Economic Studies*. 2017. Vol. 44. No. 4. Pp. 552–567.
- Pai P.* Six countries that have faced severe economic sanctions // *Tharawat Magazine*. 2015, 20 July. URL: <https://www.tharawat-magazine.com/facts/6-countries-economic-sanctions/#gs.21p27x> (accessed: 18.03.2019).
- Raofi H.R., Dejpasand F., Ansari M.* *Iranian Economy during Imposed War*. Tehran: Enghelab Islamic Press, 2009. P. 154.
- Rasoulinezhad E.* Iran's trade modification under sanctions: an evidence of trade divergence and trade convergence through the gravity model // *Journal of Economic Cooperation and Development*. 2017. Vol. 38. No. 4. Pp. 25–56.
- Salitskii A.L., Zhao X., Yurtaev V.I.* Sanctions and import substitution as exemplified by the experience of Iran and China // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87. No. 2. Pp. 205–212.
- Yoshiko M. Herrera.* *Mirrors of the economy: national accounts and international norms in Russia and beyond*. USA: Cornell University Press, 2010. Pp. 137–172.
- Zahraei M.* Economic sanctions from view to action // *Foreign Policy*. 1998. Vol. 11. No. 1. Pp. 63–81. (In Persian.)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.08.2019

Дата проверки: 20.09.2019

Дата принятия к печати: 15.10.2019

Для цитирования:

Расулинежад Э., Сабри П. Будущие экономические сценарии экономик Ирана и России в условиях резких колебаний мировых цен на нефть и санкций // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 479–491. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-479-491>

Сведения об авторах:

Расулинежад Эхсан, доцент кафедры российских исследований, факультет мировых исследований, Университет Тегерана. E-mail: e.rasoulinezhad@ut.ac.ir

Сабри Париса, магистр кафедры российских исследований, факультет мировых исследований, Университет Тегерана. E-mail: parisasabri6@gmail.com

Research article

Future economic scenarios of Iran and Russia under sanctions and oil price shocks

Ehsan Rasoulinezhad, Parisa Sabri

University of Tehran

213 Enghelab Sq., Tehran, 16517282, Islamic Republic of Iran

Abstract. The two main current economic problems in Russia and Iran are Western sanctions and oil price spikes. On the one hand, the West introduced economic sanctions against these two countries, which affected the national economy of these two countries. On the other hand, since Iran and Russia are heavily dependent on revenues from oil exports, any sharp changes in world oil prices significantly affect the budgets of these two countries. Despite the implementation of the various strategies of the two countries against sanctions and the collision with oil price shocks, their economies are sensitive to these two hyper problems. The main goal of this work is to study probable scenarios for the future economies of Iran and Russia under the conditions of Western sanctions and oil price fluctuations. Our article shows that for the future economies of Iran and Russia there are four economic scenarios in the form of transformation of the economic structure, rapid economic growth, economic stagnation and economic crisis. In the first scenario, there is an increase in sanctions by the West and its allies against the economies of Iran and Russia, and on the other hand, the price of oil is increasing. This scenario is the most possible future for the economies of Russia and Iran. The second possible scenario for the future economies of Russia and Iran is the rapid economic development and economic growth that will arise as a result of a decrease in political tension with the West, which ended with the lifting of economic sanctions and rising world oil prices. The third option that can be foreseen for the future economies of Russia and Iran is economic stagnation, which will occur if the sanctions of the West and its allies are reduced and world oil prices are reduced again. The fourth possible scenario for the economies of Iran and Russia is an economic crisis. Such a scenario appears when the conflict with the West increases and global oil prices fall, resulting in a large-scale decline and as a result of the economic crisis for the future economies of Iran and Russia. By the way, these two economies must adapt to such unpredictable economic events. They can accelerate import substitution, multilateralism in the Eurasian region, and so on.

Keywords: economic sanctions; oil price fluctuation; economic scenarios; Russia; Iran

References

- Alnasrawi A. (2002). *Iraq's Burdens: Oil, Sanctions, and Underdevelopment* (pp. 23–45). London: Greenwood press.
- Bagheri S., Akbarpour H.R. (2016). Reinvestigation of the West's sanctions against Russia in the crisis of Ukraine and Russia's reaction. *Procedia Economics and Finance*, (36), 89–95.

- Carter B.E. (1988). *International Economic Sanction: Improving the haphazard U.S. Legal Regime*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dudlak T. (2018). After the sanctions: Policy challenges in transition to a new political economy of the Iranian oil and gas sectors. *Energy Policy*, (121), 464–475.
- Emami K., Adibpoor M. (2009). Asymmetric Effects of Oil Prices Shocks on Production. *Quarterly Journal of Economics Modelling*, 3(4), 1–26.
- Farzanegan M.R., Markwardt G. (2009). The effects of oil price shocks on the Iranian economy. *Energy Economics*, 31(1), 134–151.
- Gharehgozli O. (2017). An estimation of the economic cost of recent sanctions on Iran using the synthetic control method. *Economics Letters*, 157, 141–144.
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K. (1990). *Economic Sanctions Reconsideration today and Current Policy*. Washington, D.C.: Institute for International Economics.
- Irina E.V. (2015). Vlijanie sankcij na jekonomiku Rossii [Effect of Sanctions on Russian Economy]. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, (4), 34–35
- Kang W., Perez de Gracia F., Ratti R.A. (2017). Oil price shocks, policy uncertainty, and stock returns of oil and gas corporations. *Journal of International Money and Finance*, (70), 344–359.
- Kapustkin V.I., Margania O.L. (2008). Mirovoj rynek nefti i mezhdunarodnaja neftjanaja promyshlennost' [Global market of oil and international oil industry]. In N.A. Dobronravina, O.L. Marganiya (eds.), *Oil, gas and society modernization* (pp. 53–100). Saint Petersburg.
- Karaganov S. (2018). The new cold war and the emerging greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 9(2). Pp. 85–93.
- Kazankova E.R., Sudo M.M. (1998). Jenergeticheskie resursy. Neft' i prirodnyj gaz [Energy resources. Oil and natural gas]. *State of Russia in the Surrounding World*, 1–10.
- Malloy M.P. (1990). *Economic Sanctions and U.S. Trade*. Boston: Little, Brown and Company.
- Nasre Esfahani M., Rasoulnezhad E. (2017). Iran's trade policy of Asianization and de-Europeanization under sanctions. *Journal of Economic Studies*, 44(4), 552–567.
- Raoofi H.R., Dejpasand F., Ansari M. (2009). *Iranian Economy during Imposed War* (p. 154). Tehran: Enghelab Islamic Press.
- Rasoulnezhad E. (2015). Vlijanie mirovoj ceny na neft' na jekonomiku stran – jeksporterov nefti [Influence of world oil price on economies of oil-exporter countries]. *Discussion*, 6(58), 53–57
- Rasoulnezhad E. (2017). Iran's Trade Modification Under Sanctions: An Evidence of Trade Divergence and Trade Convergence Through the Gravity Model. *Journal of Economic Cooperation and Development*, 38(4), 25–56.
- Rasoulnezhad E., Buzari B. (2018). Tozhdestvennost' i razlichija antisankcionnyh jekonomik v Irane i Rossii [Similarities and Differences of Anti-Sanctions Economies in Iran and Russia]. *Samara State University Journal*, 9(4), 33–37.
- Salitskii A.L., Zhao X., Yurtaev V.I. (2017). Sanctions and import substitution as exemplified by the experience of Iran and China. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 87(2), 205–212.
- Samofalova O. (2013, 21 May). Otdelivshiesja v pljuse [Separated in positive territory]. *Vzgliad*. <http://vz.ru/economy/2013/5/21/633610.html> (accessed: 14.12.2018).
- Shibanova-Roenko E.A., Guznova A. (2012). Vlijanie jenergeticheskogo krizisa 1973 goda na jekonomiku RF [The impact of the energy crisis of 1973 on the Russian economy]. *Student conference "Scientific Forum – 2012"* (pp. 102–103). Moscow.
- Slavnika M.V. (2002). Razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960–1980-e gg.: Bol'shie pobedy i upushhennye vozmozhnosti [The development of the oil and gas complex of the USSR in the 1960–1980s: Big victories and missed opportunities]. *IX Mezhdunarodnaya konferentsiya "Lomonosov-2002"* (pp. 83–86). Moscow: Lomonosov Moscow State University.

- Pai P. (2015, 20 July). Six countries that have faced severe economic sanctions. *Tharawat Magazine*. <https://www.tharawat-magazine.com/facts/6-countries-economic-sanctions/#gs.21p27x> (accessed: 18.03.2019)
- Yoshiko M. Herrera. (2010). *Mirrors of the Economy: National accounts and International Norms in Russia and beyond* (pp. 137–172). USA: Cornell University Press.
- Zahraei M. (1998). Economic sanctions from view to action. *Foreign Policy*, 11(1), 63–81. (In Persian.)

Article history:

Received: 27.08.2019

Revised: 20.09.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Rasoulinezhad E., Sabri P. (2019). Future economic scenarios of Iran and Russia under sanctions and oil price shocks. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 479–491. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-479-491>

Bio notes:

Rasoulinezhad Ehsan, Assistant Professor, Department of Russian Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran. E-mail: e.rasoulinezhad@ut.ac.ir

Sabri Parisa, M.A., Department of Russian Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran. E-mail: parisasabri6@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-492-513
УДК 336:338

Научная статья

Финансовое положение стран – членов ЕАЭС: дефициты и профициты, возможности и риски

Л.Н. Федякина

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье определяется современный уровень устойчивости и социально-экономического развития стран – членов ЕАЭС и исследуются факторы, сдерживающие их экономический рост. Рассматриваются государственные финансы: региональные и консолидированные бюджеты, бюджетные дефициты и источники их покрытия; государственные и гарантированные государством долги. Анализируется финансовое положение стран – участниц евразийской интеграции по отношению к внешнему миру, выявляются их дефициты/профициты и долги на основе платежных балансов, иностранных активов и обязательств.

Ключевые слова: государственный долг; республиканский бюджет; консолидированный бюджет; инвестиции в основной капитал; чистое кредитование; заимствование

Введение

Евразийский экономический союз, являясь относительно недавним интеграционным объединением данного уровня, достаточно давно вышел на траекторию сближения в формате интеграционного блока. Данным субъектам мирового хозяйства посвящено много работ, как зарубежных, так и отечественных ученых, в том числе большое количество работ посвящено особенностям торгово-экономических связей, социально-экономического и финансового положения данных игроков. Среди российских ученых, чьи работы посвящены ЕАЭС, можно выделить И.В. Андронову (Андропова, 2016, 2018), О.В. Буторину (Буторина, 2015), М.В. Ганееву (Ганеева, 2018), С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2016), Н.П. Гусакова (Гусаков, 2015), А.Н. Спартака (Спартак, 2013).

Методы исследования

Для изучения особенностей финансового положения стран Евразийского экономического союза были применены методы анализа, синтеза, индукции и ретроспективы.

© Федякина Л.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Устойчивость экономического развития и экономического роста

В последние годы Россия вместе с рядом других постсоветских стран образуют быстроразвивающийся полюс интеграционных процессов в мире. В 2010 г. Россия, Беларусь и Казахстан учредили Таможенный союз (ТС) и приняли Таможенный кодекс (ТС), который был заменен на Таможенный кодекс ЕАЭС 1 января 2018 г. В 2012 г. началось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП) трех стран и было заключено 17 базовых международных соглашений, формирующих ЕЭП; в 2014 г. к ЕЭП присоединилась Армения, в 2015 г. – Кыргызстан.

В 2015 г. вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, таким образом, для них завершился переходный период. Армения стала членом ЕАЭС 2 января 2015 г., Кыргызская Республика – 12 августа 2015 г., для них переходный период продлен до 2025 г.

Страны ЕАЭС имеют достаточный уровень устойчивости экономического развития. Договор о ЕАЭС (2014 г., приложение 14) содержит основные критерии, которые определяют уровень устойчивости развития стран – членов союза, а именно:

- 1) дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления (СГУ) – до 3 % ВВП;
- 2) долг сектора государственного управления – не превышает 50 % ВВП;
- 3) уровень инфляции в годовом выражении – не превышает более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение.

По данным Центра интеграционных исследований (ЦИИ) ЕАБР, в 2016 г. показатель устойчивости экономического развития по инфляции значительно превысили Беларусь, Казахстан и Россия, которые имели 10,6, 8,6 и 5,4 % соответственно, Армения и Кыргызстан показали –1,1 и –0,5 % соответственно; по дефициту сектора государственного управления (СГУ) консолидированного бюджета: –5,4 % ВВП – Армения, –4,0 % ВВП – Кыргызстан), –3,0 % ВВП – Россия; дефицит Казахстана составил –2,9 % ВВП, профицит Беларуси – 2,1 % ВВП; по долгам сектора государственного управления превышение имели Армения (51,5 % ВВП) и Кыргызстан (61,8 % ВВП); другие страны оставались в пределах нормы: Беларусь – 41,8 % ВВП, Казахстан – 19,7 % ВВП, Россия – 11,9 % ВВП.

В 2018 г. среди стран ЕАЭС наименьший показатель по инфляции имела Россия – 3,59 % (79 место в мире), далее – Кыргызстан – 4,06 % (73), Армения – 4,7 % (55), Беларусь – 5,49 % (45), Казахстан – 6,03 % (39) (табл. 1).

В 2014–2016 гг. Россия и другие страны – члены ЕАЭС испытывали серьезные трудности и имели отрицательные темпы экономического роста (за исключением Армении) из-за неблагоприятных внешнеэкономических условий и, в частности, из-за антироссийских санкций, а также из-за внутренних проблем. За 2013–2016 гг. ВВП ЕАЭС (в текущих ценах в долл.) снизился на 43,3 %, в том числе России – на 38,3 %, Казахстана – на 42,0 %, Беларуси – на 36,5 %, Кыргызстана – на 14,3 %, Армении – 0 %. В 2017 г. экономический рост восстановился, ВВП ЕАЭС увеличился на 21,8 % и составил

в текущих ценах 1814,3 млрд долл., в 2018 г. – 1908,0 млрд долл. (по ППС – 4965 млрд долл.)¹.

Таблица 1

Показатели уровня устойчивости экономического развития стран – членов ЕАЭС в 2018 г. (%)

[Table 1. Indicators of the economic development stability of the Eurasian Economic Union countries in 2018 (%)]

Показатели уровня устойчивости развития	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Инфляция, %	4,7	5,49	6,03	4,06	3,59
Дефицит/профицит консолидированного бюджета СГУ, % ВВП	-1,6	3,8	2,8	-0,3	2,9
Долг сектора государственного управления, %	55,7	37,3	26,2	56,0	10,0

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

Таблица 2

Основные показатели социально-экономического развития стран – членов ЕАЭС в 2018 г.

[Table 2. Key indicators of the social and economic development of the Eurasian Economic Union countries in 2018]

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
ВВП в текущих ценах, млрд долл.	12,4	59,6	170,5	8,0	1657,5
ВВП (ППС), млрд долл.	30,4	189	509	24,5	4213
ВВП на душу населения в текущих ценах, долл.	3915	5610	8112	1128	9264
ВВП (ППС) на душу населения, долл.	10 176	20 003	27 550	3844	29 267
ВНД на душу населения в текущих ценах, долл.	3936	5727	8827	1219	10 743
ВНД (ППС) на душу населения, долл.	10 060	18 140	23 440	3620	24 890

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

В 2018 г. ВВП России (по ППС) составил 4213 млрд долл., и она заняла 6 место в рейтинге стран мира, в текущих ценах – 1657,5 млрд долл. (11 место в мире); показатели Казахстана – 170,5 млрд долл. (54) и 509 млрд долл. (42)

¹ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 20.10.2019).

соответственно, Беларуси – 189 млрд долл. (71) и 59,6 млрд долл. (76), Армении – 30,4 млрд долл. (130) и 12,4 млрд долл. (132), Кыргызстана – 24,5 млрд долл. (140) и 8,0 млрд долл. (142) (табл. 2).

Страны ЕАЭС различаются по уровню развития производительных сил, о чем свидетельствуют большие расхождения между ними по ВВП на душу населения: в 2018 г. разрыв между Россией и Арменией по ВВП в текущих ценах составил 1:2,37, по ППС – 1:2,88. Все страны союза, по классификации Всемирного банка, относятся к группе стран со средним уровнем валового национального дохода (ВНД) на душу населения, их показатели находятся в диапазоне 1,036–12,615 долл. США, и различия между ними весьма значительны, особенно между Россией и другими странами ЕАЭС. В 2018 г. подушевой ВНД России превышал подушевой ВНД Кыргызстана в 8,8 раза, Армении – в 2,7 раза, Беларуси – в 1,9 раза, Казахстана – на 21,7 %.

В 2013–2017 гг. на экономический рост евразийской интеграции негативно воздействовали многие факторы, в том числе отрицательная динамика реальных доходов населения стран союза, высокие процентные ставки по кредитам физическим и юридическим лицам, низкая норма инвестиций в основной капитал и др.

Население стран ЕАЭС в 2017 г. составило 183,5 млн чел., уровень экономически активного населения – 74,8 %, занятых – 63,1 %; в том числе РФ – 146,8 млн чел., 75,1 и 61,8 % соответственно; Армении – 3,0 млн чел., 56,6 и 46,7 %; Беларуси – 9,5 млн чел., 78,8 и 74,4 %; Казахстана – 18,0 млн чел., 76,7 и 72,9 %; Кыргызстана – 6,2 млн чел., 63,6 и 61,8 %². По сферам деятельности занятое население ЕАЭС распределялось следующим образом (100 %): в сфере материального производства – 34 % (в сельском хозяйстве – 7,7 %), в услугах – 66 %; в России – 32,8 % (5,8 %) и 67,2 %; в Армении – 48,2 % (31,4) и 51,8 %; в Беларуси – 39,5 % (9,6) и 60,5 %; в Казахстане – 35,2 % (15,4) и 64,8 %; в Кыргызстане – 46,2 % (23,0) и 53,8 %.

За 2013–2016 гг. среднемесячная номинальная заработная плата в России снизилась на 41,4 % и составила 549 долл., в 2017 г. – 671 долл., что составило 122,2 % к 2016 г.; Казахстана – на 41,7 %, 418 долл., в 2017 г. – 463 долл. (110,8 %), Беларуси – 46,0 %, 361 долл., в 2017 г. – 426 долл. (118,0 %); Кыргызстана – на 10,7 %, 212 долл., в 2017 г. – 228 долл. (104,8 %), Армении – плюс 4,8 %, 363 долл., в 2017 г. – 368 долл. (101,4 %)³.

В 2017 г. численность пенсионеров в России составила 43 504 тыс. чел. (в 2013 г. – 41 019 тыс. чел.), на 1000 чел. населения – 296 чел., на 1000 чел. занятых – 603 чел.; в Армении – 458 тыс. чел. (515), 154 и 453 чел.; в Беларуси – 2594 тыс. чел. (2537), 273 и 529 чел.; в Казахстане – 2148 тыс. чел. (1864), 119 и 250 чел.; в Кыргызстане – 673 тыс. чел. (625), 109 и 286 чел.⁴

² Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения 20.10.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

Средний размер пенсии в 2017 г. в России составил 228 долл., к 2013 г. – 73,1 %, в Армении – 84 долл. (118,3 %), в Беларуси – 156 долл. (66,9 %), в Казахстане – 156 долл. (74,3 %), в Кыргызстане – 81 долл. (87,1 %)⁵.

В 2017 г. в России средневзвешенные процентные ставки по кредитам в национальной валюте, выданным физическим лицам, составили по краткосрочным кредитам – 20,1 % (в иностранной валюте – 9,3 %), по долгосрочным – 14,8 % (в иностранной валюте – 8,5 %); в Армении – 18,1 % (12,9 %), 16,4 % (12,5 %); в Беларуси – 13,5 % (–), 13,7 % (–); в Казахстане – 21,3 % (9,7 %), 18,4 % (12,5 %), в Кыргызстане – 29,3 % (9,8 %), 25,9 % (14,9 %)⁶.

В 2017 г. в России средневзвешенные процентные ставки по кредитам в национальной валюте, выданным юридическим лицам, составили по краткосрочным кредитам – 10,7 % (в иностранной валюте – 4,6 %), по долгосрочным – 10,7 % (в иностранной валюте – 5,8 %); в Армении – 12,0 % (7,4 %), 12,4 % (9,1 %); в Беларуси – 13,8 % (6,2 %), 13,0 % (7,3 %), в Казахстане – 13,6 % (6,7 %), 14,1 % (7,2 %), в Кыргызстане – 19,3 % (10,7 %), 18,1 % (10,5 %).

Объем кредитов, предоставленных физическим лицам России, в 2017 г. составил 10 % ВВП, юридическим лицам – 41 % ВВП, Армении – 20 и 32 % ВВП, Беларуси – 6 и 54 % ВВП, Казахстана – 6 и 15 % ВВП, Кыргызстана – 3 и 18 % ВВП. Задолженность России по кредитам, выданным физическим лицам, в 2017 г. составила 13 % ВВП, юридическим лицам – 31 % ВВП, Армении – 16 и 26 % ВВП, Беларуси – 9 и 28 % ВВП, Казахстана – 8 и 16 % ВВП, Кыргызстана – 2 и 18 % ВВП.

Инвестиции в основной капитал являются важнейшим показателем состояния финансовой системы и экономики стран – членов ЕАЭС, их потенциальных возможностей и перспектив экономического роста. Инвестиции в основной капитал – это движущая сила развития реального производства и экономики в целом, они направлены на воспроизводство имеющихся либо создание новых средств производства.

В 2013–2016 гг. динамика совокупных инвестиций в основной капитал (ОК) стран – членов ЕАЭС была отрицательной. В 2016 г. они составили 255,3 млрд долл., снизившись с 2013 г. на 48 %; в 2017 г. – увеличились на 23,2 % и составили 314,5; в 2018 г. – прибавили еще 4,3 % и достигли 328,0 млрд долл.⁷

Инвестиции в ОК России снизились с 2013 по 2016 г. на 48 %, в 2017 г. они поднялись на 24,1 % и составили 273,7 млрд долл.; Казахстана – на 43 %, 22,7 млрд долл., в 2017 г. – 26,8 млрд долл.; Беларуси – на 60 %, 9,4 млрд долл., в 2017 г. – 10,5 млрд долл.; Армении – на 27 %, 0,8 млрд долл., в 2017 г. – 0,9 млрд долл.; Кыргызстана увеличились на 11,8 % и составили 1,9 млрд долл., в 2017 г. – 2,1 млрд долл.

В 2017 г. совокупные инвестиции в основной капитал на душу населения стран ЕАЭС составили 1713 долл., по отношению к 2013 г. они снизились до

⁵ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения 20.10.2019).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

62,3 %, к 2016 г. – увеличились до 122,8 %. Инвестиции в ОК на душу населения России в 2017 г. составили 1864 долл., к 2013 г. – 63,3 %, к 2016 г. – 124,0 %; Казахстана – 1492 долл., к 2013 г. – 63,7 %, к 2016 г. – 117,0 %; Беларуси – 1145 долл., к 2013 г. – 46,4 %, к 2016 г. – 116,2 %; Армении – 286 долл., к 2013 г. – 81,7 %, к 2016 г. – 104,5 %; Кыргызстана – 340 долл., к 2013 г. 113,7 %, к 2016 г. – 99,0 %⁸.

Страны ЕАЭС имеют низкую норму инвестиций в основной капитал, которая не может обеспечить ускоренный экономический рост, она существенно ниже нормы других стран с догоняющим типом развития и даже развитых стран. В частности, норма инвестиций в ОК развивающейся Азии в 2017–2018 гг. составила 40,1–40,2 % ВВП, Латинской Америки – 18,5–19,6 % ВВП.

За 2013–2017 гг. показатели нормы инвестиций снизились по всем странам ЕАЭС, за исключением Кыргызстана. В 2017 г. в России инвестиции в основной капитал составили 17,3 % ВВП (в 2013 г. – 18,4 % ВВП), в Казахстане – 16,5 % ВВП (16,9 %), в Беларуси – 20,0 % ВВП (31,2 %), в Армении – 7,7 % ВВП (10,0 %), в Кыргызстане – 27,9 % ВВП (23,3 %)⁹. В 2016 г. инвестиции в основной капитал стран ЕАЭС составили 255,3 млрд долл., снизившись с 2015 г. на 7,7 %; в 2017 г. они увеличились на 23,2 % и составили 314,5, в 2018 г. – поднялись на 4,3 % и достигли 328,0 млрд долл.¹⁰

В 2017 г. Беларусь лидировала по доле бюджетных средств в инвестициях в основной капитал (24,9 %), далее следовали Казахстан и Россия – по 16,3 %, Армения (9,3 %) и Кыргызстан (6,9 %) (табл. 3). В Казахстане финансирование основного капитала обеспечивали в основном предприятия и организации из собственных средств (62,2 %), в России – чуть больше половины, в Беларуси и Армении – 38,5 и 36,1 % соответственно, в Кыргызстане – 25 %.

В 2017 г. участие населения в финансировании основного капитала в Армении и Кыргызстане составило 23,9 и 25,6 %, в Беларуси – 11,9 %, в Казахстане – 5,8 %. Доля банковских кредитов и заемных средств других организаций в Кыргызстане равнялась 25,6 %, в Армении – 17,2 %, в России – 16,6 %, в Казахстане – 15,7 %, в Беларуси – 14,1 %. Совокупное участие иностранных инвесторов и кредиторов в Кыргызстане составило 35,5 % (12,1 и 23,4 %), в Армении – 27,3 % (10,1 и 17,2 %), в Беларуси – 8,8 % (5,0 и 3,8 %), в России – 6,2 % (0,8 и 5,4 %), в Казахстане иностранных инвесторов нет, доля иностранных банковских кредитов – 1,2 %.

В 2018 г. доля России составила 85 % совокупных инвестиций в основной капитал стран ЕАЭС, Казахстана – 10 %, Беларуси – 4 %, Кыргызстана – 0,7 %, Армении – 0,3 %¹¹. В общем объеме российских инвестиций в основной капитал на добычу полезных ископаемых приходилось 18 %, на транспортировку и хранение – 17 %, деятельность по операциям с недвижимостью и обрабатывающие производства – по 15 %, обеспечение электрической энергией, газом

⁸ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения 20.10.2019).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Евразийская экономическая интеграция – 2019. – М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. – 140 с.

и паром, кондиционирование воздуха – 6 %, сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, а также на оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств и строительство – по 4 %, деятельность в области информации и связи, профессиональную, научную и техническую – по 3 %, деятельность финансовую и страховую, государственное правление и обеспечение военной и социальной безопасности и образование – по 2 %, прочие направления – 5 %.

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал стран – членов ЕАЭС в 2017 г.
 [Table 3. Investment in to the capital facilities
 into the Eurasian Economic Union countries in 2017]

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Инвестиции в основной капитал всего, млн долл.	891	10 879	26 904	2109	273 732
Инвестиции в основной капитал, ВВП, %	7,7	20,0	16,5	27,9	17,3
Структура инвестиций по источникам финансирования – всего, в том числе за счет:	100	100	100	100	100
– бюджетных средств;	9,3	24,9	16,3	6,9	16,3
– собственных средств предприятий и организаций;	36,1	38,5	62,2	25,3	51,3
– средств населения;	23,9	11,9	5,8	25,6	–
– средств иностранных инвесторов;	10,1	5,0	–	12,1	0,8
– кредитов банков и заемных средств других организаций,	17,2	14,1	15,7	25,6	16,6
в том числе кредитов иностранных банков	17,2	3,8	1,2	23,4	5,4
Прочих средств	3,4	5,6	–	4,5	15,0

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

Наиболее высокой инвестиционной привлекательностью в России обладают отрасли и предприятия, производящие конкурентоспособную продукцию на мировом рынке. В 2018 г. в нефте- и газодобывающие предприятия было направлено более половины (58 %) всего объема инвестиций в основной капитал российской добывающей промышленности, в предприятия по предоставлению услуг в области добычи полезных ископаемых – 27 %. Главными получателями инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности являются производители химических веществ и химических продуктов (19 %), кокса и нефтепродуктов (17 %), предприятия металлургического комплекса (12 %), производители пищевых продуктов (10 %) ¹².

¹² Евразийская экономическая интеграция – 2019. М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. 140 с.

Правительства России и других стран ЕАЭС уделяют большое внимание повышению уровня инвестиционности экономики и доступности инвестиций. В частности, в России разработан план мероприятий по улучшению инвестиционного климата, снижению издержек бизнеса, комплексному развитию инфраструктуры, конкурентной среды, повышению эффективности компаний с государственным участием и др.

Государственные финансы стран – членов ЕАЭС

Состояние государственных финансов стран – членов ЕАЭС характеризуют республиканский (федеральный) и консолидированный бюджеты. Республиканский бюджет, по методологии МВФ, соответствует уровню бюджета центрального правительства; консолидированный бюджет образует совокупность республиканского бюджета и бюджетов единиц бюджетной системы, включая бюджетные и внебюджетные фонды, и, согласно МВФ, он соответствует уровню бюджета сектора государственного управления.

В 2015–2016 гг. по республиканским бюджетным доходам и расходам страны ЕАЭС имели отрицательные темпы роста (за исключением Армении и Кыргызстана по расходам в 2016 г.); в 2017 г. они вышли на положительные темпы роста по обоим показателям. В 2018 г. прирост бюджетных доходов Армении по отношению к 2017 г. составил 108,3 %, расходов – 96,0 %, Беларуси – 116,8 и 109,9 % соответственно, Казахстана – 86,3 и 81,9 %; Кыргызстана – 100,5 и 93,4 %, России – 119,7 и 94,6 % (табл. 4).

Таблица 4

Исполнение республиканского бюджета стран – членов ЕАЭС в 2014–2018 гг. (млрд долл. США)

[Table 4. Implementation of the budget of the Eurasian Economic Union countries in 2014–2018 (bln USD)]

Страны		2014	2015	2016	2017	2018
Армения	доходы	2,8	2,4	2,4	2,6	2,8
	расходы	3,0	2,9	3,0	3,1	3,0
Беларусь	доходы	12,5	10,5	9,0	10,2	11,9
	расходы	11,9	9,4	8,5	8,8	9,6
Казахстан	доходы	33,4	29,0	22,8	30,0	25,9
	расходы	39,4	33,1	24,9	34,1	27,9
Кыргызстан	доходы	2,0	1,8	1,7	2,0	2,0
	расходы	2,0	1,8	2,0	2,2	2,1
Россия	доходы	383,4	225,2	203,0	258,6	309,4
	расходы	382,4	255,9	247,7	281,5	266,1

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

В 2014–2018 гг. бюджетные доходы Беларуси с избытком покрывали расходы и профицит возрос с 0,7 % ВВП в 2014 г. до 3,8 % ВВП в 2018 г. Показатели Армении, Казахстана и Кыргызстана по бюджетным доходам и расходам в 2014–2018 гг. оставались отрицательными, в 2018 г. их дефициты составили 1,8, 1,2 и 1,2 % ВВП соответственно.

В 2014 г., по данным Минфина России, дефицит федерального бюджета РФ составил 334,7 млрд руб. (0,4 % ВВП), в 2015 г. – 1961,0 (1,5 %), в 2016 г. – 2956,4 (3,4 %), в 2017 г. – 1331,4 млрд руб. (1,4 % ВВП)¹³. Бюджетные дефициты РФ финансировались в основном из внутренних источников, доля которых в 2016 г. составила 98,55 %. В 2018 г. Россия впервые после 2011 г. вышла на положительные значения по соотношению бюджетных доходов/расходов и профицит федерального бюджета достиг 2,6 % ВВП (2 745,7 млрд руб.).

В 2019 г. в соответствии с принятым проектом доходная часть федерального бюджета России составит 19,948 трлн руб., расходная часть – 18, 063 трлн руб., бюджетный профицит – 1,885 трлн руб. (1,8 % ВВП)¹⁴. Согласно проекту, экономический рост (+1,3 %) обеспечивается в основном за счет повышения налогов, в том числе НДС – с 18 до 20 %; базовый уровень цены за баррель нефти марки Urals зафиксирован в размере 63,4 долл., прогнозируемый уровень инфляции – 4,3 %.

В 2018 г. в структуре бюджетных доходов стран ЕАЭС преобладал налог на добавленную стоимость (НДС), доля которого в совокупных доходах находилась в пределах 22,8–39,0 % (Казахстан – Кыргызстан); при этом доходы от внешнеэкономической деятельности (ВЭД) составили наибольшую долю в бюджетных доходах Беларуси (22,6 %) и наименьшую в Армении (6,0 %), в России – 19,1 % (табл. 5).

Таблица 5

Структура доходов республиканского бюджета стран – членов ЕАЭС в 2018 г.
[Table 5. Structure of the republic budget revenues of the Eurasian Economic Union countries in 2018]

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Доходы, всего, в том числе:	100	100	100	100	100
– налоги на прибыль (доход);	12,7	5,3	18,9	4,1	5,1
– НДС;	32,7	32,6	22,8	39,0	30,9
– акцизы;	8,1	10,7	1,1	7,6	4,9
– доходы от внешнеэкономической деятельности;	6,0	22,6	16,0	13,5	19,1
– другие	40,5	28,8	41,2	35,8	40,0

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

¹³ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Статистика. URL: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/> (дата обращения: 25.10.2019).

¹⁴ Там же.

Беларусь в 2014–2018 гг. значительно обогнала своих партнеров по ЕАЭС по динамике республиканских бюджетных доходов и расходов (табл. 6). За этот период ее общие доходы (в долларовом эквиваленте) увеличились на 90 %, в том числе от ВЭД – почти в три раза, поступления от таможенных пошлин – на 41,5 % и составили 21,2 % в доходах бюджета¹⁵. Общие расходы Беларуси возросли на 60,7 %, на ЖКХ – в 12 раз, отдых, культуру, религию – в 3 раза, на оборону – более 1,8 раза, по остальным показателям – на 40–80 %.

За 2014–2018 гг. доходы республиканского бюджета *Казахстана* увеличились на 44,3 %, при этом доля акцизов удвоилась, НДС возрос в 1,7 раза; расходы – на 66,7 %, на социальную защиту – в 1,8 раза, здравоохранение – в 1,7 раза, на ЖКХ – уменьшились на 22 %.

Таблица 6

Структура расходов республиканского бюджета стран – членов ЕАЭС в 2018 г. (%)
 [Table 6. Structure of the republic budget expenditures of the Eurasian Economic Union countries in 2018 (%)]

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Расходы, всего	100	100	100	100	100
Государственные службы общего назначения	19,2	44,8	28,0	16,5	19,0
Оборона	16,5	6,8	5,5	–	17,5
Общественный порядок и безопасность	8,5	11,2	6,9	14,6	11,7
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	8,1	16,5	9,7	5,2	15,4
ЖКХ	0,8	0,6	2,4	1,1	1,0
Здравоохранение	5,5	4,6	11,5	11,4	3,2
Отдых, культура и религия	1,7	2,4	1,6	2,7	1,6
Образование	8,4	4,4	5,1	23,4	4,3
Социальная защита	28,8	8,7	27,6	25,1	26,4

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

За 2014–2018 гг. общие бюджетные доходы *России* увеличились на 34,2 %, в том числе налоги на прибыль – в 2,4 раза, НДС и акцизы – в 1,5–1,6 раза; доходы от ВЭД – снизились на треть, в том числе от таможенных пошлин – с 142,3 до 58,5 млрд долл., их доля в общих доходах – с 37,2 до 18,9 %. Бюджетные расходы РФ возросли на 18 %, в том числе на государственные службы и оборону – на 53 и 24 % соответственно, ЖКХ и социальную защиту – на 41 и 34 %, на экономические вопросы и охрану окружающей среды расходы сократились на 13,6 %, на общественный порядок и безопасность – на 1,7 %.

¹⁵ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения 20.10.2019).

Бюджетные доходы *Кыргызстана* увеличились на 29 %, расходы – на 39 %, доходы от НДС и акцизов – в 1,6 раза, от ВЭД – на треть; наибольший прирост расходов пришелся на госслужбы (6 %), ЖКХ и здравоохранение – более 50 %, снижение на экономические вопросы составило 14 %.

За рассматриваемый период доходы и расходы *Армении* увеличились на 17 %, налоги на прибыль и доходы от ВЭД – на 64–67 %, акцизы – на 115 %; расходы на экономические вопросы возросли на треть, на государственные службы и оборону – на 28 и 25 % соответственно, на ЖКХ – сократились до 37 %.

Консолидированный бюджет образует совокупность республиканского бюджета и бюджетов единиц бюджетной системы, включая бюджетные и внебюджетные фонды, и, по методологии МВФ, он соответствует уровню бюджета сектора государственного управления. В 2014–2018 гг. консолидированный бюджет Беларуси был положительным, при этом доходы увеличились на 71,9 %, расходы – на 56,7 %, среднегодовые доходы покрыли среднегодовые расходы на 108,0 %; Казахстана – 4,5, 38,9 и 113,6 % соответственно, России – 37,9, 22,7 и 97,3 %, Армении – 17,5, 16,7 и 87,1 %, Кыргызстана – 55,9, 54,8 и 95,0 % (табл. 7).

Таблица 7

**Исполнение консолидированного бюджета стран – членов ЕАЭС
в 2014–2018 гг. (млрд дол. США)**

[Table 7. Implementation of the consolidated budget of

the Eurasian Economic Union countries in 2014–2018 (bln USD)]

Страны		2014	2015	2016	2017	2018
Армения	доходы	2,8	2,5	2,5	2,6	2,9
	расходы	3,0	3,0	3,1	3,2	3,1
Беларусь	доходы	21,3	16,7	14,4	16,4	18,5
	расходы	20,6	15,6	13,8	14,8	16,2
Казахстан	доходы	71,2	50,4	23,7	33,2	38,3
	расходы	47,2	39,8	29,7	40,2	34,1
Кыргызстан	доходы	2,2	2,0	1,9	2,6	2,7
	расходы	2,2	2,1	2,2	2,8	2,7
Россия	доходы	704,0	444,8	425,3	532,3	587,6
	расходы	711,2	489,5	473,6	555,5	538,7

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

В 2018 г. профицит консолидированного бюджета Беларуси составил 3,8 % ВВП (в 2013 г. – 1,0 % ВВП), Казахстана – 2,8 % (11,0 %), России – 2,9 % (–1,1 %), Армении: –1,6 % (–1,9 %), Кыргызстана: –0,3 % (–1,1 %).

В странах ЕАЭС функционируют семь фондов *социального обеспечения*: по одному в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и четыре в России – Пенси-

онный фонд РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования РФ, Территориальные фонды обязательного медицинского страхования РФ и Фонд социального страхования РФ, и два национальных (резервных) фонда – Национальный фонд Республики Казахстан и Фонд национального благосостояния РФ.

В 2018 г. средства Национального фонда Республики Казахстан составили 60,3 млрд долл., 39,0 % ВВП (в 2016 г. – 77,3 млрд долл., 54,8 % ВВП), поступления – 13,4 %, в том числе от нефтяного сектора – 8,4 %, использование – 6,9 %, средства на конец отчетного периода – 66,7 млрд долл. Средства Фонда национального благосостояния РФ составили 54,0 млрд долл., 3,6 % ВВП (в 2016 г. – 86,2 млрд долл., 6,1 % ВВП), поступления от нефтяного сектора – 13,1 %, использование – 16,0 %, средства на конец отчетного периода – 58,1 млрд долл.¹⁶

В 2018 г. совокупный *государственный долг* (ГД)¹⁷ стран – членов ЕАЭС составил 222,0 млрд долл., к 2014 г. – 113,6 %, к 2017 г. – 93 %; внутренний ГД ЕАЭС равнялся 143,3 млрд долл., к 2014 г. – 114,3 %, к 2017 г. – 90 %; внешний ГД – 78,7 млрд долл., к 2014 г. – 112,6 %, к 2017 г. – 98,9 % (табл. 8).

Таблица 8

**Государственный долг стран – членов ЕАЭС в 2014–2018 гг.
(млрд долл. на конец года, %)**

[Table 8. The state debt of the Eurasian Economic Union countries in 2014–2018
(bln USD, %)]

Государственный долг	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2014 г., общий ГД, млрд долл., в том числе:					
– ГД, ВВП, %;	4,4	16,7	31,0	3,6	139,6
– внутренний ГД, млрд долл.;	43,7	24,5	14,3	53,6	9,9
– внешний ГД, млрд долл.	0,7	4,1	23,1	0,2	97,3
2017 г., общий ГД, млрд долл., в том числе:	3,8	12,6	7,9	3,4	42,3
– ГД, ВВП, %;	6,8	21,4	40,8	4,5	165,3
– внутренний ГД, млрд долл.;	58,7	39,9	25,4	58,9	10,3
– внешний ГД, млрд долл.	1,3	4,7	27,0	0,4	125,8
	5,5	16,7	13,8	4,1	39,5

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

Главными должниками среди стран ЕАЭС являются Россия, Казахстан, Беларусь. Доля Армении и Кыргызстана в совокупном госдолге ЕАЭС невелика, но они имеют самые высокие показатели по отношению госдолга к ВВП,

¹⁶ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, департамент статистики. Социально-экономическая статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения 20.10.2019).

¹⁷ Государственный долг включает все обязательства единиц сектора государственного управления в виде долговых инструментов, требующих выплат процентов и основной суммы долга кредитору на определенную дату в будущем.

которые в 2017 г. приблизились к 60 % ВВП, в 2018 г. составили 55,7 и 56,0 % ВВП соответственно.

В 2014 г. доля России в совокупном госдолге стран ЕАЭС равнялась 71,4 % (9,9 % ВВП), в 2018 г. – 67,2 % (10,0 % ВВП); во внутреннем госдолге стран союза – 76,6 и 77,9 % соответственно, во внешнем госдолге ЕАЭС – 60,5 и 47,8 %. Обязательства российского государства перед внутренними кредиторами в разы превышают обязательства перед нерезидентами, в 2014 и 2018 гг. они составили 30,3 и 25,2 % соответственно.

В 2014 и 2018 гг. доли Казахстана в общем государственном долге ЕАЭС равнялись – 15,9 % (14,3 % ВВП) и 18,2 % (26,2 % ВВП) соответственно. В госдолге Казахстана преобладают обязательства перед внутренними кредиторами, их доля в госдолге страны снижается, но остается на высоком уровне, в 2014 г. она составила 74,5 %, в 2018 г. – 63,4 %.

Среди лидеров евразийской интеграции Беларусь имеет наиболее высокие показатели по отношению госдолга к ВВП, а именно – 36,5 % ВВП (2014 г.) и 37,3 % ВВП (2018 г.). Внешние кредиты являются главным источником пополнения государственных финансов Беларуси; доля внешнего госдолга в общем госдолге страны в 2014 г. составила 75,4 %, в 2018 г. – 80,5 %.

В 2018 г. *гарантированный государством совокупный долг* стран ЕАЭС (за исключением Кыргызстана) составил 36,9 млрд долл., сократившись к 2014 г. на 26 %, к 2017 г. – на 9,5 %. По такому долгу государство как гарант несет полностью или частично ответственность перед кредиторами-нерезидентами за исполнение заемщиком внутренних и внешних обязательств по заключенному им договору займа.

Долг России, гарантированный государством, в 2018 г. составил 32 107 млн долл. (2,1 % ВВП), в том числе внутренний – 64,0 %, внешний – 36,0 %; Беларуси – 3068 млн долл. (5,5 % ВВП), 45,3 и 54,7 % соответственно; Казахстана – 1630 млн долл. (1,1 % ВВП), 1,5 и 98,5 %; Армении – 159 млн долл. (1,3 % ВВП), 5,7 и 94,3 %.

Консолидированный бюджет сектора государственного управления Беларуси (+3,8 % ВВП), России (+2,9 % ВВП) и Казахстана (+2,8 % ВВП) был профицитным; Армения и Кыргызстан имели небольшой дефицит в размере –1,6 и –0,3 % ВВП соответственно. Показатель по долгу государственного сектора России (10,0 % ВВП), Казахстана (26,2 % ВВП) и Беларуси (37,3 % ВВП) оставался в пределах нормы, Армении и Кыргызстана – с небольшим превышением – 55,7 и 56,0 % ВВП соответственно.

В целом можно констатировать, что Евразийский союз имеет достаточный уровень устойчивости экономического развития по бюджету сектора государственного управления, что, однако, не обеспечивает высокие темпы роста, которые напрямую зависят от инвестиций в основной капитал, их объема, структуры, эффективности использования.

Финансовое положение стран ЕАЭС по отношению к внешнему миру

Результаты внешнеэкономической деятельности и положение стран-участниц в системе мирохозяйственных отношений показывают платежный баланс (текущий счет, счет операций с капиталом, финансовый счет), чистая

кредитная позиция (соотношение внутренних сбережений и инвестиций), иностранные активы и обязательства (международная инвестиционная позиция).

Платежный баланс, по определению МВФ, отражает в суммарном виде экономические операции между резидентами и нерезидентами за определенный период времени. Совокупное сальдо счета текущих операций и счета операций с капиталом платежного баланса определяет чистое кредитование (+)/чистое заимствование (–) и характеризует страну как чистого международного кредитора/дебитора (заемщика).

В 2013–2017 гг. по совокупному среднегодовому сальдо счета текущих операций и счета операций с капиталом все страны ЕАЭС, за исключением России, имели чистую заемную позицию; среднегодовой показатель Армении равнялся –461 млн долл. и –353 млн долл. в 2017 г., Беларуси: –1092 и –929 млн долл. соответственно, Казахстана: –2247 и –5065 млн долл., Кыргызстана: –804 и –215 млн долл., России: +34 894 и +34 941 млн долл.¹⁸

В 2013–2017 гг. по финансовому счету все страны ЕАЭС, кроме России, были чистыми получателями иностранных инвестиций, их обязательства перед нерезидентами превышали их зарубежные активы (требования к нерезидентам). Среднегодовое сальдо по финансовому счету Армении составило –832 млн долл., Беларуси: –3138 млн долл., Казахстана: –615 млн долл., Кыргызстана: –507 млн долл., России: +29 052 млн долл.

Отношение среднегодового отрицательного сальдо Армении по финансовому счету за 2013–2017 гг., который показывает чистый приток инвестиций, в размере 832 млн долл. к ее совокупному среднегодовому дефициту по текущему счету и по счету операций с капиталом составило 180,5 %; в 2017 г. чистый приток иностранных инвестиций превысил чистое заимствование на 240 млн долл.; Беларуси – 287,4 % и 831 млн долл.; Казахстана – 27,4 % и 639 млн долл.; Кыргызстана – 0, а чистое заимствование с учетом чистого притока иностранных инвестиций составило 639 млн долл. Отношение среднегодового оттока инвестиций из России к совокупному профициту по текущему счету и по счету операций с капиталом составило 83,2 %; в 2018 г. – 68,1 %, в 1 кв. 2019 г. – 100 %.

Партнеры России по ЕАЭС испытывают острый дефицит по текущим расчетам, который в 2017 г. в Армении составил 399 млн долл., в Беларуси – 931 млн долл., в Казахстане – 5353 млн долл., в Кыргызстане – 347 млн долл.; в совокупности со счетом операций с капиталом все они чистые заемщики (табл. 9). Чистый приток капитала по финансовому счету частично покрывает их дефициты, кроме Кыргызстана.

Россия является главным экспортером, инвестором и донором в Евразийском экономическом союзе и несмотря на санкции сохраняет свои позиции, хотя в 2013–2016 гг. ее финансовые возможности существенно снизились, в 2017–2018 гг. ситуация улучшилась. В 2018 г. сальдо России по текущему счету составило 113,3 млрд долл., увеличившись к 2013 г. в 3,4 раза, к 2014 г. на 97,2 %, к 2017 г. – в 3,5 раза; в 1 кв. 2019 г. повышательная тенденция со-

¹⁸ Официальный сайт Международного валютного фонда – International Monetary Fund: International Financial Statistics Yearbook – 2018. URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B&slid=1537997141415> (дата обращения: 01.11.2019).

хранилась (33,7 млрд долл.)¹⁹. Чистое кредитование в 2018 г. (с учетом дефицита по счету операций с капиталом – 1,1 млрд долл.) составило 112,3 млрд долл. Товарный экспорт является основным российским источником получения валюты, стоимостной объем которого зависит от мирового спроса и мировых цен на энергоносители. За 2013–2016 гг. доходы от экспорта сократились почти в 2 раза и составили 281,7 млрд долл. (54,0 % к 2013 г.), в 2018 г. – 443,1 млрд долл. (125,5 % к 2017 г.).

Таблица 9

Платежный баланс стран – членов ЕАЭС в 2017 г. (млн долл.)
 [Table 9. Balance of payment of the Eurasian Economic Union countries in 2017 (mln USD)]

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Текущий счет	–399	–931	–5353	–347	35 173
Счет операций с капиталом	46	2	288	132	–233
Чистое кредитование (+)/ чистое заимствование (–) ²⁰	–353	–929	–5065	–215	34 941
Финансовый счет	–593	–1760	–5704	–3	16 117
Прямые инвестиции: <i>активы</i> ²¹	22	32	696	–29	38 634
Прямые инвестиции: <i>обязательства</i>	246	1274	4542	94	27 886
Портфельные инвестиции: <i>активы</i>	30	–8	–3247	25	1258
Портфельные инвестиции: <i>обязательства</i>	–57	1258	2151	00	9330
Производные финансовые инструменты: <i>активы</i>	–	–0,8	–32	–14	–14 015
Производные финансовые инструменты: <i>обязательства</i>	–	–0,6	–147	–12	–14 165
Прочие инвестиции: <i>активы</i>	–209	61	4374	287	–8579
Прочие инвестиции: <i>обязательства</i>	246	–688	949	190	–21 871
Чистые ошибки и пропуски	–113	532	–2257	351	3804
Изменение резервных активов	97	2064	–617	141	22 628

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund: International Financial Statistics Yearbook – 2018. URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B&slid=1537997141415> (дата обращения: 01.11.2019).

По финансовому счету Россия имеет чистую кредитную позицию, которая в среднегодовом исчислении за 2013–2017 гг. составила 34,2 млрд долл.,

¹⁹ Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. Платежный баланс. Международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации. Банк России. 1 квартал 2019. М., 2019. URL: <http://www.cbr.ru/content/document/file/71385/bp.pdf> (дата обращения 01.11.2019)

²⁰ Сальдо счета текущих операций и счета операций с капиталом.

²¹ Активы – чистое приобретение финансовых активов; обязательства – чистое принятие обязательств.

в 2018 г. – 114,7 млрд долл., в том числе в среднем за 2013–2017 гг. по прямым иностранным инвестициям – 13,1 млрд долл., в 2018 г. – 22,6 млрд долл., по портфельным – 13,4 и 7,6 млрд долл., по прочим инвестициям – 24,5 и 47,1 млрд долл.

В 2013–2017 гг. по финансовому счету все страны – партнеры России по ЕАЭС имели чистую заемную позицию, которая в Армении в среднегодовом исчислении составила 832,2 млн долл., в Беларуси – 3138,6 млрд долл., в Казахстане – 6149,0 млрд долл., в Кыргызстане – 507,6 млн долл.

Международная инвестиционная позиция (МИП) показывает объем зарубежных (иностранных) активов (иностранной собственности) резидентов страны и ее иностранные обязательства в объеме иностранных активов (собственности) нерезидентов в стране приема на определенную дату; баланс активов (с плюсом) и обязательств (с минусом) образует чистую МИП страны. В 2013–2017 гг. страны ЕАЭС, за исключением Армении и России, были чистыми реципиентами с превышением иностранных обязательств над активами (табл. 10).

За 2013–2017 гг. иностранные активы Армении увеличились на 20 % и составили 5,2 млрд долл., обязательства – на 18,8 % (14,0 млрд долл.), Беларуси – на 3,6 % (16,2 млрд долл.) и 5,5 % (57,8 млрд долл.), Казахстана – –3,3 % (176,7 млрд долл. в 2013 г. и 171,0 млрд долл. в 2017 г.) и на 8,2 % (210 млрд долл. в 2013 г. и 227,3 млрд долл. в 2017 г.), Кыргызстана – на 38,9 % (5,0 млрд долл. в 2017 г.) и на 36,2 % (11,9 млрд долл. в 2017 г.), России – снизились на 9,0 % (1341 млрд долл.) и на 16,7 % (1073 млрд долл.)²².

В 2007–2017 гг. Россия дважды была чистым международным реципиентом – в 2007 и 2009 гг., все остальные годы она имела положительные значения по чистой МПИ, то есть являлась чистым международным кредитором²³. По данным ЦБ России, 1 января 2016 г. российские иностранные активы и иностранные обязательства перед нерезидентами достигли минимального уровня по отношению к максимальным показателям 2013 г. и составили 1170,5 и 838,8 млрд долл. соответственно, чистая МИП равнялась 331,7 млрд долл. К 1 апреля 2019 г. иностранные активы России поднялись до 1400,9, обязательства – до 1030,1 млрд долл., чистая МИП: +370,8 млрд долл.

В 2019 г. (на 1 апреля) в *иностранных активах* РФ (1400,9 млрд долл., 100 %) прямые инвестиции составили 455,4 млрд долл., их доля в иностранных активах – 32,5 %, в том числе участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов – 24,6%, долговые инструменты (межфирменное кредитование) – 7,9 %; портфельные инвестиции – 72,7 млрд долл., 5,2 %, в том числе паи/акции – 0,5 %, долговые ценные бумаги – 4,7 %, производные финансовые инструменты – 5,5 млрд долл., 0,4 %; прочие инвестиции – 379,4 млрд долл., 27,1 %; резервные активы – 487,8 млрд долл., 35,3 %²⁴.

²² Официальный сайт Международного валютного фонда – International Monetary Fund: International Financial Statistics Yearbook – 2018. URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B&slid=1537997141415> (дата обращения: 01.11.2019).

²³ Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. Платежный баланс. Международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации. Банк России, 1 квартал 2019. М., 2019. URL: <http://www.cbr.ru/content/document/file/71385/bp.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).

²⁴ Там же.

Таблица 10

Иностранные активы и обязательства стран –членов ЕАЭС в 2017 г. (млн долл.)
 [Table 10. Foreign assets and liabilities of the Eurasian Economic Union countries in 2017 (mln USD)]

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Активы, всего	5202	16 200	171 051	5056	1 341 170
Прямые инвестиции, в том числе:	590	863	35 044	690	470 882
– участие в капитале, паи/акции;	194	718	26 248	690	366 078
– долговые инструменты	396	145	8795	–	104 804
Портфельные инвестиции, в том числе:	95	41	64 015	185	73 905
– участие в капитале, паи/акции;	68	2	12 330	–	4645
– долговые ценные бумаги	27	39	51 684	185	69 260
Производные финансовые инструменты	1	0,2	12	6	4853
Прочие инвестиции	2201	7980	41 233	2204	358 799
Резервные активы	2313	7315	30 747	1971	432 731
Обязательства, всего	14 003	57 760	227 388	11 939	1 073 403
Прямые инвестиции, в том числе:	4747	19 822	161 649	5536	535 200
– участие в капитале, паи/акции;	3446	17 793	57 186	3800	386 326
– долговые инструменты	1300	2029	104 463	1736	148 873
Портфельные инвестиции, в том числе:	1064	2861	23 480	4	230 797
– участие в капитале, паи/акции;	25	42	2565	00	160 181
– долговые ценные бумаги	1039	2819	20 915	4	70 616
Производные финансовые инструменты	1	1	138	6	4505
Прочие инвестиции	8189	35 077	42 121	6393	302 902

Источник: составлено автором на основе данных International Monetary Fund: International Financial Statistics Yearbook – 2018. URL: <https://data.imf.org/?sk=4C514D48-B6BA-49ED-8AB9-52B0C1A0179B&slid=1537997141415> (дата обращения: 01.11.2019).

В иностранных обязательствах РФ (1030,1 млрд долл., 100 %) прямые инвестиции составили 524,1 млрд долл., их доля – 32,5 %, в том числе участие в капитале и паи/акции инвестиционных фондов – 24,6 %, долговые инструменты – 7,9 %; портфельные инвестиции – 243,1 млрд долл., 5,2 %, в том числе паи/акции – 0,5 %, долговые ценные бумаги – 4,7 %, производные финансовые инструменты – 4,7 млрд долл., 0,4 %; прочие инвестиции – 258,1 млрд долл., 25,5 %.

На конец 2017 г. кредиторская задолженность Армении в объеме обязательств по межфирменным кредитам предприятий с прямыми инвестициями (долговые инструменты), по долговым ценным бумагам и прочим инструментам, не считая обязательств по производным финансовым инструментам, составила 8,2 млрд долл., дебиторская задолженность – 2,6 млрд долл.; Беларуси – 39,9 и 8,2 млрд долл. Соответственно; Казахстана – 167,4 и 101,7 млрд долл.; Кыргызстана – 8,1 и 2,4 млрд долл., России – 522,3 и 532,9 млрд долл. (табл. 8).

В отличие от своих партнеров по ЕАЭС, которые являются чистыми международными должниками с превышением иностранных долговых обязательств над долговыми требованиями к нерезидентам, Россия остается чистым кредитором, на 1 апреля 2018 г. ее кредиторская задолженность составила 523,7 млрд долл., дебиторская – 550,0 млрд долл., на 1 апреля 2019 г. – 469,7 и 546,2 млрд долл. соответственно²⁵.

В 2017 г. во *внешнем долге* (ВД) Армении, Беларуси и Кыргызстана удельный вес внешнего долга органов государственного управления (ГУ) оставался высоким и составил 48,0, 43,2 и 50,0 % соответственно, Казахстана и России – 7,2 и 10,7 %. Доля органов денежно-кредитного регулирования (ДКР) находилась в пределах 0,5 % в Казахстане и 2,8 % в Беларуси и России, в Армении – 7,0 %; внешний долг частного (корпоративного) сектора, включая банки, другие секторы и межфирменные кредиты ПИИ, составил во ВД Армении 44,9 %, Беларуси – 53,9 %, Казахстана – 88,3 %, Кыргызстана – 49,3 %, России – 86,1 % (табл. 11).

Таблица 11

Структура внешнего долга стран – участниц ЕАЭС по заемщикам в 2017 году (млрд долл., %)
 [Table 11. Structure of the external debt of the Eurasian Economic Union countries by borrowers in 2017 (mln USD, %)]

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Внешний долг, всего, млн долл.,	10525	39929	167224	8133	518103
в том числе:	100	100	100	100	100
– органы государственного управления, %;	48,0	43,2	7,2	50,0	10,7
– органы денежно-кредитного регулирования, %;	7,0	2,8	0,5	1,6	2,8
– банки, %;	18,8	11,2	3,9	3,5	19,1
– другие секторы, %;	13,7	37,6	26,1	24,5	38,3
– прямые инвестиции: межфирменное кредитование, %	12,4	5,1	62,2	21,3	28,7

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 25.10.2019).

Страны ЕАЭС весьма различаются по объему и динамике *внешнего долга*. За 2013–2017 гг. (на конец года) внешний долг Армении увеличился на 20,5 % и составил 10,5 млрд долл., в том числе органов государственного управления – на 48,4 %, органов денежно-кредитного регулирования – на 13,8 %, других секторов – на 6,4 %, межфирменного кредитования предприятий с прямыми инвестициями – на 31,0 %, банков – сократился на 14,8 % (табл. 12).

²⁵ Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. Платежный баланс. Международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации. Банк России, 1 квартал 2019. М., 2019. URL: <http://www.cbr.ru/content/document/file/71385/bp.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).

ВД Беларуси увеличился на 0,8 % (39,9 млрд долл.), органов ГУ – на 32,4 %, межфирменного кредитования – на 28,1 %, органов ДКР снизился на 14,5 %, банков – сократился на 43,3 %, других секторов – сократился на 2,9 %. ВД Казахстана возрос на 11,4 % (167,2 млрд долл.), органов ГУ – на 131,2 %, органов ДКР – на 69,3 %, межфирменного кредитования – на 28,1 %, банков – снизился на 41,7 %, других секторов – сократился на 26 %. ВД Кыргызстана увеличился на 19,0 % (8,1 млрд долл.), органов ГУ – на 32,1 %, банков – на 7,1 %, других секторов – на 2,2, межфирменного кредитования – на 23,5 %, органов ДКР – снизился на 36,5 %. ВД России сократился на 28,9 % (518,1 млрд долл.), органов ГУ – на 9,9 %, органов ДКР – на 9,3 %, банков – на 52,9 %, других секторов – на 29,9 %, межфирменного кредитования – на 4,4 %.

Таблица 12

Изменение внешнего долга стран – членов ЕАЭС за 2013–2017 гг. (2013 г. = 100 %)
 [Table 12. Dynamic of the external debt of the Eurasian Economic Union countries by borrowers in 2013–2017 (2013 = 100%)]

2017 г. в % к 2013 г.	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Внешний долг, всего,	120,5	100,8	111,4	119,0	71,1
в том числе:					
– органы государственного управления, %;	148,4	132,4	231,2	132,1	90,1
– органы денежно-кредитного регулирования, %;	113,8	85,5	169,3	63,5	90,7
– банки, %;	85,2	54,7	58,3	107,1	47,1
– другие секторы, %;	106,4	97,1	74,0	102,2	70,1
– прямые инвестиции: межфирменное кредитование, %	131,0	128,1	140,3	123,5	95,6

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 25.10.2019).

На 1 апреля 2019 г. внешний долг РФ составил 468,8 млрд долл., увеличившись с начала года на 3,1 % за счет операций с нерезидентами (на 8,2 млрд долл.) и курсовых и рыночных переоценок (на 6,7 млрд долл.). В структуре внешнего долга удельный вес органов государственного управления составил 11,4 %, центрального банка (органов денежно-кредитного регулирования) – 3,0 %, частного сектора, включая банки, другие секторы и межфирменное кредитование по ПИИ, – 85,7 %.

С 1 января по 1 апреля 2019 г. задолженность органов государственного управления увеличилась на 21,3 % и составила 53,3 млрд долл., что обусловлено расширением спроса нерезидентов на суверенные ценные бумаги, номинированные в рублях и иностранной валюте. За первый квартал 2019 г. внешний долг центрального банка вырос на 16,9 % и составил 13,8 млрд долл.; банков почти не изменился и составил 84,5 млрд долл.; прочих секторов – вырос на 6,3 % и составил 317,3 млрд долл.

Задолженность перед прямыми инвесторами и предприятиями прямого инвестирования увеличилась на 5,7 млрд долл., ссудная задолженность, не вклю-

ченная в состав прямых инвестиций, уменьшилась на 0,9 % и составила 157,4 млрд долл. Во внешнем долге долгосрочные обязательства составили 88,6 %, краткосрочные – 11,4 %, номинированные в иностранной валюте – 74,2 %, в рублях – 25,8 %.

По данным Банка России, по состоянию на 1 апреля 2019 г. в соответствии с графиком предстоящих выплат процентов по внешнему долгу РФ общая сумма за сентябрь – декабрь составила 6050 млн долл., в том числе процентные платежи органов государственного управления – 1210 млн долл., ЦБ России – 19 млн долл., банков – 840 млн долл., прочих секторов – 3981 млн. долл. Резервные активы РФ на 1 апреля 2019 г. составили 487,8 млрд долл., увеличившись с 1 апреля 2018 г. на 29,8 млрд долл.

К 1 апреля 2019 г. внешняя долговая устойчивость России несколько повысилась по отношению к предыдущим годам, и долговая нагрузка на экономику оставалась умеренной. В марте 2019 г. отношение внешнего долга к ВВП составило 28 % при пороговом значении коэффициентов (от низкого к высокому) – 30–40–50 %, ВД к экспорту товаров и услуг (ЭТУ) – 92 % (100–150–200 %), платежи по ВД/ВВП – 7 %, платежи по ВД/ЭТУ – 22 % (15–20–25 %), международные резервы/платежи по внешнему долгу – 431 % (не менее 100 %).

Заключение

Комплексное исследование финансового положения стран – участниц Евразийского экономического союза на основе национальной и международной статистики, аналитических исследований Евразийской экономической комиссии, Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития и других за 2013–2018 гг. позволило определить состояние финансовой сферы, которая обслуживает отношения между резидентами отдельных стран ЕАЭС, их отношения с резидентами стран – партнеров по союзу, а также взаимоотношения с третьими странами и международными организациями и международными финансовыми рынками.

Исследование выявило слабости и риски, возможности и перспективы развития стран-участниц и Евразийского союза в целом; роль и место России в финансовом взаимодействии с партнерами по союзу. Выявленные недостатки и угрозы дальнейшему развитию свидетельствуют о настоятельной необходимости проведения системно-структурных преобразований и мероприятий макроэкономической стабилизации, направленных на повышение темпов экономического роста, значительное увеличение нормы внутренних инвестиций, повышение доходов населения и потребительского спроса, удешевление кредита и стимулирование развития производства и инноваций.

Анализ выявил слабости и риски в финансовом положении стран – участниц ЕАЭС, он не оставляет сомнений в том, что странам ЕАЭС предстоит большая и трудная работа по проведению дальнейших системно-структурных преобразований и мероприятий по макроэкономической стабилизации, требующая высокого профессионализма и политической воли, работа по наращиванию темпов экономического роста, поднятию нормы внутренних инвестиций, увеличению потребительского и производственного спроса, расширению и улучшению системы кредитования населения и предприятий, развитию национальных финансовых рынков и формированию единого рынка капитала ЕАЭС в целях повышения эффективности перераспределения финансовых ресурсов.

Список литературы

- Андропова И.В.* Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций. 2016. Т. II. № 2. С. 7–23.
- Буторина О.В., Захаров А.В.* О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция. 2015. № 2. С. 2–68.
- Ганеева М.В., Андропова И.В.* Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 117–130.
- Глазьев С.Ю.* Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской экономической интеграции // Московский комсомолец. 2016, 29 декабря. URL: <http://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshheobrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integracii.html> (дата обращения: 15.10.2019).
- Гусаков Н.П., Колотырина Е.А.* Республика Корея: инновационная система как фактор экономической безопасности страны // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 34–40.
- Спартак А.Н., Воронова Т.А.* Генезис, современное состояние и перспективы Евразийской экономической интеграции. 2013. URL: <http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2013/12/Sbornik3.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.09.2019

Дата проверки: 15.10.2019

Дата принятия к печати: 17.11.2019

Для цитирования:

Федякина Л.Н. Финансовое положение стран – членов ЕАЭС: дефициты и профициты, возможности и риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 492–513. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-492-513>

Сведения об авторе:

Федякина Лора Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: lnf76@yandex.ru

Research article

Financial situation of the EAEU member states: deficits and surpluses, opportunities and risks

Lora N. Fediakina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article defines the current level of stability and socio-economic development of the EAEU member states, and examines the factors constraining their economic growth. Public finances are considered: regional and consolidated budgets, budget deficits and sources of their coverage; state and state-guaranteed debts. The financial position of the coun-

tries participating in the Eurasian integration in relation to the outside world is analyzed, their deficits/surpluses and debts are revealed on the basis of balance of payments, foreign assets and liabilities.

Keywords: government debt; republican budget; consolidated budget; investments in gross fixed capital formation; net lending; borrowing

References

- Andronova I.V. (2016). Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potentsial i ogranicheniya dlya regionalnogo i globalnogo liderstva [Eurasian Economic Union: Potential and limits for regional and global leadership]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 2(2), 7–23. (In Russ.)
- Butorina O.V., Zakharov A.V. (2015). O nauchnoj osnove Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [On the scientific basis of the Eurasian Economic Union]. *Evrazijskaya integratsiya*, (2), 2–68. (In Russ.)
- Ganeeva M.V. (2018). Nauchno-tehnicheskoe sotrudnichestvo v ramkah EAJeS kak vazhnejshij faktor lojal'nosti naselenija stran-uchastnic k integracionnomu ob'edineniju i ego pritjagatel'nosti dlja novyh chlenov [Scientific-technical cooperation within the EAEU as a key factor of the loyalty of the participating countries' population to the integration and of its attractiveness for new members]. *RUDN Journal of Sociology*, (1), 117–130. (In Russ.)
- Glaziev S.Yu. (2016, 29 December). Obshee obrazovatelnoe prostranstvo EAES kak zalog uspeha evrazijskoj ekonomicheskoy integratsii [The common educational space of the EAEU as a key to the success of the Eurasian economic integration]. *Moskovskii komsomolets*. <http://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhee-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integratsii.html> (accessed: 15.10.2019). (In Russ.)
- Gusakov N.P., Konovalova Yu.A. (2017). Sostoyanie i perspektivy rossijsko-indijskogo sotrudnichestva v vysokotekhnologichnyh otraslyah ekonomiki [The state and prospects of the Russian-Indian cooperation in the high-tech industries]. *Finansy i kredit*, 23(5), 34–40. (In Russ.)
- Spartak A.N., Voronova T.A. (2013). Genezis, sovremennoe sostojanie i perspektivy Evrazijskoj jekonomicheskoy integratsii. <http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2013/12/Sbornik3.pdf> (accessed: 15.10.2019). (In Russ.)

Article history:

Received: 25.09.2019

Revised: 15.10.2019

Accepted: 17.11.2019

For citation:

Fediakina L.N. (2019). Financial situation of the EAEU member states: deficits and surpluses, opportunities and risks. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 492–513. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-492-513>

Bio note:

Lora N. Fediakina, Doctor of Science (in Economics), Professor of the International Economic Relations Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lnf76@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-514-524
УДК 332.365

Научная статья

Сокращение площади обрабатываемых земель в Китае и его роль в обострении продовольственной безопасности в стране

И. Чэн

Аграрный университета Внутренней Монголии
*Китайская Народная Республика, Внутренняя Монголия, 010010,
г. Хух-Хото, район Сайхан, ул. Чжаовуда, 306*

В статье рассматриваются четыре этапа развития урбанизации в Китае с первых дней основания Китайской Народной Республики и подробно обсуждается взаимосвязь между изменениями урбанизации, площади обрабатываемых земель и производством зерновых продуктов. Цель исследования – прояснить влияние урбанизации на обрабатываемые земли и производство зерновых продуктов, а также проблемы, вызванные падением количества обрабатываемых земель. Китай – страна с большим населением, и возможность обеспечения гарантии продовольственной безопасности Китая зависит не только от него самого, но и от мира. Методами исследования послужили анализ данных и сравнение. Научной основой стали данные Национального бюро статистики и Бюллетеня земельных ресурсов Китая.

Ключевые слова: урбанизация; продовольственная безопасность; объем производства зерна; площадь обрабатываемых земель; КНР

Введение

Урбанизация – это исторический процесс перехода от традиционного сельского общества, в котором доминирует сельское хозяйство, к современному городскому обществу, в котором доминируют промышленность и сфера услуг, или процесс преобразования сельского населения в несельскохозяйственное население и превращения сельских районов в городские. Уровень урбанизации обычно выражается долей городского населения к общей численности населения страны. Влияние изменений в обрабатываемых землях на продовольственную безопасность в процессе урбанизации стало одной из ключевых проблем экономических исследований Китая в последние годы. Глядя на демографическую структуру развитых стран, таких как страны Европы и США, нельзя отрицать, что урбанизация способствует ускоренному интегрированному развитию общества и играет важную роль в стимулировании национальной экономики. Но специфика Китая заключает-

© Чэн И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ся в том, что в стране большая численность населения и малое количество обрабатываемых земель. В процессе урбанизации правительство всегда должно быть внимательным к влиянию этого важного для экономики процесса на продовольственную безопасность. В 1949 г. уровень урбанизации в Китае составлял всего 10,64 %. После реформ 1979 г. Китай постепенно стал второй по величине экономикой в мире, а уровень урбанизации становится все выше и выше. В 2018 г. уровень урбанизации в Китае составил 59,58 %. Урбанизация – это объективный процесс, который необходимо пройти на пути национального развития. Минимизация потерь обрабатываемых земель в процессе урбанизации в сочетании с обеспечением национальной продовольственной безопасности является одним из важных факторов, обеспечивающих устойчивое развитие социально направленной экономики Китая.

Обзор литературы

Есть много факторов, влияющих на продовольственную безопасность. В данной статье обсуждается влияние урбанизации на обрабатываемые земли и производство зерна. Многие китайские ученые провели исследования в этой области. Чжао Цзыцзюнь (2008) предположил, что урбанизация влияет на рост городского населения, что в свою очередь увеличивает косвенный спрос на продукты питания. Гун Маогань (2009) упомянул, что с одной стороны, по мере развития индустриализации и урбанизации в Китае занято большое количество обрабатываемых земельных ресурсов. В то же время уменьшается количество земель и ухудшается их качество в связи с загрязнением водных ресурсов. Это приводит к тому, что производство продуктов питания замедляется. С другой стороны, процесс урбанизации населения привел к увеличению численности городского населения при сокращении численности сельского населения, что привело к увеличению товарности сельского хозяйства. Городское население имеет относительно высокий уровень жизни и увеличивает спрос на продукты питания, такие как мясо, яйца и молоко. Для удовлетворения этого спроса необходимо увеличивать количество скота за счет потребления им зерновых культур. Это означает, что урбанизация фактически увеличивает косвенный спрос на продукты питания. Сочетание этих двух факторов оказывает большее влияние на продовольственную безопасность.

В своем исследовании Ли Ин (2011) отметил, что повышение уровня урбанизации привело к значительному увеличению потребления продуктов питания. В свою очередь это обозначило колебание цен на продовольствие. Непрерывное развитие урбанизации также сокращает количество обрабатываемых земель, что приводит к их недостатку. Для того чтобы сократить количественный разрыв, берутся земли из другой отрасли, качество которых намного хуже. Некоторые предприятия используют земли для несельскохозяйственных целей, что делает продовольственную безопасность более сложной. David Satterthwaite (2010) ставит вопрос о возможности создания урбанизацией угрозы для продовольственной безопасности в глобальном масштабе. Это зависит от того, сможет ли рост спроса на сельскохозяйственную продукцию быть устойчивым, при том что наблюдается увеличение числен-

ности городского населения. Сможет ли этот рост спроса способствовать процветанию сельского хозяйства и тем самым сокращать бедность в сельских и городских районах? Аналогичные вопросы исследуются в работах Чжан Чжаньцан (2015), Чень Чжуо (2013), Чжан Линь (2015) и др.

Методы и подходы

При проведении исследовательской работы были использованы эмпирический (сбор, изучение данных), исторический, сравнительный методы исследования, а также статистические данные Статистического ежегодника Китая и Бюллетеня земельных ресурсов Китая, что обеспечивает их сопоставимость и достоверность.

Урбанизация Китая и сокращение площади обрабатываемых земель в период с 1949 по 2018 гг.

Американский градостроитель Р.М. Нортэм (Ray M. Northam) разделил процесс урбанизации на три основных этапа. Изучая ход урбанизации в развитых странах, он определил начальный уровень урбанизации в пределах значений, не превышающих 30 %. Этап формирования уровня урбанизации от 30 до 70 % он обозначил как ускоренный, а последующий ход этого процесса – умеренным. Согласно оценкам «Синей книги города» 2015 г. – «Отчет о городском развитии Китая № 8» – уровень урбанизации в Китае превысит 60 % к 2020 г., а уровень урбанизации в 70 % Китай достигнет к 2030 г.

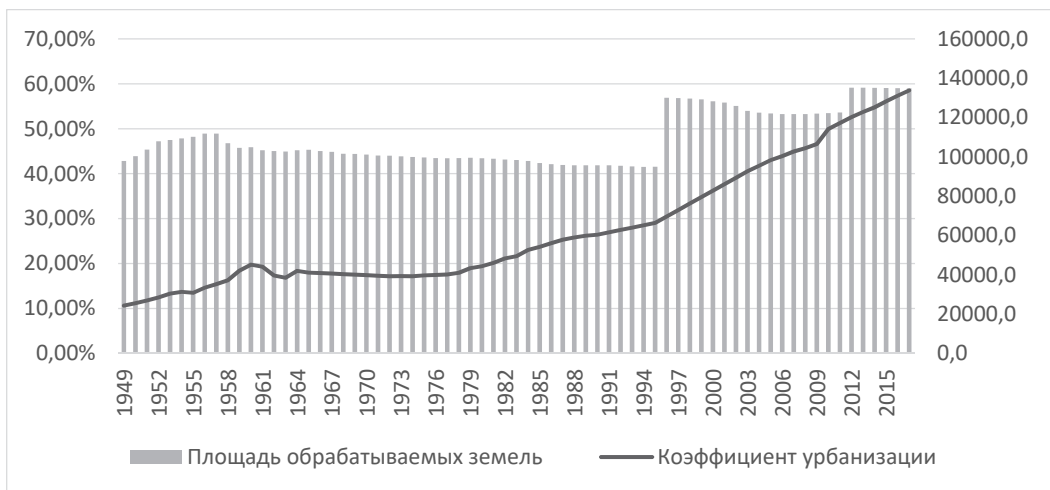

Рис. 1. Тенденции урбанизации (%) и площади обрабатываемых земель (тыс. га) в Китае 1949–2017 гг.

[Figure 1. Urbanization trends (%) and cultivated land area in China, 1949–2017]

Источник: Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Анализируя данные об уровне урбанизации и площади обрабатываемых земель в Статистическом ежегоднике Китая за 1949–2017 гг., процесс урбанизации Китая можно разделить на четыре этапа.

Начальный этап урбанизации Китая (1949–1961 гг.)

С 1949 по 1957 г. индустриализация и градостроительство Китая начались в больших масштабах. Уровень урбанизации вырос с 10,64 % в 1949 г. до 15,39 % в 1957 г., при этом среднегодовой темп роста составил 0,68 %. За тот же период площадь обрабатываемых земель также значительно увеличилась с 97 881,33 до 111 830 тыс. га в 1957 г. Основным фактором увеличения возделываемых земель в этот период была национальная земельная реформа, проведенная Китаем с 1949 по 1952 г. Большое количество заброшенных земель в военное время было рекультивировано. В то время принцип, по которому обрабатывающий землю владел ею, значительно усилил энтузиазм крестьян. С 1953 по 1957 г. Китай начал осуществлять различные мероприятия по рекультивации пустошей. Например, создание совхозов и поощрение фермеров к переезду на орошаемые земли позволило Китаю за четыре года ввести в оборот 5476,5 тыс. га. К 1957 году площадь обрабатываемых земель достигла самого высокого уровня – 11 830 тыс. га. Как следствие, в этот период значительно увеличилось производство зерна в Китае: в 1958 г. оно достигло уровня 197,5 млн т (рис. 2). Вместе с тем из рис. 1 и 2 видно, что в период с 1957 по 1961 г. наблюдались значительные колебания площади обрабатываемых земель, темпов урбанизации и производства зерна. Основная причина заключается в том, что «скачок вперед» в 1958–1960 гг. сделал урбанизацию Китая чрезмерно ускоренной. Уровень урбанизации достиг 19,75 % в 1960 г. Чрезмерная урбанизация вызвала рост городского населения, и большое количество обрабатываемых земель было заброшено. Площадь обрабатываемых земель сократилась с 111 830 тыс. га в 1957 г. до 103 310,7 тыс. га в 1961 г., а среднегодовое сокращение на 2129,5 тыс. га обрабатываемых земель в сочетании со стихийными бедствиями вызвало серьезное сокращение производства продовольствия, что привело к более серьезному продовольственному кризису.

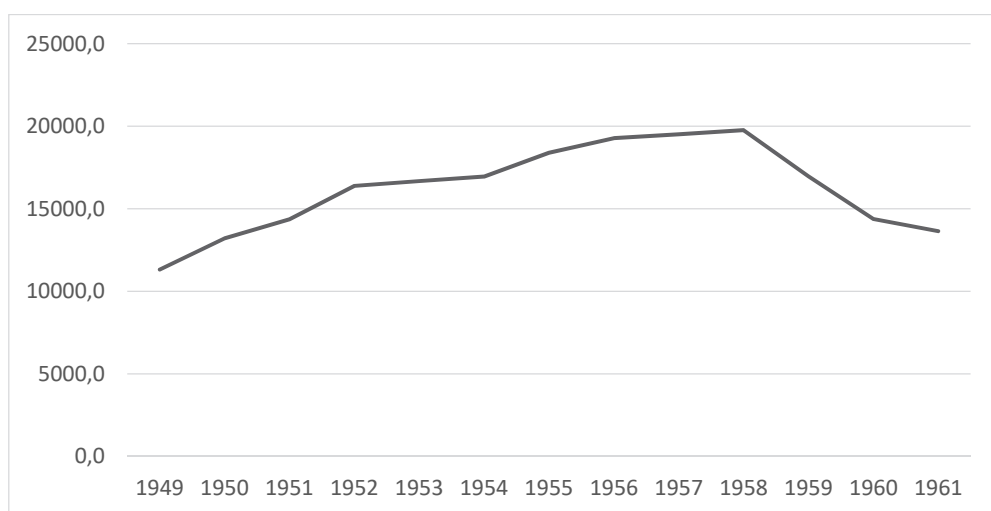

Рис. 2. Основной объем производства зерна (в десятках тыс. т), 1949–1961 гг.
 [Figure 2. The main volume of grain production (ten thousand tons), 1949–1961]

Источник: Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Период спада темпов урбанизации Китая (1962–1978)

Большой «скачок вперед» и трехлетний период стихийных бедствий в сочетании с чрезмерной урбанизацией способствовали огромному разрыву в спросе и предложении продуктов питания. Серьезный дисбаланс в поставках товарного зерна привел к тому, что развитие урбанизации утратило свою фундаментальную значимость. Чтобы смягчить противоречия, государство организовало широкомасштабное возвращение населения в деревню в период с 1961 по 1965 г. Уровень урбанизации снизился с 19,29 % в 1961 г. до 17,98 % в 1965 г., а в 1964 г. он снизился до 16,52 %. Увеличение сельского населения способствовало укреплению сельскохозяйственного производства. В то же время площадь обрабатываемых земель увеличилась с 103 310,67 тыс. га в 1961 г. до 103 594,00 тыс. га в 1965 г. Во время культурной революции 1966–1976 гг. большое количество интеллектуалов и кадров отправились в деревню. Уровень урбанизации составлял около 17,50 % и находился в состоянии волатильности, но был все еще почти на 1 % выше, чем в 1961–1965 гг. В этот период площадь обрабатываемых земель продолжала сокращаться и составила 99 388,67 тыс. га в 1976 г. С окончанием культурной революции национальная экономика постепенно восстановилась и уровень урбанизации вырос до 17,92 % в 1978 г. В целом в период с 1960 по 1978 гг. городское население претерпело несколько серьезных изменений, при этом среднегодовой уровень урбанизации составил всего 17,75 %. По сравнению со среднегодовым показателем урбанизации, равным 18,14 % в 1958–1960 гг., он снизился на 0,64 %, что является ненормальной стадией развития урбанизации. Однако производство зерна в Китае за этот период увеличилось: в 1962 г. оно составило 154,41 млн т, а в 1978 г. – 307,765 млн т. Это также обеспечило определенную основу для последующего развития китайской экономики.

Рис. 3. Основной объем производства зерна (в десятках тыс. т), 1962–1978 гг.
 [Figure 3. The main volume of grain production (ten thousand tons), 1962–1978]

Источник: Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Стадия восстановления уровня урбанизации (1979–1995)

После того как Китай осуществил реформу и политику открытости в 1979 г., урбанизация вступила в новый этап развития, и ее уровень продолжил возрастать. В 1979 г. уровень урбанизации в Китае составил 18,96 %, увеличившись на 1,04 процентных пункта по сравнению с 1978 г. К 1995 г. уровень урбанизации достиг 29,04 %, то есть за 16 лет уровень урбанизации вырос на 10,08 %, при этом среднегодовой темп роста составил 0,65 %. В отличие от чрезмерной урбанизации в период большого «скачка вперед» поглощение сельского населения на этом этапе держалось в разумных пределах. Как показано на рис. 4, площадь обрабатываемых земель сократилась с 99 498,00 тыс. га в 1979 г. до 94 973,90 тыс. га в 1995 г., при этом среднегодовое сокращение составило 259,73 тыс. га. Тем не менее в этот период система ответственности по договорам с сельскими домохозяйствами в значительной степени мобилизовала энтузиазм крестьян в сфере производительности труда, и производство зерна значительно возросло. Но с восстановлением и развитием урбанизации скорость городской экспансии осталась слишком высокой, что влияло на устойчивое использование возделываемых земельных ресурсов.

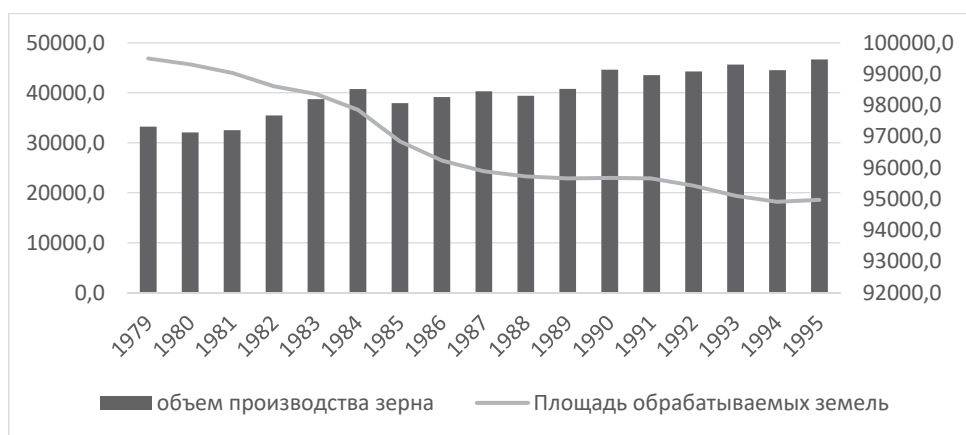

Рис. 4. Площадь обрабатываемых земель (тыс. га) и объем производства зерна (в десятках тыс. т), 1979–1995 гг.
 [Figure 4. The area of cultivated land (thousands ha) and the volume of grain production (ten thousand tons), 1979–1995]

Источник: Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Стадия быстрого развития урбанизации в Китае (с 1996 г. по настоящее время)

Согласно данным Национального бюро статистики Китая, в 1996 г. уровень урбанизации в Китае впервые превысил 30 % и достиг 30,48 %, а в 2004 г. он превысил 40 %, достигнув 40,53 %. В 2011 г. он впервые пробил 50 %, достигнув 51,27 %. К 2018 г. уровень урбанизации Китая увеличился до 59,89 %. В связи с постоянным расширением города было реквизировано большое количество обрабатываемых земель, и проблема утраты обрабатываемых земель

становится все более серьезной. Правительство строго контролирует одобрение земли под застройку и увеличивает площадь обрабатываемых земель за счет восстановления земель. Однако большая часть вновь обрабатываемых земель бедна, а урожайность культур на них низкая. Например, данные о землепользовании в Китае показывают, что в конце 2017 г. площадь пахотных земель в стране составляла 134,86 млн га. Площадь обрабатываемых земель сократилась на 0,324 млн га из-за строительного бума, стихийных бедствий, экологического восстановления и реорганизации сельскохозяйственных предприятий, а увеличилась за счет восстановления земель и перестройки сельскохозяйственных учреждений. Площадь обрабатываемых земель составляет 0,26 млн га, а чистое сокращение площади обрабатываемых земель – 60,9 тыс. га в течение года¹.

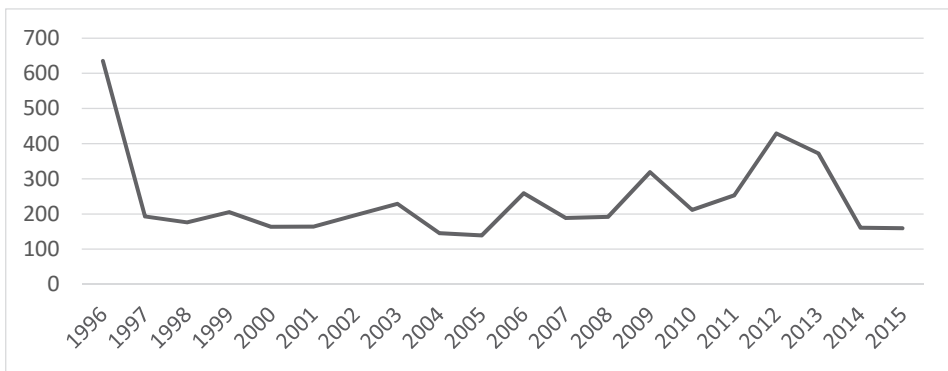

Рис. 5. Преобразование земли сельскохозяйственного назначения в землю под застройку (тыс. га.)

[**Figure 5.** Conversion of agricultural land into building land (thousands ha)]

Источник: Бюллетень земельных ресурсов Китая. URL: <http://www.mnr.gov.cn/sj/tjgb/>

Влияние сокращения обрабатываемых земель на продовольственную безопасность Китая в процессе урбанизации

Урбанизация приводит к уменьшению площади, засеянной зерном. В процессе урбанизации в Китае непрерывная миграция сельского населения в города неизбежно приведет к увеличению объемов городского жилищного строительства, озеленения и строительства городской инфраструктуры, поэтому урбанизация неизбежно сократит площадь обрабатываемых земель. Как было показано ранее (рис. 5), площадь, занимаемая ранее посевами, в городском строительстве в Китае демонстрирует значительную тенденцию роста с 2000 г. В 2012 г. площадь земельных участков под застройку в Китае достигла 6152 тыс. га, из которых занимаемая площадь обрабатываемых ранее земель составила 259,8 тыс. га, увеличившись на 58,9 % по сравнению с 2000 г. Поскольку вывод из сельскохозяйственного оборота земли под застройку увеличивается, посевная площадь в Китае имеет тенденцию к снижению. С 1978 г. площадь, засеянная зерновыми культурами, в Китае постоянно сокращалась

¹ Информация о промышленности Китая. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201901/707683.html>

и к 2003 г. достигла величины в 99 410 тыс. га, что на 17,56 % меньше по сравнению с 1978 г. Впоследствии, после того как страна ввела ряд мер по увеличению доходов фермеров и обеспечению продовольствия, площадь, засеянная зерном, начала постепенно восстанавливаться. В 2018 г. площадь посадки зерна в Китае составила 117 040 тыс. га. Несмотря на увеличение она все же осталась на 2,94 % меньше по сравнению с 1978 г. Это явилось результатом того, что в целях содействия экономическому развитию, создания индустриальных парков и тому подобного были реквизированы большие площади земель.

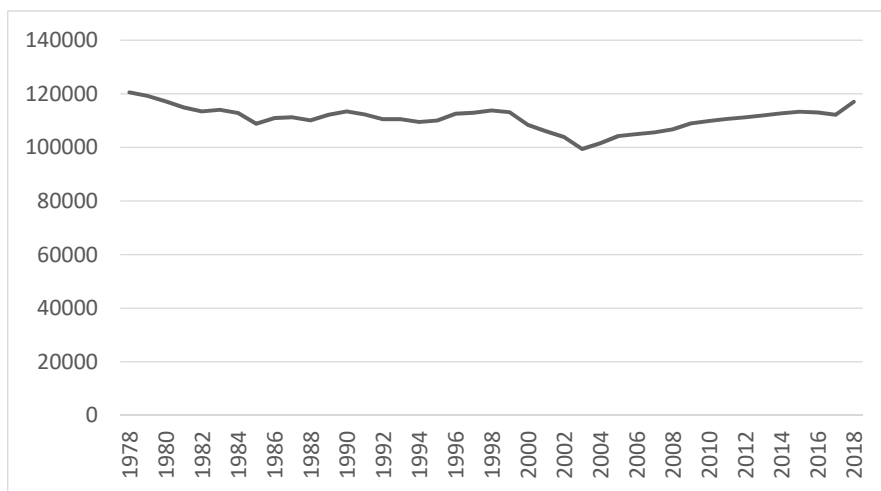

Рис. 6. Посевная площадь под зерновые культуры (тыс. га)
[Figure 6. Sown area for grain crops (thousands ha)]

Источник: Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Качество обрабатываемых земель в Китае, как правило, низкое. Во вновь добавленных обрабатываемых землях большая доля земель, которые относительно бедны, что приводит к снижению урожайности и качества зерна. В конце 2016 г. на существующих обрабатываемых землях в Китае площадь земель первой категории составляла 3899,1 тыс. га, что равняется 2,9 % от общей площади обрабатываемых земель, площадь земель второй категории – 35 795,7 тыс. га (26,59 %), третьей категории – 70 974,9 тыс. га (52,72 %), четвертой категории – 23 954,1 тыс. га (17,79 %). Таким образом, третья и четвертая категории земель составляли 70,75 % от общей площади обрабатываемых земель. Это показывает, что качество обрабатываемых земель в Китае, как правило, находится на уровне ниже среднего. Кроме того, 66 % существующих обрабатываемых земель расположены в горах, на холмах и плато и только 34 % – на равнинах, в бассейнах рек и других удобных для обработки областях. Неравномерное распределение обрабатываемых земель в Китае и их плохое качество оказывают большее влияние на увеличение урожайности продовольственных культур.

Урбанизация приводит к сокращению сельского населения, из-за чего многие земли не обрабатываются.

Все больше и больше людей покидают сельскую местность и предпочитают жить в городах. Основная причина заключается в том, что экономическое развитие сельских районов отстает, а экономика города развивается быстрыми темпами, что может обеспечить больше возможностей для трудоустройства. В сельских районах остаются в основном старики и дети, а молодые люди встречаются все реже. Многие сельские семьи не могут покрыть обычные расходы на проживание, занимаясь сельским хозяйством, а поэтому вынуждены заниматься отходничеством либо оседают на постоянное жительство в городах. Данная ситуация привела к простоям многих пахотных земель или возникновению несельскохозяйственного использования, что очень сильно сказалось на продовольственной безопасности Китая.

В процессе развития урбанизации с концентрацией заводов и предприятий постепенно увеличивались проблемы загрязнения окружающей среды, вызванные индустриализацией, среди которых наиболее распространенным является загрязнение почвы, и ситуация становится все более серьезной. В последние годы китайский мониторинг показал наличие в почвах тяжелых металлов, отравляющих земли, включая кадмий, свинец, ртуть, мышьяк и хром. Согласно статистике Министерства земли и ресурсов, более 10 % посевных площадей в стране загрязнены тяжелыми металлами, что напрямую влияет на качество продуктов питания и ставит под угрозу здоровье людей.

Заключение

В настоящее время экономика Китая быстро развивается, чему способствует и урбанизация. Вместе с тем страна сталкивается с необходимостью наличия большого количества качественной земли сельскохозяйственного назначения для устойчивого развития экономики, а также обеспечения продовольствием ее большого населения. Обострение торгово-экономических отношений с США может привести к сокращению поставок в Китай основных зерновых культур, к которым относятся кукуруза и соя. Выход из создавшегося положения может быть найден путем диверсификации внешних торговых партнеров и использования внутренних резервов по повышению эффективности сельскохозяйственного производства.

Список литературы

- Гусаков Н.П., Андропова И.В., Пинчук В.Н., Белова И.Н., Бокачева Э.С., Колотырина Е.А., Решетникова М.С., Белов Ф.Д. Страновые особенности формирования национальных инновационных систем (НИС) в условиях нарастания неопределенности мировой экономики (на примере КНР, Республики Корея, ЮАР, России). М., 2019.
- Гусаков Н.П., Шкваря Л.В., Влияние мировой экономики на развитие межстрановых торгово-экономических отношений в условиях глобализации // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2011. № 1. С. 3–17.
- Brown L.R. Who will feed China. New York: W.W. Norton & Company, 1994.
- Dong Yanli. Study on the Problem of Agricultural Land, Non-Agriculturalization and System Innovation in the Process of Urbanization // Modern Business Trade Industry. 2017. No. 31. Pp. 19–20.
- Du Yuneng. National Food Security in the Process of Industrialization and Urbanization of Agriculture. University of Science and Technology of China, 2013.

- Jin Sensen*. Research on food security issues in the process of urbanization: a dissertation submitted for the degree of master. 2014.
- Mikhailushkin P.V., Gusakov N.P., Volgina N.A., Belova I.N., Lukyanets A.S.* Organization of foreign economic activity of the enterprise // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. Vol. 15. No. 11. Pp. 185–195.
- Nie Ying*. Analysis on the contribution of arable land for food safety in China // *Economist*. 2015. No. 1. Pp. 83–93.
- Northam R.M.* *Urban Geography*. New York: John Wiley & Sons, 1975.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.08.2019

Дата проверки: 10.09.2019

Дата принятия к печати: 01.10.2019

Для цитирования:

Чэн И. Сокращение площади обрабатываемых земель в Китае и его роль в обострении продовольственной безопасности в стране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 514–524. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-514-524>

Сведения об авторе:

Чэн Инин, преподаватель кафедры финансов, Институт экономики и управления, Аграрный университет Внутренней Монголии. E-mail: uualisa@163.com

Research article

The impact of cultivated land loss on China's food security in the process of urbanization

Yining Cheng

Inner Mongolia Agriculture University
306 Zhaowuda St., Saihan District, Hohhot, Inner Mongolia, People's Republic of China

Abstract. This article examines the four stages of urbanization in China since the first days of the founding and discusses in detail about the relationship between changes in urbanization, the area of cultivated land and the production of grain products. The aim of this study is to clarify the impact of urbanization on cultivated land and grain production, as well as the problems caused by the fall in the amount of cultivated land. China is the country with the largest population, and whether China's food security can be guaranteed depends not only on China itself, but also on the world. Research method – data analysis, comparison. The scientific basis is the data of the National Bureau of statistics and the Land Bulletin of China.

Keywords: urbanization; grain production; cultivated area; food security; PRC

References

- Dong Yanli. (2017). Study on the Problem of Agricultural Land, Non-Agriculturalization and System Innovation in the Process of Urbanization. *Modern Business Trade Industry*, (31), 19–20.

- Du Yuneng. (2013). *National Food Security in the Process of Industrialization and Urbanization of Agriculture*. University of Science and Technology of China, 2013.
- Gusakov N.P., Andronova I.V., Pinchuk V.N., Belova I.N., Bokacheva E.S., Kolotyryna E.A., Reshetnikova M.S., Belov F.D. (2019). *Stranovyye osobennosti formirovaniya natsional'nykh innovatsionnykh sistem (NNG) v usloviyakh rastushchey neopredelennosti mirovoy ekonomiki (na primere Kitay, Respubliki Koreya, YUAR, Rossii)* [Country features of the formation of national innovation systems (NIS) in the face of growing uncertainty of the world economy (on example of China, the Republic of Korea, South Africa, Russia)]. Moscow. (In Russ.)
- Gusakov N.P., Shkvarya L.V. (2011). Vliyaniye mirovoy ekonomiki na razvitiye mezhstranovykh torгово-ekonomicheskikh del v usloviyakh globalizatsii [The world economy influences on development of cross-countries trade-economic affairs in the context of globalization]. *Scientific Review. Economics and Law*, (1), 3–17. (In Russ.)
- Jin Sensen. (2014). *Research on food security issues in the process of urbanization*. A Dissertation Submitted for the Degree of Master.
- Brown L.R. (1994). *Who will feed China*. New York: W.W. Norton & Company.
- Mikhailushkin P.V., Gusakov N.P., Volgina N.A., Belova I.N., Lukyanets A.S. (2017). Organizatsiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatiya [Organization of foreign economic activity of the enterprise]. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 15(11), 185–195. (In Russ.)
- Nie Ying. (2015). Analysis on the contribution of arable land for food safety in China. *Economist*, (1), 83–93.
- Northam R.M. (1975). *Urban Geography*. New York: John Wiley & Sons.

Article history:

Received: 05.08.2019

Revised: 10.09.2019

Accepted: 01.10.2019

For citation:

Cheng Y. (2019). The impact of cultivated land loss on China's food security in the process of urbanization. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 514–524. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-514-524>

Bio note:

Yining Cheng, lecturer at Department of Finance, College of Economic and Management, Inner Mongolia Agriculture University. E-mail: uualisa@163.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-525-535
UDC 338.1:338.3:338.4

Research article

Technical efficiency of smallholder malt barley producers in Tiyo district (Ethiopia)

Yadeta Bekele, Guta Regasa

Jimma University

P.O. Box 307, Cluj-Napoca, Federal Democratic Republic of Ethiopia

This study analyzed the determinants of technical efficiency of smallholder malt barley producers and estimated their technical efficiency in Tiyo district of Arsi zone, Ethiopia. Data were obtained from 162 randomly selected malt barley farmers. Descriptive statistics and the translog functional form of the production function simultaneously with single stage estimation approach were used to estimate the production of barley output and technical inefficiency factors. The study revealed that the average technical efficiency of the farmers in the production of malt barley is 71%. This reveals that there exists a possibility to increase the level of malt barley yield by 29% utilizing the existing local technical knowledge of efficient farmers. This further implies that it is possible to produce the same output by reducing current input utilization by 29%. The discrepancy ratio (γ), which estimates the relative deviation of output from the frontier level due to inefficiency, was about 61%. This implies that about 62% of the variation in malt barley production among the sample farmers was credited to technical inefficiency while, the remaining 38% comes due to factors outside the control of farmers. The maximum likelihood parameter estimates showed that malt barley yield was significantly influenced by the amount of fertilizers (DAP and UREA), number of oxen, labour, malt barley seed, herbicide usage and land allocated for malt barley. The stochastic production frontier model shows that experience, education status, number of oxen, land size, and extension contact significantly affected technical inefficiency of malt barley production. Therefore, attention should be given to improve the less efficient farmers following the practices of relatively efficient farmers in the area. On top of this, policies and strategies of the government should give due focus for the determinants of technical inefficiencies in malt barley production.

Keywords: Cobb – Douglas; malt barley; stochastic frontier; technical efficiency

Introduction

Agriculture still remains to be the major driver of growth of the Ethiopian economy. This sector contributes to the livelihoods of the community by offering inputs, supplying foods, source of foreign exchange, creating employment opportunities, rising gross domestic product (Ntabakirabose, 2017). It shares about 36% of the GDP, gives employment opportunities to more than 73% of total popula-

tion, fetches about 70% of the foreign exchange earnings of the country and 70% raw materials for the industries in the country (UNDP, 2018).

Ethiopia is the second largest barley producer in Africa (sharing about 25% of the total barley production in the continent), next to Morocco and ranked 21st in the world (FAO, 2014). Barley is known as the “king of grains” in Ethiopia accounting about 5% of the per capita calorie consumption as a main ingredient in staple foods and local drinks. It is also used as substitute for other cereals in the country and serves as a roof thatch for many households (CSA, 2014).

In Ethiopia, barley is found to have experienced the highest annual fluctuation in area and yield. At the national level from the total area of cereals allocated in hectare, barley covered only 14.65% with the yield of 10.42 quintal per hectare. The total yield of barley has been increased by 5.2% between 2014/15 to the year 2015/16 (CSA, 2016).

The Ethiopian Agriculture is characterized by low productivity which is attributed to different factors (WFP, 2010). Despite the large share of smallholder farmers in agricultural output in the country, they still practicing traditional production technology and using limited modern inputs (WB, 2007). Therefore, improving crop production and productivity is not an issue of preference rather than a must to achieve food security and hence poverty reduction.

According to FAO (FAO, 2011) the average cereal yield for the world and least developing countries were 37.08 and 20.19 qt/ha, respectively, while, the average cereal yield in Ethiopia was limited to 17.60 qt/ha.

Ethiopia is the largest malt barley producer in Sub-Saharan Africa and has a favorable malt barley growing climatic environment. It is primarily grown by subsistence farmers under rain-fed conditions. Although Ethiopia is the largest malt barley producer in Sub-Saharan Africa, it is reliant on foreign malt barley imports to satisfy its annual domestic demand (FAO, 2014). Malt barley is cultivated in the highlands of Ethiopia, mainly in Oromia, Amhara, Southern Nations and Nationalities Peoples and it is the most important cereal crop in Arsi zone, especially Tiyo district.

There is still yield gap between the output obtained from research stations and farmer’s field. There are several factors believed to contribute to the low yield including moistures stress, shortage of seeds for improved varieties, degradation of soil fertility, insect pests, diseases and weeds. Previous researches in Ethiopia indicated that there was a broad cereal yield gap among the farmers that might be attributed to many factors such as lack of knowledge and information on how to use new crop technologies, poor management and climate factors (Sisay et al., 2015; Mesay et al., 2013).

Despite the importance of malt barley as a food and industrial crop, its productivity remains far below its potential (CSA, 2013a). Given the existing technology, improvements in the technical efficiency will enable farmers to produce the maximum possible output from a given level of inputs. Hence, improvements in the level of technical efficiency will increase productivity.

Researches on technical efficiency of smallholder agriculture are not extensive, and the conclusion of some of them is not consistent with one another. Therefore, policy inference strained from some observed works may not permit in

scheming area specific strategies to be attuned with its socio-economic as well as agro-ecologic circumstances.

Therefore, from the perspective of making successful agricultural policies, improving farm level technical efficiency has a supreme significance in providing valuable information to policy makers which will be used to boost agricultural productivity. This study aims to analyze the technical efficiency of the smallholder farmers' and its determinants in the study.

Research methodology

This study was conducted in Tiyo district, Arsi zone due to the production potential of malt barley. Arsi zone shares boundaries with East Shewa, West Hararghe, Bale zones and Southern People Nations and Nationalities Regional State. Assela is the zonal capital, located at 175 km south east of Addis Ababa.

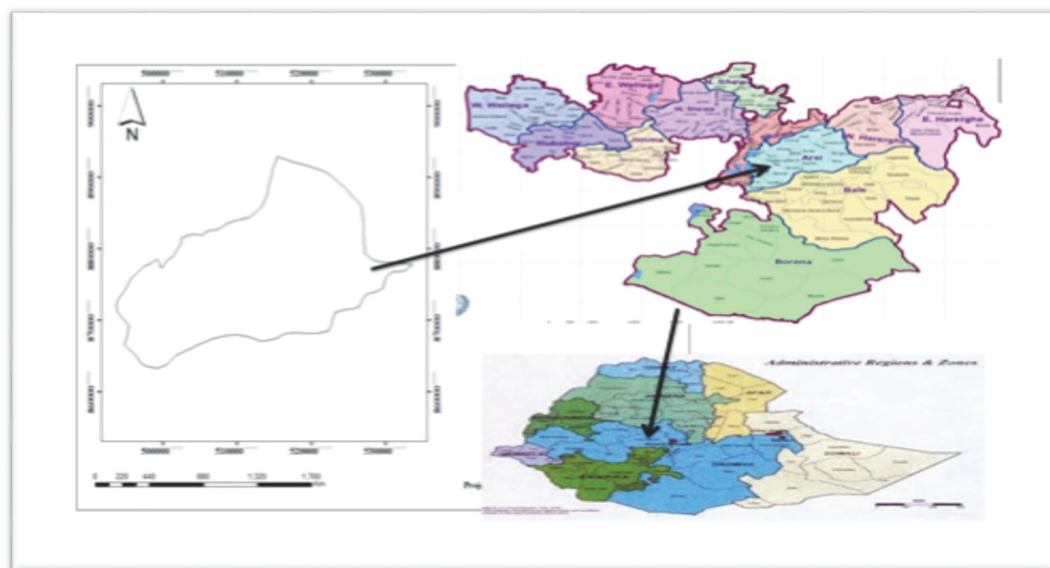

Figure. Location of Tiyo district in Arsi zone

Source: GIS output.

Tiyo district is one of the 24 districts of Arsi zone, Oromia regional state. It is located at $6^{\circ} 59'$ to $8^{\circ} 49'$ N latitudes and $38^{\circ} 41'$ to $40^{\circ} 44'$ E longitudes. The farming system of Arsi zone is characterized by crop-livestock mixed farming system. Crop production is carried out in both meher and belg seasons although the main cropping season is meher. Malt barley, wheat, teff, maize, sorghum, faba bean, field peas, lentil, and linseed are the major annual crops grown in the zone.

Crop production is mainly practiced under rain-fed conditions. According to information from district agricultural office, cereals account for 80% of the land covered by crops. The major crops grown and average yields per hectare in the district for barley, wheat and teff are 11, 10 and 6 quintals respectively.

Data types, sources and methods of data collection

Both primary and secondary data sources were used. The primary data was collected from sample households using a structured questionnaire that was administered by the trained enumerator. Secondary data was collected from local administration offices, governmental and non-governmental organizations, published and unpublished documents and central statistical agency which were used as additional information to strengthen the primary information provided by the sample households in the study area.

Methods of data analysis. Data were analyzed using descriptive statistics and econometric models.

Descriptive analysis. This was used to summarize and analyze the sample households socio-economic, demographic and institutional characteristics, used in the frontier production and in the efficiency model.

Variables definition

Production function variables

Output. This is dependent variable defined as the actual quantity of malt barley produced and measured in quintals during the 2016/17 production year.

Seed. This refers to the quantity of malt barley seed used in kilogram (kg) by each household.

Land size. The amount of land used for malt barley production during 2016/17 production measured in hectares.

Fertilizers (Urea and DAP). This refers the total amount of Urea and DAP used in kg for the malt barley production in 2016/17 production year.

Labour. This input captures family, exchange and hired labour used for different agronomic practices of malt barley production in the 2016/17 production season.

Number of oxen. The number of oxen used for malt barley production.

Herbicide. This is the total expenditure of the farmer on herbicide purchase for malt barley production and measured in Ethiopian birr.

Efficiency variables

Age. This refers to age of the household head measured in years. It was expected that farmers with more years of experience are expected to be more efficient in malt barley production (Gosa, Jema, 2016).

Educational status. It is a continuous variable measured in years of schooling of the household head. Farmers with more years of formal schooling tend to be more efficient, most probably due to their improved ability to obtain practical knowledge, which makes them closer to the frontier (Jema, 2008; Mustefa, 2017).

Family size. It is a continuous variable which was defined as the total number of people living with the household. Family size could have a positive effect in raising the farmer's production efficiency (Musa et al., 2015; Sisay et al., 2015).

Livestock holding. It is a continuous variable which is the total number of livestock owned by farmers measured in terms of Tropical Livestock Unit (TLU). According to the study (Tiruneh, Geta, 2016; Mustefa, 2017) livestock holding were found to positively affect efficiency.

Land size. It is a continuous variable measured hectare. Because of improper input usage and managing skill farmers who cultivated large farms are less efficient than the other (Sisay et al., 2015; Saulos, 2015). This was hypothesized that farm size negatively affects the efficiency of malt barley producers in the study area.

Non-farm activity. It is a dummy variable which takes a value 1 if the household members participate in nonfarm activity and 0, otherwise. According to Kifle et al. (2017), participation in non-farm activity could have positive effect on efficiency. This was hypothesized that participation in non-farm activity positively affects the efficiency of malt barley producers in the study area.

Credit. It is a dummy variable which takes a value 1 when the household uses credit for agricultural reason and 0, otherwise. This was hypothesized that farmers who have used credit were more efficient than others (Musa et al., 2015; Kifle et al., 2017).

Market distance. This is the distance between a household home and the nearest market center measured in km. It was hypothesized that the distance from the market place is negatively related to efficiency (Musa et al., 2015).

Extension contact. This is a continuous variable measured by the frequency of contacts made by development agents in relation to malt barley production with the farmers. It was hypothesized that a high frequency of contact with the development agent positively affects efficiency (Assefa et al., 2016).

Land disintegration. This is defined as the number of plots that the farmer has managed during the production season. Land disintegration leads to inefficiency by creating a shortage of family labour, costing time and other resources (Wondimagegn, 2010).

Soil fertility. This was measured as a dummy variable that takes a value of 1 if a household perceives his/her land as fertile and 0, otherwise. This was hypothesized that a farmer who allocated a fertile land for malt barley production was more efficient than counterparts (Hika, Jema, 2016).

Sex. This is a dummy variable that takes a value of 1 if the household head is male and 0, otherwise. It is hypothesized that male-headed households are more efficient than female-headed households in malt barley production (Fantu et al., 2011).

Results and discussions

Demographic and socio-economic characteristics of sample households.

Average age of sample household heads was 46.54 years. The average family size of the sampled household heads was 7.36 with the standard deviation of 2.16. This big family size attached with small land size and traditional production system created difficulty for the farmers in their livelihood.

Education enhances the acquisition and utilization of information on improved technologies by farmers as well as their innovativeness. Education together with increased experience could direct farmers to better management skills. The educational level of the household head, on average, was 5.17 years.

Table 1

Socio-economic characteristics of sample households

Variables	Mean	Standard deviation
Age (years)	46.54	11.00
Education status (grade)	5.17	3.27
Family size (number)	7.36	2.16
Land size (ha)	2.42	1.05
Number of oxen	3.40	1.27
Market distance (km)	76.48	62.68
Annual farm income (1000 ETB)	41.67	22.82
Annual non-farm income (1000 ETB)	3.50	9.46

Source: Authors computation (2016).

Potential crops grown in the study area. Wheat, maize, sorghum, teff, finger millet, barley, and bean are the major crops grown in the study area.

Table 2

Yield of the major crops in the study area

Crops grown	Production (Qt)	Land allocated (ha)
	Mean	Mean
Wheat	26.13	0.88
Sorghum	7.16	0.43
Teff	4.35	0.26
Finger millet	2.60	0.13
Maize	18.73	0.61
Malt barley	17.36	0.67
Bean	1.70	0.17

Source: Authors computation (2016).

Summary of variables used to estimate production function

Table 3

Descriptive statistics of both input and output variables

Variables	Minimum	Maximum	Mean	Standard deviation
Family size (number)	2	14	5.80	9.82
Area (ha)	0.12	2.30	0.80	1.30
Oxen	1	16	2.80	3.56
Output (quintal)	3	51	14.74	8.90
Seed (kg)	15	200	60.23	18.62
DAP (kg)	30	250	60.22	17.16
Urea (kg)	15	150	42.60	16.00
Herbicide(birr)	35	280	122.30	34.51

Source: Authors' computation (2016).

Econometric model results. The model result showed that, from the six variables considered in the production function, four inputs (land, seed, oxen, and labour) had a significant effect in explaining the variation in malt barley yield among sampled farmers. When there is a 1% increase in the area of land, seed, oxen and labour allocated for malt barley production, mat barley yield would increase by 0.29, 0.22, 0.18 and 0.19% respectively. This is consistent with the finding of Mustefa (2014). The diagnostic statistics of inefficiency reveals that sigma squared (δ^2) 0.283 was statistically significant at 1% indicating the goodness of fit and the accuracy of the distributional form assumed for the composite error term.

Efficiency score of malt barley producers in the study area. The model results revealed that there were great differences in technical efficiency among smallholder malt barley farmers in the study area. The mean technical efficiency of sampled farmers was found to be 71%. This shows that malt barley farmers have an opportunity to efficiently utilize resources and hence could increase the current malt barley output by 29% using the existing technology.

Table 4

Summary statistics of efficiency score of sample households

Variable	Mean	Standard Deviation	Minimum	Maximum
TE	0.711	0.211	0.241	0.942

Source: Authors computation (2016).

Determinants of efficiency in malt barley production. To identify the technical efficiency status which was derived from stochastic frontier were regressed on factors that were hypothesized to affect efficiency levels using Tobit model. The results of the Tobit regression model showed that among the hypothesized variables five variables namely education status, family size, soil fertility status, extension contact and credit utilization were found to be statistically significant in determining the producers' level of technical efficiency in the study area.

Table 5

Tobit model results of determinants of technical efficiency

Variable	Technical efficiency	
	Coefficient	Standard Error
Age (years)	0.122	0.0214
Education status (grade)	0.071***	0.0143
Family size (number)	0.213*	0.0072
Livestock holding (TLU)	-0.162	0.0018
Soil fertility (dummy)	0.063**	0.0548
Sex (1 = male, 0 = otherwise)	-0.072	0.0152
Cultivated land (ha)	0.031	0.0217
Extension contact (number per month)	0.082***	0.0100
Credit utilization	0.055***	0.0196
Non-farm income	0.087	0.0321
Distance from market	-0.022	0.0215
Constant	0.421	0.0761

Note: *, **and *** significant at 10, 5 and 1% level of significance respectively.

Source: Authors' computation (2016).

The education status was positively and significantly affected technical efficiency at 1%. This implies that more educated farmers are more technically efficient than those who have relatively less level of education. Besides, one-year increase in educational status of the household head increases the probability of the farmer being technically efficiency by 7.1%.

The coefficient of family size is positive and statistically significant at the 10% significance level. The result implies that farmers with large family size are more efficient than farmers having small family size because family labour is the main input for crop production. This result is similar to the findings of S. Deme et al. (2015).

The result also reveals that soil fertility was positively and significantly related to technical efficiencies at 5% level of significance. This implies that farmers who have allocated fertile land for malt barley production were more technically efficient than their counterparts. Similar result was reported by A.E. Awol (2014).

Frequency of extension contact also found to be significant at 1% level of significance. Farmers who had more contacted with extension workers during the production period were technically more efficient than their counterparts.

Conclusion and recommendations

The stochastic frontier Cobb – Douglas production function depicted that the amount of fertilizers, number of oxen, herbicides and land allocated for malt barley significantly determined production level of malt barley. The mean technical efficiency level of 71% indicates that production can be increased by 29%. The stochastic production frontier model show that age, education status, land ownership, soil fertility, and frequency of extension contact have negative and land disintegration has positive and significant influence on the inefficiency of farmers.

The government has to give due attention for strengthening both formal and informal education using the existing infrastructural facilities like extension agents and Farmers Training Centers.

Development programs need to strengthen land management practices to progress and maintain the fertility of soil to increase efficiency of farmers. Given the existing technology, enhancing the advisory services of extension agents to the malt barley producers can improve the technical efficiency. The commitment of extension workers are highly appreciated an expected in the study area.

References

- Assefa A., Jema H., Bosena T. (2016). *Technical Efficiency of Smallholder Wheat Production in Soro District of Hadiya Zone, Southern Ethiopia*. M.Sc. thesis presented to the School of Graduate Studies of Haramaya University, Ethiopia.
- Awol A.E., (2014). *Economic Efficiency of Rain-Fed Wheat Producing Farmer's in North Eastern Ethiopia: The Case of Albuko District*. M.Sc. thesis presented to the School of Graduate Studies of Haramaya University, Ethiopia.
- CSA (Central Statistical Agency). (2013). Agricultural sample survey 2012/2013 (2005 E.C.): Volume I. Report on area and production of major crops (Private peasant holdings, Meher season). *Statistical Bulletin 532*. Central Statistical Agency, Addis Ababa, Ethiopia.

- CSA (Central Statistical Agency). (2016). *Agricultural sample survey report on area, production and farm management practice of Belg season crops for private peasant holdings* (p. 5).
- CSA (Central Statistics Agency). (2014). *Annual Statistics Bulletin*: Addis Ababa, Ethiopia.
- Deme S., Matthews N., Henning, J. (2015). *Analysis of factors affecting technical efficiency of smallholder maize farmers in Ethiopia*. Conference Paper.
- Fantu N., Berhane G., Asrat S., Getachew G., Taffesse A.S., Hoddinott J., (2011). *Sources of inefficiency and growth in agricultural output in subsistence agriculture: a stochastic frontier analysis*.
- FAO (Food and Agricultural Organization). (2011). *Food balance sheets database*. <http://faostat.fao.org> (accessed: 09.09.2015).
- FAO (Food and Agricultural Organization). (2014). *Analysis of Price Incentives for Malt barley in Ethiopia for the time period 2005–2012*. www.fao.org/fileadmin/templates/.../Ethiopia/.../ethiopia_Malt_barley_web.pdf (accessed: 15.05.2015).
- Gosa A., Jema H. (2016). Economic Efficiency of Sorghum Production for Smallholder Farmers in Eastern Ethiopia: The Case of Habro District. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 7.
- Hika W.F., Jema H. (2016). *Economic Efficiency of Sesame Production in Babogambel District of West Wollega Zone, Oromia Region, Ethiopia*. MSc thesis submitted to the School of Graduate Studies of Haramaya University.
- Jema Haji. (2008). *Economic efficiency and marketing performance of vegetable production in the eastern and central parts of Ethiopia*. Doctoral Dissertation, Swedish University of Agricultural Sciences Uppsala.
- Kifle D., Moti J., Belaineh L. (2017). Economic efficiency of smallholder farmers in maize production in Bako Tibe district, Ethiopia. *Development Country Studies*, 7(2).
- Mesay Yami, Tesfaye Solomon, Bedada Begna, Fekadu Fufa, Tolesa Alemu, Dawit Alemu. (2013). Sources of technical inefficiency of smallholder malt barley farmers in selected water-logged areas of Ethiopia: A translog production function approach. *African Journal of Agricultural Research*, 8(29), 3930–3940.
- Musa H., Lemma Z., Endrias G. (2015). Measuring technical, economic and allocative efficiency of maize production in subsistence farming: Evidence from the Central Rift Valley of Ethiopia. *Applied Studies in Agribusiness and Commerce*, 9(3), 63–74.
- Mustefa Bati. (2017). Economic efficiency in barely production: The case of Chole district, East Arsi zone, Oromia National Regional State, Ethiopia. MSc thesis, Haramaya University, Haramaya, Ethiopia.
- Ntabakirabose G. (2017). An economic analysis of the factors influencing maize productivity and efficiency in Gatsibo district, Rwanda. M.Sc. thesis presented to the School of Graduate Studies of Jomo Kenyatta University, Rwanda.
- Saulos J.C. (2015). A survey on technical, allocative, and economic efficiency of maize production using the parametric stochastic frontier production function. *African Journal of Agricultural Economics and Rural Development*, 3(6), 237–245.
- Sisay Debebe, Jema Haji, Degye Goshu, Abdi-Khalil Endriss. (2015). Technical, allocative, and economic efficiencies among smallholder maize farmers in southwestern Ethiopia: Parametric approach. *Journal of Development and Agricultural Economics*, 7(8): 282–291.
- Solomon Bizuayehu. (2014). Technical efficiency of major crops in Ethiopia. M.Sc. Thesis, Oslo University, Oslo, Norway.
- Tiruneh W.G., Geta E. (2016). Technical efficiency of smallholder wheat farmers: The case of Welmera district, Central Oromia, Ethiopia. *Journal of Development and Agricultural Economics*, 8(2), 39–51.
- UNDP (United Nations development programme). (2018). *Ethiopia's progress to warding eradicating poverty. Paper to be presented to the inter-agency group meeting on the implementation of the third United Nations decade for the eradication of poverty (2018–2027)*. Addis Abeba, Ethiopia.

- WB (World Bank). (2007). *Project Performance Assessment Report: Seed System Development Project and National Fertilizer Sector project*. Report No. 40124.
- WFP (World Food Program). (2010). *Summary of Food Security and Vulnerability in Selected Cities of Ethiopia*.
- Wondimagegn M. (2010). *Analysis of Technical Efficiency of Wheat Production on Vertisol: The case of Enebsie Sar Mieir woreda in East Gojjam*. M.Sc. Thesis presented to the School of Graduate Studies of Haramaya University, Ethiopia.
- World Bank. (2013). *World Development Report*. World Bank, Washington, D.C, USA.

Article history:

Received: 19.08.2019

Revised: 05.09.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Bekele Y., Regasa G. (2019). Technical efficiency of smallholder malt barley producers in Tiyo district (Ethiopia). *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 525–535. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-525-535>

Bio notes:

Yadeta Bekele, lecturer and researcher, College of Agriculture and Veterinary Medicine, Jimma University. E-mail: yadeta11@gmail.com

Guta Regasa, student, College of Agriculture and Veterinary Medicine, Jimma University. E-mail: jiineguta2014@gmail.com

Научная статья

**Техническая эффективность
малых производителей ячменного солода
в районе Тийо (Эфиопия)**

Йядета Бекеле, Гута Регаса

Университет Джиммы
Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Клуж-Напока,
Почтовый офис, ящик 37

Исследование посвящено оценке технической эффективности малых предприятий – производителей ячменя на примере района Тийо (Эфиопия). Статистической базой послужили данные 162 производителей ячменя. Исследование показало, что средняя техническая эффективность производителей ячменя составляет 71 %, при этом сохраняется возможность повысить уровень урожайности еще на 29 % за счет уже существующих и используемых производителями технологий. Расчеты, проведенные авторами, показали, что коэффициент расхождения (γ), оценивающий относительное отклонение выпуска от пограничного уровня из-за неэффективности, составил около 61 %. Исследование показало, что урожайность солодового ячменя находится в прямой зависимости от объема использованных удобрений, технической оснащенности, качества и количества посевного материала, площади использованных земель. Опыт наиболее эффективных фермеров может послужить хорошим примером для производителей с наимень-

шей эффективностью и выпуском продукции. Наряду с этим государственная политика и меры в области улучшения технической составляющей фермерских хозяйств могут послужить дополнительным толчком для развития данной отрасли.

Ключевые слова: ячменный солод; техническая эффективность; стохастическая граница; производственная функция Кобба – Дугласа

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.09.2019

Дата проверки: 25.09.2019

Дата принятия к печати: 17.10.2019

Для цитирования:

Bekele Y., Regasa G. Technical efficiency of smallholder malt barley producers in Tiyo district (Ethiopia) (Техническая эффективность малых производителей ячменного солода в районе Тийо (Эфиопия)) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 525–535. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-525-535>

Сведения об авторах:

Бекеле Йядета, преподаватель департамента экономики и управления сельским хозяйством, Колледж сельского хозяйства и ветеринарии, Университет Джиммы.
E-mail: ya-deta11@gmail.com

Регаса Гута, старший преподаватель департамента экономики и управления сельским хозяйством, Колледж сельского хозяйства и ветеринарии, Университет Джиммы.
E-mail: jiiineguta2014@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-536-550
UDC 338.48

Research article

Tourism industry in Russia and the EU: are there any consequences of multi-tiered national agenda?

Ilya V. Bogdashev, Anna A. Apalkova, Elena S. Votchenko

Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

Abstract. The aim of the research is to analyze the modern trends and today's development stage of tourism industries in Russia and the EU (Cyprus and the Czech Republic). The article touches a vital topic of contemporary relations among touristic sphere representatives (national and local entrepreneurs), society (consumers), and governmental support (national and local authorities) through the prism of their relations. The authors consider fundamental macro-economic indicators of the tourism industry as an object of the research, whereas mathematical methods of forecasting in tourism studies are as a subject of the research. Besides, the authors underline the main directions of entrepreneurship support as a part of being a successful start-up, in our case, in the touristic industry. Furthermore, it is worth noting the characteristics of the tourism market and the peculiarities of its regulation. In the end, the collaborators have concluded by analyzing the fact that the government regulation of tourism is an effective means of stimulating investment activity, improving the quality of services provided, and solving social problems in terms of the real health of the nation. However, it is crucial to bear in mind that the main directions of state policy should be the stability and competitiveness of the tourist complex.

Keywords: tourism industry; public-private partnerships; Gross National Product; GNP; tourism macro-economic indicators; the Russian tourism industry; Cyprus touristic sector; Czech touristic sector; rural tourism

Introduction

Tourism today includes a wide array of economic and social activities on an international scale and covers all social classes. It is directly related to the development of each modern society and aims at meeting societal needs in a developed culture to create the conditions for advancing understanding and goodwill among different people in order to achieve a better future for humankind.

The contribution of the tourism sector is beneficial for a country's economy due to either its influence on each sector or the foreign exchange sector, like:

– the employment sector and especially in the tourist periphery, with the direct consequence of restraining the tendency to immigrate and keeping the population in its place;

– the business sector, through the expansion of the industrial and agricultural production, to meet the increasing tourist wave, as well as the mobilization of the international and domestic trade and the activities of various service-related industries like transportation, telecommunications, banking, travel agencies;

– the income sector; the tourist income, in addition to contributing to the country's aggregate income, seems to be distributed throughout a broad population stratum; this constitutes a factor of primary importance towards strengthening the development of the periphery;

– the cultural sector; in addition to the improvement of the living standards, there is also a significant boost in their cultural standards;

– the fiscal sector; it must finally be emphasized that the tourist activity exerts beneficial results on public economics and especially at the local level.

The growth potential of international tourist movements depends on several variables that include economic, demographic, technological, psychological, socio-political. It is impossible to quantify the interrelationships among all these variables to be able to carry out a complete analysis of trends in international tourism.

The primary variable that influences tourist movements positively is growth in Gross National Product (GNP). GNP growth increases disposable income and hence, the willingness and ability to consume various goods and services, including an increase in tourist demand, whether such a demand refers to the number of arrivals and number of nights spent or to sums of foreign tourist exchange.

Using as a yardstick tourism's appeal as a qualitative social practice, and if current trends continue and come to be realized, then one should expect a more significant increase in demand, both in the near and in the more distant future. In the analysis that follows, an effort is made to identify those variables that influence tourist demand.

Theoretical and practical aspects of regional development competitiveness at different times were discussed in the works of Russian and foreign researchers and scientists such as J. Schumpeter (Schumpeter, 2007), V.A. Andreev (Andreev, 2011), E.L. Dracheva (Dracheva et al., 2005), M.E. Porter (Porter, Kramer, 2006), D.K. Hoover (Hoover, 2005), A.H. Studenmund (Studenmund, 2016), H. Leibenstein (Leibenstein, 1960), and others.

The main goal of the research is the developing of a sophisticated approach for studying mathematical methods in forecasting fundamental macroeconomic indicators of the tourism industry. In work, we applied such methods of econometric modeling and forecasting as modeling using regression equations of fundamental macro-economic indicators of the tourism industry and forecasting using regression equations of fundamental macro-economic indicators of the tourism industry. The next tasks achieve the mentioned goal: to study characteristics of the tourism market and peculiarities of its regulation; to find out theoretical foundations of the organization of tourism support and development in the regions of Russia; to study current state of the tourism industry (in whole world and in each country separately); to make an analysis of the market of tourism industry; to analyze the macroeconomic indicators in the tourism industry (the tourism contribution to GDP); to reveal the problems of government policy for tourism sector; to suggest and recommend measures for improving the government policy for tourism sector.

As for the empirical base of the research, it is made up of statistic books, balance reports, various open statistic links. The theoretical and methodological base is made up of scholar and scientific works of Russian and foreign scientists on the problems of forecasting fundamental macroeconomic indicators of the tourism industry.

Characteristics of the tourism market and peculiarities of its regulation

The marketing of tourist product has specific characteristics. Although general principles of marketing could apply to market the product, there are individual differences in approach. These differences are because of the peculiar character of the tourist products. Some unique characteristics of tourist products are as follows (Brunt et al., 2012):

1. Tourism is an intangible product. Tourism is related to service, facility, pleasure, leisure. Which is not possible to visualize.

2. Ownership of the tourist product is non-transferable. In tourism, buying and selling of a product does not mean buying things like other properties. It is buying or selling the service. In the process of buying and selling of the tourism product, no transfer of ownership of goods is involved as compared to a tangible product.

3. Production and consumption are closely interrelated. Production of the tourism product is not to create a new item. It is related to the idea. Tourism product is the amalgamation of attraction, facilities, and accessibility. The travel agents who sell the product neither produce them nor own them. The travel agent cannot store them. Production can only take place and can only be completed if the customer is present. Most of the tourist services cannot be consumed in a time difference. Once consumption starts, it cannot be stopped, interrupted, or modified. The customer cannot inspect, compare, or try before deciding to buy the tourism product.

4. Tourism is an assembled product. A single enterprise can not provide the tourist product. Each of the components of a tourism product is highly specialized, and all these combined make the final product. The tourist product is not an airline or rail seat or a visit to historical sites but rather a combination of many components, which together make a complete product. In tourism, each of the components of the tourist product is sold as an individual product. Airline tickets, hotels, resorts have their own sales outlets. Because of these peculiar characteristics, a coordinated effort is required in tourism marketing.

5. The tourism product does not move. The tourism product cannot be transported. It does not move to the customer, but the customer needs to move to the product. As an attraction, hotels do not move. Transport moves, but it moves to its destination only. The customer must get it to enjoy it.

6. The demand for tourism products is volatile. The demand for tourism products is influenced by different factors such as season, economy, politics, religion, and other special events. The seasonal change dramatically affects demand. Many tourists' areas have a short season. The seasonal business creates unemployment, develops passive investment in staff, transport, office rent, and increases the cost of production.

7. Wide coverage. Marketing of general product may be limited, or producers can limit their sales campaign and marketing to the local area but in tourism, it must be done outside or in different locations where tourism product is produced, because tourists are the outsiders.

8. A luxurious concept. Tourism product being leisure, pleasure, and comfort is the most luxurious concept, so it must be marketed. In the modern world of mass tourism, it has become more critical to be marketed than before.

The complex functioning of the tourism industry organizations lies in the fact that the assessment of the quality of tourist services by the consumer is entirely subjective and depends on various factors: general economic, cultural and socio-psychological, socio-demographic, personal and behavioral.

The tourism industry operates within a developed legal and regulatory framework that the players in this industry need to adhere to in the course of offering their services. The authority strives to deepen and broaden tourism by developing and implementing a regulatory framework that ensures fairness, orderliness, and high-quality service in the industry. The regulatory framework of the authority comprises the following (Krivoruchko, 2003):

– The Tourism Act 2011; The Tourism Act No. 28 of 2011 was enacted to provide for the development, management, marketing and regulation of sustainable tourism and tourism-related and services and connected services;

– The Tourism Regulatory Authority (TRA) Regulations 2014, according to section 122 of the Tourism Act 2011, Tourism Regulatory Authority Regulations 2014, were formulated and gazette to prescribe matters related to the regulation of the tourism sector and operations of the authority. A vital function of TRA as per the Tourism Act is to: “register, license, and grade all sustainable tourism and tourist-related activities and services including cottages and private residences engaged in guest house services.”

In doing so, the need was found to create, in the Regulations, the Standards, and Classification Committee. This would (amongst other functions) carry out the following: undertake overall supervision and guidance of National Tourism Standardization and Classification exercise of all tourism activities and services; oversee the development of standards for all tourism enterprises and activities; provide guidance on regular training and refresher courses for the trained professional assessors to improve their competency in grading/quality assurance system.

Tourism, as defined in 1981 by the International Scientific Association of Tourism Experts in terms of “particular activities chosen and undertaken outside the home,” has many manifestation forms. These were classified in the year 1994, in the “Recommendations Referring to Tourism Statistics” by the United Nations, according to several criteria that influence the tourism phenomenon aspects (Box et al., 2008).

The conceptual framework of tourism in the Russian Federation was founded in 1996 in the law “Based on tourist activity.” From 01.06.2007, the Federal Law dated 05.02.2007 No. 12-FL “On Amendments to the Federal Law ‘On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation’ ” comes into force. The law clarifies the basic concepts used in the Federal Law “On the basis of tourist activity”:

“Tourism – temporary trips (travels) of the Russian Federation citizens, foreign citizens and stateless people (hereinafter referred to as persons) from permanent residence for medical, recreational, educational, physical and sporting, professional, business, religious and other purposes without activities related to the receipt of income from sources in the country (place) of temporary residence.”

One of the possible schemes of interaction between performers and consumers of tourism services is presented in Figure 1. A complex system of organizing the production of such a product is called a tourism infrastructure.

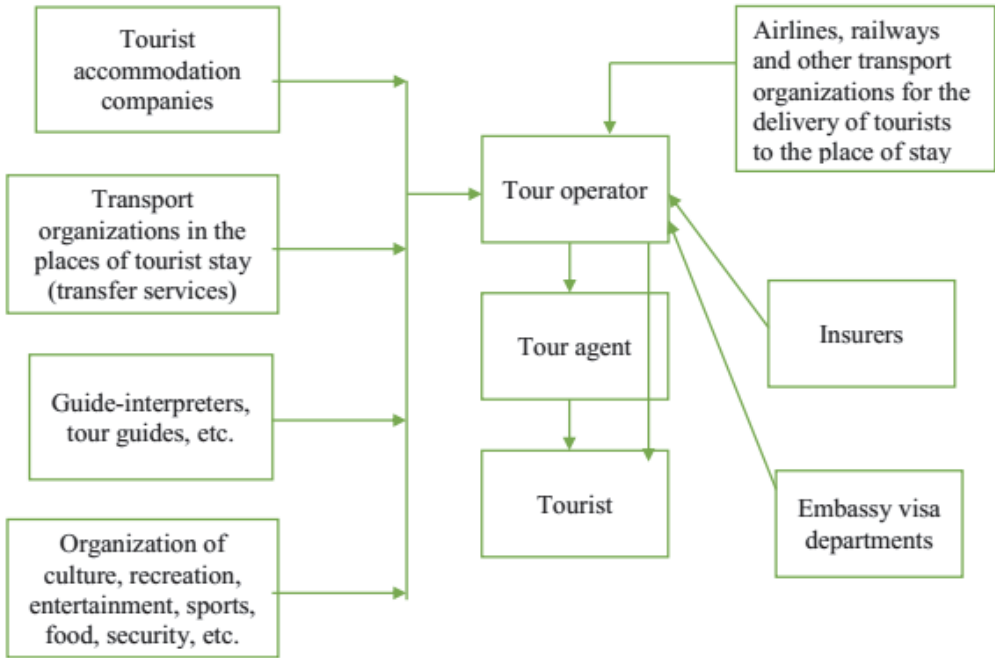

Figure 1. The interaction of individual subjects of the tourist market

Source: built by the authors.

Tourist infrastructure is a complex of existing facilities and networks for industrial, social, and recreational purposes, intended for the functioning of the tourism industry. Tourism infrastructure is an integral part of the tourism industry (Figure 2), which includes two elements. The first element is the hospitality industry. To the hospitality industry, it is advisable to refer to the structure needed for high-quality guest service.

The second element of the tourism industry is the infrastructure component, which is a three-level system. The production infrastructure represents the first level of tourism infrastructure – a complex of existing facilities, buildings, transport networks, systems not directly related to the production of tourist products (as opposed to the structures of the two subsequent levels), but necessary for the provision of tourist services: transport, communications, energy, utilities, finance, insurance, security.

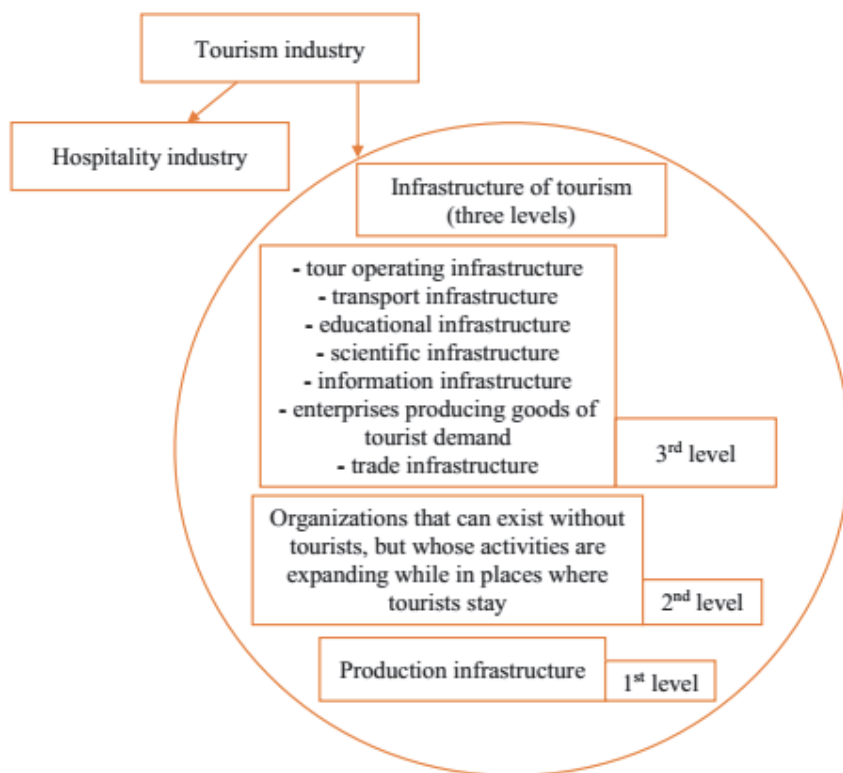

Figure 2. Tourism infrastructure as part of the tourism industry

Source: built by the authors.

The second and third levels of the tourist infrastructure form the enterprises and organizations directly involved in tourism activities and the formation of tourist products. The second level includes those structures that can exist without tourists, but the activities of which expand when they are located in the places where tourists stay. These are car rental companies, taxis, cafes and restaurants, sports clubs, museums, theaters and cinemas, exhibition halls, circuses, casinos.

The following elements represent the third level: infrastructure tour operating – tourist firms involved in the organization and sale of tourist trips; transport infrastructure – transport organizations engaged in tourist transportation; educational infrastructure – educational institutions for the training and advanced training of specialists in the tourism industry; information infrastructure – booking and reservation system; information and advertising services; tourism authorities – government agencies whose functions include managing the development of tourism in the country and in the regions; scientific infrastructure – research organizations involved in the collection and processing of statistical data on tourism, the preparation of scientific forecasts and research in the field of economics and sociology of tourism; enterprises producing goods of tourist demand; trade infrastructure – retailers selling goods of tourist demand.

Summing up, it should be noted that tourism itself has an impact on all aspects of the development of the country as a whole and individual region, in particular, contributing to increasing income, improving infrastructure, solving

the problem of employment by creating new jobs, strengthening interstate and interregional relations.

For Russia, a regional approach to tourism is essential because of the vast territory and the enormous natural, social, and economic differences.

The current state of the tourism industry

Over the decades, tourism has experienced continued growth and deepening diversification to become one of the fastest-growing economic sectors in the world. Modern tourism is closely linked to development and encompasses a growing number of new destinations. These dynamics have turned tourism into a critical driver for socio-economic progress.

Today, the business volume of tourism equals or even surpasses that of oil exports, food products, or automobiles. Tourism has become one of the major players in international commerce and represents, at the same time, one of the primary income sources for many developing countries. This growth goes hand in hand with an increasing diversification and competition among destinations. This global spread of tourism in industrialized and developed states has produced economic and employment benefits in many related sectors – from construction to agriculture or telecommunications.

The contribution of tourism to economic well-being depends on the quality and the revenues of the tourism offer. UNWTO assists destinations in their sustainable positioning in ever more complex national and international markets. As the UN agency dedicated to tourism, UNWTO points out that particularly developing countries stand to benefit from sustainable tourism and acts to help make this a reality.

Current developments and forecasts according to actual statistics data are the following: international tourist arrivals grew by 4.6% in 2015 to 1,184 million; in 2015, international tourism generated US\$ 1.5 trillion in export earnings; UNWTO forecasts a growth in international tourist arrivals of between 3.5 and 4.5% in 2016; by 2030, UNWTO forecasts international tourist arrivals to reach 1.8 billion, according to the UNWTO Tourism Towards 2030 (UNWTO General Assembly, 2011).

The Global Tourism industry gained a total of \$1.5 trillion in 2018, with revenue rising at an annualized rate of 0.2% over the five years to 2018. Global tourism has performed well during the five years, with emerging economies continuing to stimulate growth.

In the table Table 1, we show the leading indicators of the tourism industry in Russia. From table, we can see the growth rate of different indicators in Russia. Almost all indicators have negative dynamics, except Direct Contribution to Employment, indicating that by 2017, the number of job places in the tourism sphere had been expanded. One more indicator shows positive dynamic despite negative meaning – *Expenditures* because *Rate of growth* –4.7, in this case, shows that costs were reduced.

Table 1

The leading indicators of the tourism industry in Russia

Main indicators	Years							Rate of growth, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Travel & Tourism Direct Contribution to GDP, \$ million	25 000	26 000	27 000	26 000	17 000	16 000	19 000	-24.0
Expenditures (current US \$ million)	37 343	48 096	59 504	55 383	38 434	27 653	35 585	-4.7
Travel & Tourism Direct Contribution to Employment, a thousand people	851.8	808.5	814.2	838.3	807.8	850.1	854.6	0.33
Inbound Tourism Indicators, \$ million	8830	11 328	10 759	11 988	11 759	8420	7788	-11.8
Receipts (current US\$ million)	16 961	17 876	20 198	19451	13 204	12 820	14 983	-11.6

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

Let us compare it with the Cyprus touristic sphere, presented in Table 2.

Table 2

The leading indicators of the tourism industry in Cyprus

Main indicators	Years							Rate of growth, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Travel & Tourism Direct Contribution to GDP, \$ million	1000	1000	2000	1000	1000	1000	2000	100.0
Travel & Tourism Direct Contribution to Employment, a thousand people	22.4	24.4	26.5	25.3	23.5	24.7	26.1	16.5
Inbound Tourism Indicators, \$ million	2160	2554	2599	2893	2844	2487	2762	27.8
Receipts (current US \$ million)	2707	2732	3020	2920	2481	2757	3128	15.5
Expenditures (current US \$ million)	1730	1687	1621	1771	1439	1604	1781	2.95

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

Almost all indicators have a positive dynamic of growth, except *Expenditures*, indicating that this sphere of tourism needs to be improved by governmental policy.

Then to study the situation in the Czech Republic, gathered from Table 3.

Table 3

The leading indicators of the tourism industry in the Czech Republic

Main indicators	Years							Rate of growth, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Travel & Tourism Direct Contribution to GDP, \$ million	6000	6000	5000	5000	5000	5000	6000	0
Travel & Tourism Direct Contribution to Employment, a thousand people	249.7	226.4	207.3	211.8	213.5	218.4	223.4	-10.5
Expenditures (current US \$ million)	4876	4556	4698	5173	4819	4963	5518	13.1
Receipts (current US \$ million)	8930	8174	7792	7614	6766	7041	7693	-13.8
Inbound Tourism Indicators, \$ million	7172	8096	7456	7042	6822	6056	6308	-12.0

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

In the Czech Republic, the picture is almost the same as in the Russian Federation because only expenditures by international visitors have dynamic growth, but in our case, it is the bad sign. According to these indicators, we can track a tendency of growth or decrease during the years.

Analysis of macro-economic indicators in the tourism industry

Travel & Tourism is an essential economic activity in most countries around the world. As well as its direct economic impact, the sector has significant indirect and induced impacts too. The direct contribution of Travel & Tourism to GDP reflects the “internal” spending on Travel & Tourism (total spending within a particular country on Travel & Tourism by residents and non-residents for business and leisure purposes) as well as government “individual” spending – spending by government on Travel & Tourism services directly linked to visitors, such as cultural (e.g. museums) or recreational (e.g. national parks). The direct contribution of Travel & Tourism to GDP is calculated to be consistent with the output, as expressed in National Accounting, of tourism-characteristic sectors such as hotels, airlines, airports, travel agents, and leisure and recreation services that deal directly with tourists. The direct contribution of Travel & Tourism to GDP is calculated from total internal spending by “netting out” the purchases made by the different tourism industries. This measure is consistent with the definition of Tourism GDP.

Therefore, we will analyze the direct contribution of tourism to GDP (% share) in the Russian Federation, Cyprus, and the Czech Republic separately. The curve in Figure 3 shows the change of GDP percent share within 12 years. In 2017, travel and tourism direct contribution to GDP (% of GDP) for the Russian Federation was 1.24%. Travel and tourism's direct contribution to GDP (% of GDP) of the Russian Federation fell gradually from 1.68 % in 1998 to 1.24 % in 2017.

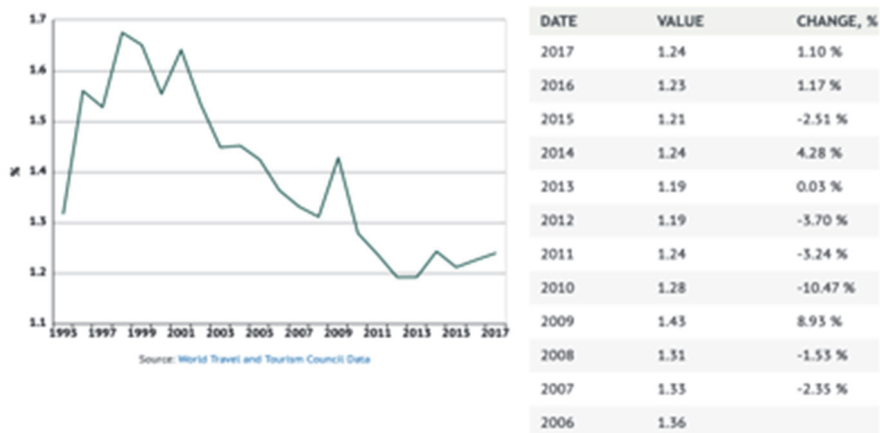

Figure 3. Direct contribution of the Russian Federation to GDP, % share

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

The situation in the Czech Republic is quite better (Figure 4). They have an average percentage of the direct contribution of tourism to GDP by about 2.5–3%. In 2017, travel and tourism's direct contribution to GDP (% of GDP) for the Czech Republic was 2.58 %. Though the Czech Republic travel and tourism direct contribution to GDP (% of GDP) fluctuated substantially in recent years, it tended to decrease through the 1998–2017 period ending at 2.58 % in 2017.

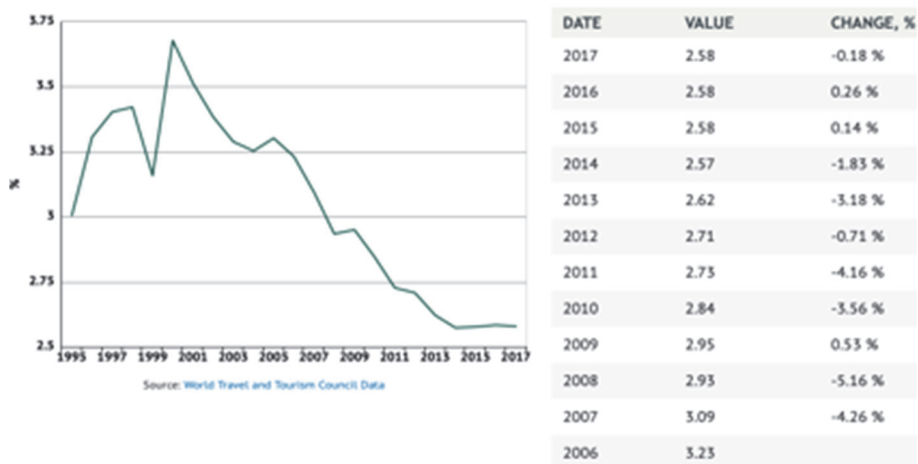

Figure 4. Direct contribution of the Czech Republic to GDP, % share

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

Cyprus shows the highest indicators of the direct contribution of tourism to GDP, and it is not accidentally. Cyprus’ economy has extreme dependence from tourism because it is an island state, and most of the local population earn money this way. By the way, we can see from Figure 5 that there was a quite long recession during the 2000–2009 years. Only after the 2009 year, the direct contribution of tourism to Cyprus GDP has grown. Cyprus travel and tourism direct contribution to GDP (% of GDP) was at the level of 7.31% in 2017, up from 6.84% the previous year.

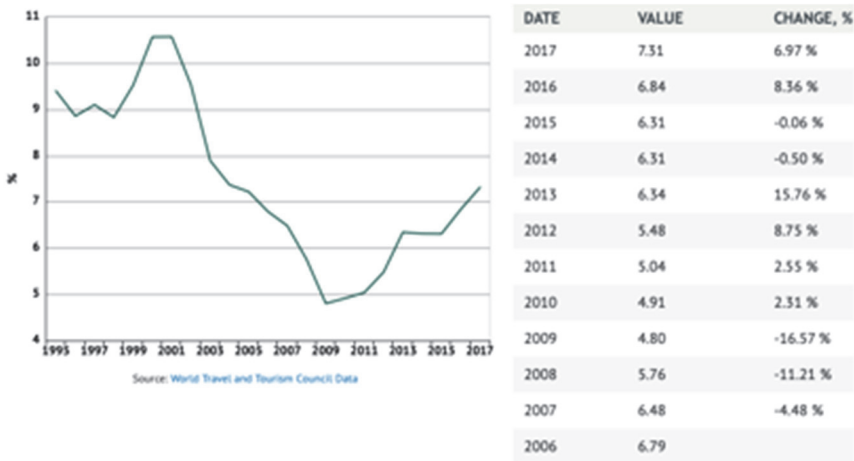

Figure 5. Direct contribution of Cyprus to GDP, % share

Source: All data were taken from World Data Atlas. <https://knoema.com> (accessed: 05.05.2019).

Revealing the problems of government policy for the tourism sector

Tourist business in Russia is in the stage of profound structural reorganization, institutional formation, the formation of intra-industry, inter-industry, inter-regional, and foreign economic relations. This entirely relates to the process of the formation of tourist infrastructure, the corresponding segment of the labor market, the system of state regulation of tourist activity (Song, Li, 2008).

At present, Russia, as a country developing international tourism, occupies a very modest place in the global tourism market. The share of tourists entering Russia is approximately 1% of the global tourist flow. This is a low figure, given that cultural Russia's historical and natural potential is much higher than in many countries with traditionally high tourist attendance. In our opinion, this is due to several problems, the key to which is the problem of organization and strategic development tourism as a particular sphere of professional activity at the state level.

Consequently, researchers are faced with the problem of finding such methods for building an effective industry management system that would streng-

then the market position of each Russian organization engaged in serving tourists, and thereby contribute to the further development of the entire tourism business in Russia, our country's growing into the industry world tourism.

However, it should be noted that in Russia, certain tendencies towards the organization of the state regulation system of tourist activity have already emerged. The implementation of the state policy in the field of conservation and development of tourism is carried out by the Federal Agency for Tourism of the Russian Federation, which is under the jurisdiction of the Ministry of Sport, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation. At the same time, the main principle of state regulation of tourist activity is that the state recognizes this area as one of the priority sectors of the Russian economy, contributing to its full development. In particular, the state is actively using such essential tools for regulating the activities of tourist organizations and protecting the rights of consumers of tourist services, such as licensing standardization and certification.

Services on international tourism in Russia at the present stage does not always correspond to designated standards of service, quality assurance services at entry tourism. This happens for several reasons. This is precisely the reason and, at the same time, a consequence of the ineffective system of international business management in the Russian Federation.

World experience demonstrates the feasibility and even the need to divide national tourist administrations into two branches: the first solve global tasks related to the regulatory framework, collecting and processing statistical information, coordinating the activities of tourism enterprises and regions, international cooperation at the regional level, and the second is marketing activities.

The need for separation of powers and duties can be explained by the goals set before the tourist administration authorities. The specialized ministry sees the main goal in the development of international tourism in the formation of a modern, highly efficient, and competitive tourist complex. At the same time, the ministry responsible for marketing activities focuses on creating a positive image of the country in the global tourism market and increasing the attractiveness of the national market for international tourism activities (Song, 2009).

Conclusion: recommendations and further research practice

Tourism is the most potent economic branch worldwide, with complex functions and multisector implications. With about one hundred thousand employees worldwide, tourism stands out as the most important employer. In this context, rural tourism has emerged and developed, embracing all the tourism activities in the rural areas, with the purpose to put into value the natural and human potential of villages. This is considered as “the meeting place” of the rural culture with the urban culture, which is much more sensitive to nature. Rural tourism is also an occupational alternative for the rural labor force, a modality for the diversification of the economic activities, generating alternative incomes, and it represents a factor of the rural population's stabilization.

In the fragile and pristine areas, which are most often protected areas, the ecotourism or ecological tourism can also be developed, which is a form of sustainable tourism, whose goal is to supply high-quality tourism services in the conditions of protecting the natural areas and stimulating local economic development.

The support to tourism infrastructure and services in the rural area is necessary out of two reasons: firstly, for the creation and promotion of competitive tourism, and secondly, for setting up local networks for the promotion and supply of these services with the active involvement of the rural population, mainly of women and young people. There are very few methods to measure the success and profitability of investments in tourism, due to the semi-informal nature of activities, the poorly organized promotion and marketing, mainly at the county and local level, which makes it difficult for the entrepreneurs/operators to penetrate on the market and develop their businesses correspondingly.

The development of an economic activity needs finance, which can be provided from own resources accumulated in time or borrowed; support provided by the business partners, which can finance the entrepreneur's business by the supply of equipment, raw materials and materials in advance, on the condition of the subsequent payment of their cost, also named commercial credit (this type of credit is practiced as a rule between enterprises that have long and stable commercial relations); bank credit or credit from other financial institutions; national, European and international programs oriented towards the support of small and medium-sized enterprises.

The development of micro-enterprises, as well as of the small and medium-sized enterprises in the touristic industry, will play an essential role in the economy, where it represents a significant source for obtaining incomes and for the promotion of entrepreneurial skill, innovation, and job creation.

References

- Ahmed Z.U. (1991). The influence of the components of a state's tourism image on product positioning and strategy. / *Tourism Management*, 12, 331–340.
- Aldrich J. (1989). Autonomy. *Oxford Economic Papers*, 41(1), 15–34.
- Andreev V.A. (2011). *Gosudarstvennaya podderzhka malogo biznesa [State support of small business]*. Moscow. (In Russ.)
- Box G.E., Jenkins G.M., Reinsel G.C. (2008). *Time Series Analysis: Forecasting and Control*. 4th ed. Hoboken, NJ: Wiley.
- Brunt L., Lerner J., Nicholas T. (2012). Inducement Prizes and Innovation. *The Journal of Industrial Economics*, 60(4), 657–696.
- Chao Hsiang-Ke. (2005). A Misconception of Semantic Conception of Econometrics? *Journal of Economic Methodology*, 6, 93–97.
- Dracheva E.L., Zabaev J.V., Ismaev D.K. (2005). *Ekonomika i organizatsiya turizma [Economy and the organization of tourism]*. Moscow. (In Russ.)
- Dymchenko A.S. (2000). *Marketing i logistika v sisteme gosudarstvennoy sanatorno-kurortnoy sfery [Marketing and logistics in system of the government sanatorium sphere]*. Sochi. (In Russ.)
- Federal Law from 24.07.2007 No. 209-FZ. On the development of small and medium enterprises in the Russian Federation in the reduction from 27.12.2009. (2007, 30 July). *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, (31), 4006.
- Hoover D.K. (2005). The Methodology of Econometrics. *Palgrave Handbooks of Econometrics. Vol. 1: Theoretical Econometrics* (pp. 12–18).

- Krivoruchko L.V., Krivoruchko V.I. (2003) *Rynochnyye mekhanizmy upravleniya sanatorno-kurortnoy sfery* [Market mechanisms of management of sanatorium sphere]. Moscow. (In Russ.)
- Leibenstein H. (1960). *Economic Backwardness and Economic Growth: Studies in the Theory of Economic Development*. John Wiley & Sons.
- Porter M., Kramer M. (2006). Strategy and Society: the Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. *Harvard Business Review*, 12.
- Schumpeter J. (2007). Entrepreneurship, Competitiveness and Local Development (p. 5). Iandolo, Landström and Raffa.
- Song H., Li G. (2008). Tourism demand modelling and forecasting – a review of recent research. *Tourism Management*, 29(2), 203–220.
- Song H., Witt S.F., Li G. (2009). *The Advanced Econometrics of Tourism Demand*. New York.
- Studenmund A.H. (2016). *Using Econometrics: A Practical Guide*. 7th Edition. Prentice Hall.
- UNWTO General Assembly. 19th Session. http://media.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_2030_ga_2011_korea.pdf (accessed: 31.05.2019).

Article history:

Received: 01.06.2019

Revised: 10.07.2019

Accepted: 20.08.2019

For citation:

Bogdashev I.V., Apalkova A.A., Votchenko E.S. (2019). Tourism industry in Russia and the EU: are there any consequences of multi-tiered national agenda? *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 536–550. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-536-550>

Bio notes:

Ilya V. Bogdashev, PhD in Economics, Associate Professor, Theoretical Economics Department, Economy Faculty, Kuban State University. E-mail: ilbogdashev@gmail.com

Anna A. Apalkova, master student, Marketing and Trading Business Department, Economy Faculty, Kuban State University. E-mail: anna_777_apalkova@mail.ru

Elena S. Votchenko, PhD in Politics, Marketing and Trading Business Department, Economy Faculty, Kuban State University. E-mail: evotchenko@gmail.com

Научная статья

Индустрия туризма в России и ЕС: есть ли последствия многоуровневой национальной повестки дня?

И.В. Богдашев, А.А. Апалькова, Е.С. Вотченко

Кубанский государственный университет|
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Целью исследования является анализ современных тенденций и современного этапа развития индустрии туризма в России и ЕС (Кипр и Чехия). Статья затрагивает актуальную тему современных отношений между представителями туристической сферы (национальными и местными предпринимателями), обществом (потребителями) и государственной поддержкой (национальными и местными властями) сквозь призму их

отношений. В качестве объекта исследования авторы рассматривают основные макроэкономические показатели индустрии туризма, а предметом исследования являются математические методы прогнозирования в исследованиях туризма. Кроме того, авторы выделяют основные направления поддержки предпринимательства как части успешного стартапа, в нашем случае – в туристической индустрии. Также стоит отметить особенности туристического рынка и специфику его регулирования. Авторы пришли к выводу, что государственное регулирование туризма является эффективным средством стимулирования инвестиционной деятельности, повышения качества предоставляемых услуг и решения социальных проблем с точки зрения реального здоровья нации. Однако важно иметь в виду, что основными направлениями государственной политики должны быть стабильность и конкурентоспособность туристического комплекса.

Ключевые слова: индустрия туризма; государственно-частные партнерства; валовой национальный продукт; ВВП; макроэкономические показатели туризма; российская индустрия туризма; туристический сектор Кипра; туристический сектор Чехии; сельский туризм

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.06.2019

Дата проверки: 10.07.2019

Дата принятия к печати: 20.08.2019

Для цитирования:

Bogdashev I.V., Apalkova A.A., Votchenko E.S. Tourism industry in Russia and the EU: are there any consequences of multi-tiered national agenda? (Индустрия туризма в России и ЕС: есть ли последствия многоуровневой национальной повестки дня?) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 536–550. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-536-550>

Сведения об авторах:

Богдасhev Илья Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теоретической экономики, экономический факультет, Кубанский государственный университет. E-mail: ilbogdashev@gmail.com

Апалькова Анна Андреевна, магистрант кафедры маркетинга и торгового дела, экономический факультет, Кубанский государственный университет. E-mail: anna_777_apalkova@mail.ru

Вотченко Елена Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры маркетинга и торгового дела, экономический факультет, Кубанский государственный университет. E-mail: evotchenko@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-551-562
UDC 338.012

Research article

Overview of iron and steel industry in China in the 20th and 21st centuries: what are the main steps of its development?

Vlada S. Groysburt, Alexey A. Maslov

National Research University “Higher School of Economics”
11 Pokrovskii Blvd., Moscow, 109028, Russian Federation

Abstract. Speaking about the XX century after the establishment of People's Republic of China in 1949 the leading trade partner of the country was Soviet Union and after the crisis in Chinese-Soviet relations in the 1960s there has been a shift towards the trade within Asian region, which once again shows that China has always been an active player on the international market because of its productions' power. The way China interacts with other regions and particular countries is an exciting topic for international relations scientists because it reflects the state of affairs of China at every step of its development. For more than 50 years, the Russian metallurgical industry has been building its relationships with China as one of the leading partners. So because Russia has passed through a stage of stagnation after the collapse of the USSR and the period of finding a new balance due to reduced domestic Russian demand, it was crucial to continue developing relations with the closest neighbors and try to catch up. However, why is international trade developing so fast? This happened as a result of the growing purchasing power of the Chinese population; domestic manufacturers are increasing their operations within the domestic market, which is making the country known for being the manufacturer of the world, in its factory. Ferrous metallurgy is used in engineering, construction, and automotive, that is, in critical sectors of the economy. Therefore, scientists and analysts pay great attention to the steel industry and its research. In order to understand the modern state of affairs in the iron and steel industry in China, authors provide an overview of the industry itself using various sources of data, such as historical review and collection of quantitative data, estimate its development to understand its weak and sharp points for the business development.

Keywords: China; ferrous metallurgy; environmental laws; industrial development

Introduction

Historically, the situation of the external trade has been an essential measurement of the state of affairs in one country, because the way of how a country integrates itself into the global markets often signifies the strength of its political and economic relationships with the outside world. As China never needed the essential goods to be imported in the country because of its variety of climates and landscapes, it soon was a place, which could offer the outside world never before

© Groysburt V.S., Maslov A.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

seen goods. So since the second part of the 17th century as China was seen as one of the leading trade partners and an object of missionary work. During the Age of global discoveries, China played a significant role in the supplier in primary tradable goods and has been a successful part of international trade. This was the result of the rapid development of the country and because China has always been an essential transformational hub for many kinds of products.

The rapid development of Chinese metallurgy over the past 50 years has turned a backward and inefficient industry into a well equipped and highly competitive, which allowed China to take first place in the amount of steel produced around the world during the last several decades. The relevance of the research topic is determined by the importance of understanding different factors, which determine the metallurgical industry.

Literature review

There has been a lot of the works describing the Chinese iron and steel industry during different time history; most of them were dedicated to the 5-year plan's accomplishments and talked more about the process of organization of the industry than about the statistical data (Yin Ruiyu, 2003). More works were dedicated to the process of production, explaining the way Chinese metallurgy establishes its presence in the world (Lu Zhongwu, Cai Jiuju, Yu Qingbo, Xie Anguo, Wang Kai Zhong, 2000). However, there has been little to no statistical overview during the last year yet. This research paper is based mainly on the statistical data mentioned below.

The iron and steel industry of China has been an exciting topic for many researchers trying to find out the central economic miracle behind the rapid development of the country. As main primary sources, we tend to use *the National Bureau of Statistics of the Government of China*,¹ which has worked together with researchers from other countries in an evaluation of consumer subsidies and nutrition in different provinces in China. It proposes a major national conditions census plan, and organizes implementation after approval; organizes economic surveys of various regions and departments, summarizes and organizes essential statistical data of the country; conducts statistical analysis of national economy, scientific and technological progress, and social development, statistical forecasting, and statistical supervision, provide statistical information and advice to the Party Central Committee, the State Council and relevant departments.

The over source is *China Iron and Steel Association*² – a national industry organization in China's steel industry. Guided by the party's line, principles, and policies, this organization adheres to the scientific concept of development and believes in serving the enterprise, serving the industry, serving the government, and serving the society. They provide to the work guidelines of the enterprise-run association, adhere to market orientation, and actively provide services, reflect

¹ The National Bureau of Statistics of the Government of China. <http://www.stats.gov.cn> (accessed 15.03.2019).

² 2016–2017 China Iron and Steel Industry Monthly Report. Global Information, Inc. <https://www.giiresearch.com/report/cccm421245-china-iron-steel-industry-monthly-report.html> (accessed: 20.10.2018).

demands, standardize operations, establish and improve industry coordination and self-discipline mechanisms, and safeguard the overall interests of the industry and the legitimate rights and interests of its members. It acts as a bridge and link between the government and enterprises, continuously improve the competitiveness of China's steel industry in the domestic and foreign markets, promote the healthy development of the steel industry, and strive to build a strong steel country. It posts a lot of graphs and different information with a lot of pure data organized by different topics, spheres, and time limitations.

The other reliable source that we will use is *General Administration of Customs of the People's Republic of China*³ on its web portal, we can find all the information on the annual and monthly transportation of any good to any country; all we need to know is HS (Harmonized System Code; which is ТН ВЭД in Russia). Moreover, the Chinese government has recently opened the English version of this portal, where it is possible to find the main monthly and annual reports.

More data and graphs are obtained from the *World Steel Association*, a web page of the organization, which collects data from various recourses and according to them, provides reports.

As for the secondary sources in this part we address work a comparative study of the development model of China's iron and steel industry by Yuning Gao and Angang Hu,⁴ who analyze iron and steel from several perspectives. Their work is easy to read and provides a lot of referenced data. It approaches the analysis from several most essential dimensions: a historical retrospective, prospects of development, and international comparison through the years. It is a case study as it concentrates on the particular development model.

So, to achieve the goal of the research we use mixed methods, which includes historical retrospective, analysis of the industry using qualitative and quantitative data, as we want to approach this topic from different angles

The development of the industry

The booming economic development of China, which has been clearly expressed since the beginning of the era of reform and openness in 1978, made it possible for this state to become one of the leaders of the international economy, and even take key positions in some parameters.

The metallurgical industry contributes a lot to the economic development of the country. Metallurgy is divided into two main types: color (or nonferrous) and black (or ferrous). Nonferrous metallurgy includes copper, lead, aluminum. Ferrous metallurgy includes steel and cast iron.

Ferrous metallurgy is especially important for China, as it plays a large role in manufacturing, construction, and in real estate.⁵ Also, steel, which is a type of

³ General Administration of Customs of People's Republic of China. <http://english.customs.gov.cn> (accessed: 20.02.2019)

⁴ Gao Y., Hu A. A comparative study of the development model of China's iron and steel industry // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 284.

⁵ 2016–2017 China Iron and Steel Industry Monthly Report. Global Information, Inc. <https://www.giiresearch.com/report/cccm421245-china-iron-steel-industry-monthly-report.html> (accessed: 20.10.2018).

ferrous metallurgy, is often regarded as an indicator of economic activity in a country because its production forces are the evidence of the necessity of the development of the country's both external and internal markets. Therefore, scientists and analytical experts pay great attention to the steel industry and its development as obvious evidence of the successful production powers in the country.

If we consider the development of China's metallurgy, it was slightly uneven following the political events in the country that had a direct negative or positive impact on the metallurgical sector, mostly because of the governmental forces. At the time of the founding of the People's Republic of China on October 1949, the development of the metallurgical industry in the country was at a low level. For example, the production of crude steel in 1949 was only 250,000 tons; cast iron – 160,000 tons and molded steel – 140,000 tons.⁶ During these years, the USSR rendered great assistance to the development of metallurgy and played a significant role in providing the best specialists.

Significant upheavals in Chinese political history characterize the 1960s. In addition to the deterioration of relations with the USSR, in 1966–1976, Mao Zedong initiated a “cultural revolution”, which led to a decrease in steel output in 1970 below the 1960 level.⁷ Thus, during the reign of Mao Zedong, the metallurgical industry began to develop in China, but due to the policy pursued, it did not achieve significant results.

With the beginning of the policy of reform and openness in 1978, pursued by Deng Xiaoping, China's political and economic course changed, which had a positive effect on metallurgy. Thus, the output of liquid steel rose to 25.05 million tons, the production of iron to 23.74 million tons, and the production of molded steel to 16.33 million tons.⁸ The turn towards a market-oriented policy allowed Chinese manufacturers to introduce modern technologies of foreign colleagues. Also, at this stage, the company was founded, one of the largest steel producers in the world, Shanghai Baosteel. However, until 1986, China's steel imports accounted for 20% of total imports.⁹ In the 1980s, China began to increase production, and from this period, there has been a constant annual increase in output in the metallurgical industry.¹⁰ This phenomenon can be explained by the need for the economic development of the country, industrialization, and urbanization.

The end of the 20th century, namely the 1990s, stands out as a separate stage. The reason for this is that in 1995, the production of liquid steel in China reached 95 million tons,¹¹ which is more US production. This period is characterized by a significant increase in Chinese steel production, which allowed China

⁶ Gao Y., Hu A. A comparative study of the development model of China's iron and steel industry // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 284.

⁷ China's Steel Industry and Its Impact on the United States: Issues for Congress (electronic resource). Congressional Research Service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41421.pdf> (accessed: 20.10.2018)

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Dua Z., Lin B. Analysis of carbon emissions reduction of China's metallurgical industry // *Journal of Cleaner Production*. 2018. No. 176. P. 2.

¹¹ Liu H. Analysis and suggestions on the lower profitability of China's steel industry // *China Steel*. 2013. No. 10. Pp. 11–18.

to become the first country in the world to produce so much steel as to become the leaders in this sector.

The next stage comes after 2000.¹² During the 10th Five-Year Plan (2001–2005), the growth in steel output exceeded the figures since the founding of the PRC in 1949, which allowed China to occupy 31.5 % of the global steel output in 2005.¹³ Internal economic processes, namely, facilitated significant growth in the third stage housing reform, carried out since 1998. This led to a large consumption of steel for construction work. External causes include China's accession to the WTO in 2000, which allowed enterprises to use steel products with permission for foreign trade operations.

The growth trend of the Chinese steel industry is also observed in the period 2010–2017. Also, it can be noted that, firstly, the release of China in recent years is slightly less than the total output of other countries, namely in 2016 – 49.0%, in 2017 – 49.2%. Secondly, in 2017, production growth was 5.7%.

If we consider the global change in steel output from 1950 to 2017,¹⁴ then a significant increase has been observed since 2000, which coincides with an increase in production in China, and therefore we can conclude that the Chinese had a substantial effect on the increase in global steel output.

The booming growth of China's steel industry has led to an increase in steel enterprises. In 1978, there was only the Bao Steel Company, whose output reached 3 million tons.¹⁵ By the year 2000, 11 enterprises had reached such a scale. In the next four years, the number of such enterprises increased by 1.5 times to 27.¹⁶ In 2009, China had about 1,200 large and small enterprises for the production of steel, including about 70 large and medium-sized enterprises. Despite this, the average size of steelmaking companies is less than 1 million tons, and the five largest enterprises account for only 28.5% of the total.¹⁷ A small number of large-scale steel producers lead to the decentralization of the steel industry, which, firstly, makes this industry more competitive, and consequently, reduces the price of products. Secondly, steel production is becoming less controlled by the government, including, for example, in such a sensitive area for China as environmental protection. Third, it is difficult for Chinese manufacturers to develop a unified policy for more active participation in the international arena.

¹² Gao Y., Hu A. A comparative study of the development model of China's iron and steel industry // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 284.

¹³ 2016–2017 China Iron and Steel Industry Monthly Report. Global Information, Inc. <https://www.giiresearch.com/report/cccm421245-china-iron-steel-industry-monthly-report.html> (accessed: 20.10.2018).

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ China Iron and Steel Industry Association. <http://english.chinaisa.org.cn/do/index.jsp> (accessed: 17.12.2018).

¹⁶ Gao Y., Hu A. A comparative study of the development model of China's iron and steel industry // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 284.

¹⁷ Analysis: To revitalize the steel industry, China must increase the industry concentration rate / The State Council of the People's Republic of China. http://www.gov.cn/jrzq/2009-03/21/content_1264930.htm (accessed: 14.02.2018).

According to data for 2017, five Chinese steel companies are included in the ten largest steelmaking companies, namely, China Baowu Group, HBIS Group, Shagang Group, Ansteel Group, Shougang Group. In fact, according to the profitability of the Chinese companies, in the list of Top 500 most successful companies in China, 52 companies are dealing with ferrous and non-ferrous production.

Although recent studies by economists associated with Goldman Sachs,¹⁸ assured that the growth of China's economy is moving towards domestic consumption beyond investment and exports, there is an upcoming new boom in the service sector, such as technology, retail, and financial sector.

To sum up, we would like to notice that it plays a crucial role in analyzing the industry for further work. As we see, the Chinese iron and steel industry provides a lot of opportunities for small and medium enterprises to enter the market as well as to develop the supply chains that they want.

China plays an essential role as a player in steel production in the world. Interestingly to notice, only one Chinese company in this list is private owned, which is Shangang group, which once again can be any evidence that the state-owned enterprises do not adequately control Chinese iron and steel industry, so there is a place for development of small and medium private companies, which eventually have a chance to emerge of continue to flourish separately and independently. Summing up all the said above, we can say that the ownership of the company does not play a significant role when coming into the trade market.

One of the peculiarities of the Chinese steel industry is the high demand for steel. If we compare it with the amount of steel produced, then in 2007, China produced 36.3% of the global amount of steel and consumed 34.2%; in 2017, production – 49.2%, consumption – 46.4%.¹⁹ Based on the data on the number of steel exports in 2017, China in absolute value ranks first (74.8 million tons). Nevertheless, if we take into account the amount of steel produced, which was equal to 831.7 million tons in 2017,²⁰ it turns out that China exports only about 9%. From which it can be concluded that Chinese steel production is focused on the domestic market, it means that there are opportunities to create new and improved plants as there is a high demand on the local market.

As the World Trade Organization notes, excess capacity has become a major problem in the global economy²¹. This problem is also inherent in the Chinese metallurgical industry, which is a consequence of rapid growth.

Over ten years (2007–2017), China's share in global steel production increased from 36.3 to 49.2%, given that global steel output increased from 1,350 to 1,689 million tons. This situation adversely affects the price level and performance of

¹⁸ Bloomberg, article: China will not come to the rescue in the global Iron Ore Supply Crisis. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-14/china-won-t-come-to-the-rescue-in-global-iron-ore-supply-crisis> (accessed: 16.04.2019).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ferriola J. Steel success strategies keynote presentation // Fastmarkets AMM. <https://www.amm.com/events/amm-steel-success-strategies/presentations.html> (accessed: 24.10.2018).

Chinese steel companies. According to data provided by the World Steel Association, the utilization rate of steel production capacity in the world in 2015 was 69.7%. The capacity utilization rate of liquid steel in China in 2014 was 71.2%.²² The growth trend of overcapacity in China has been observed since 2011.

For 2016, about half of Chinese steel enterprises in China are state-owned,²³ however, the Chinese government has a relatively strong influence on the development of the steel industry as a whole. In addition to the above measures aimed at reducing production capacity, initiated by the Chinese authorities, which, for example, led to the merger of China Baowu Group and Wuhan Iron and Steel Group²⁴, a policy is also being created, the purpose of which is to upgrade equipment at enterprises, increase exports, increase output from higher value-added, stimulating the implementation of projects abroad for more investment.²⁵ The Chinese government pays government subsidies and provides loans from state-owned banks, which makes these businesses less sensitive to the environment and allows them to operate despite long-term losses.

In 2018, a slight increase in metal output by China was expected, which is estimated to be 0.6%.²⁶ Including this is due to the environmental policy pursued by the Chinese government.

At the same time, the Chinese government pays great attention to reducing production capacity. Xi Jinping emphasizes that this is the priority for structural reform, the purpose of which is to stimulate the proposal.²⁷ As the main measure for the implementation of this policy, China is conducting administrative reforms on the ground. Also in 2016, a guide was issued for the steel industry, which set the goal of reducing production capacity by 100–150 million tons in five years.²⁸

The metallurgical industry consumes a sufficiently large amount of resources and energy, the use of which in the process of increasing production will increase. The primary energy resources used in metallurgy are coking coal, liquid fuels, and natural gas.

²² China Steel Industry Development. The mission of the People's Republic of China to the European Union. 2016. <http://www.chinamission.be/eng/zgggfz/chneco/t1366481.htm> (accessed: 28.10.2018).

²³ Liu H., Song L. Issues and Prospects for the Restructuring of China's Steel Industry // China's new sources of economic growth: reform, resources and climate change. Vol. 1 / ed. by L. Song, R. Garnaut, C. Fang, L. Johnston; The Australian National University. Canberra: ANU Press, 2016. P. 339.

²⁴ Financial times digital issue. <https://www.ft.com/content/adffb2b4-4464-11e6-9b66-0712b3873ae1> (accessed: 06.03.2019).

²⁵ Liu H. Analysis and suggestions on the lower profitability of China's steel industry // China Steel. 2013. No. 10. Pp. 11–18.

²⁶ Issues and Prospects for the Restructuring of China's Steel Industry. P. 348.

²⁷ The State Council of the People's Republic of China. http://english.gov.cn/news/policy_briefings/2016/08/19/content_281475421118308.htm

²⁸ Full transcript of the State Council policy briefing on August 19th. The State Council of the People's Republic of China. http://english.gov.cn/news/policy_briefings/2016/08/19/content_281475421118308.htm (accessed: 04.12.2018).

Global energy consumption in 2017 increased by 2.2%, an increase of 80% due to developing countries. Even though the growth of energy consumption in China in 2017 was 3% and was lower than the average growth over ten years, in the world, it was one third.²⁹ The energy-intensive metallurgical industry makes the main contribution to the growth of energy consumption in China.

Considering the statistics for 2000–2011,³⁰ the energy consumption of the iron and steel industry in 2000 amounted to 167.92 million tons of coal equivalent. In 2011, this value was equivalent to 588.97 million tons of coal equivalent, which is 3.52 times more than in 2000. The high-energy intensity of the ferrous metallurgy is demonstrated by the fact that in 2011, it accounted for 29.39% of the total energy consumption of the industrial sector in China.

The increase in energy consumption observed in 2017, and this trend may continue, will invariably lead to an increase in the negative impact on the environment, in particular, to an increase in CO₂ emissions. Today, the world community pays special attention to this aspect.

As noted above, with the example of China, the increase in energy consumption is associated with the energy-intensive metallurgical industry. From which it can be concluded that significant CO₂ emissions characterize metallurgy. In 2017, the amount of CO₂ emissions averaged 1.83 tons per ton of liquid steel. Against the background of the fact that China's impact on the environment, including the produced amount of CO₂ emissions (in 2000, China ranked second in terms of CO₂ emissions), attracts the attention of the world community, it is especially important to consider this item. Besides, China is facing pressure from developing countries, forcing them to join international agreements aimed at reducing emissions.

When we speak about the iron and steel industry, in general, it is always thought to be the producer of crude steel, building materials, and so on, but there are many more aspects of the products that can be sold and bought.

The organization of ferrous metallurgy in China has its characteristics. First of all, the total number of enterprises in this industry is vast – there are about 1.5 thousand of them. However, this is quite easily explained if all the ferrous metallurgy enterprises in a country are divided into two groups.

The first and main ones are formed by large state-owned enterprises – full-cycle mills, steel-smelting, and rolling mills, 14 of which have annual steel production exceeding 1 million tons. Most of them were built during the first five-year plans until recently obsolete technological processes dominated them – for example, open-hearth in steelmaking. However, in the 1990s, these enterprises have undergone significant modernization, and now most of the steel is produced on them already in oxygen converters and electric furnaces. Most rolling mills use continuous casting technology.

The second group consists of many hundreds of small and medium enterprises, mostly semi-handicraft. Their technical level remains rather low, and the quantity

²⁹ BP's Statistical Review of World Energy 2018 // BP Global. <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed: 28.10.2018).

³⁰ Lin B., Wang X. Carbon emissions from energy-intensive industry in China: Evidence from the iron & steel industry // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2015. No. 4. P. 747.

of the metal is medium. They (like small coal mines) arose during the period of the “big leap forward” when almost every commune was ordered to have its production of iron and steel. Today, the course has been taken for the gradual liquidation of such enterprises.

Conclusion

This directly implies such a feature of the placement of China’s steel industry as a combination of deconcentration and concentration. The first of these features is associated with the presence of a large number of small enterprises scattered throughout almost all the provinces and counties, and the second with the leading role of large state-owned plants and factories. It is they who primarily determine the presence in the country of the five main metallurgical bases.

The ferrous metallurgy of China, like most other branches of heavy industry, was created based on the use of its forces and means. Therefore, foreign trade relations of this industry are somewhat limited, especially in export. However, due to the already mentioned poor quality of domestic iron, China is forced to import high-quality ore; in 1995 this import reached 50 million tons, and in 2001 it reached almost 110 million tons, and in 2006 reached 300 million tons (40% comes from Australia and 22–23% each – from Brazil and India). Until recently, China imported and steel products (such as pipes and rolls). However, at the current level of steelmaking, its production began to exceed domestic needs significantly, and China became an exporter of steel.

There are also favorable natural prerequisites for the development of non-ferrous metallurgy in China – in the form of rather large reserves of bauxite, polymetallic, and many other ores. Due to the successful development of this industry by 2000, the total volume of production of non-ferrous metals has already exceeded 5 million tons per year. In the production of primary aluminum, zinc, lead, tin, antimony, tungsten, bismuth, the country reached the first, in the production of molybdenum, magnesium, vanadium – the second, titanium, gold, silver – the third, copper and lithium – the fourth place in the world.

China's steel output has had a significant impact on the global level. Shortly, a slowdown in growth rates is possible due to the ongoing state policy in the environmental field in order to reduce emissions to the environment. Besides, the Chinese government has set the goal of reducing excess production capacity in the metallurgical industry, which is above the global level, which cannot but harm the output of metallurgical products.

Nevertheless, it is possible to predict the continued growth in the production of Chinese metallurgy, but, most likely, at a slower pace. Besides, five Chinese steel companies are among the top ten in 2017. These facts demonstrate the success of Chinese metallurgy, in contrast to the Russian, which is highly dependent on external conditions. The reasons for the successful development of China's metallurgical complex may include such factors as low labor costs, the need for industrialization and urbanization, which directly increase the level of operation of metallurgical products, as well as a high level of domestic consumption. For example, China-initiated housing reform has helped increase the steel industry's need for steel products. Thus, the Russian government can follow the policy

pursued by China to increase production capacity. Namely, to increase the consumption of metallurgical products at the expense of the construction sector and especially machine building, which at this stage uses quite a bit of metal, therefore, there is room for growth.

References

- BP Global. (2018). *BP's Statistical Review of World Energy*. <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed: 10.08.2019).
- China Federation of Logistics and Purchasing. <http://www.chinawuliu.com.cn/> (accessed: 10.08.2019).
- China Iron and Steel Industry Association. (2018). *Annual statistical bulletin*. <http://english.chinaisa.org.cn/do/index.jsp> (accessed: 10.08.2019)
- Chinese steel production to slow sharply in 2018. *Financial Times*. <https://www.ft.com/content/7dfb918e-f087-11e7-b220-857e26d1aca4> (accessed: 10.08.2019).
- Congressional Research Service. *China's Steel Industry and Its Impact on the United States: Issues for Congress*. <https://fas.org/sgp/crs/row/R41421.pdf>
- Dua Z., Lin B. (2018). Analysis of carbon emissions reduction of China's metallurgical industry. *Journal of Cleaner Production*, (176), 1177–1184. doi: 10.3390/su11010226 (accessed: 10.08.2019).
- Economics Committee World Steel Association. (2017). *Steel Statistical Yearbook 1994*. <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:3e275c73-6f11-4e7f-a5d8-23d9bc5c508f/Steel+Statistical+Yearbook+2017.pdf> (accessed: 10.08.2019).
- Economics Committee World Steel Association. (2017). *Steel Statistical Yearbook 2018*. <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:3e275c73-6f11-4e7f-a5d8-23d9bc5c508f/Steel+Statistical+Yearbook+2017.pdf> (accessed: 10.08.2019).
- Ferriola J. Steel success strategies keynote presentation. *Fastmarkets AMM*. <https://www.amm.com/events/amm-steel-success-strategies/presentations.html> (accessed: 10.08.2019).
- Gao Y., Hu A. (2009). A comparative study of the development mode of China's iron and steel industry. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 7(3), 283–297. doi: 10.1080/14765280903073090.
- General Administration of Customs of People's Republic of China. <http://english.customs.gov.cn> (accessed: 10.08.2019).
- Global Information, Inc. (2017). *China Iron and Steel Industry Monthly Report*. <https://www.giiresearch.com/report/cccm421245-china-iron-steel-industry-monthly-report.html> (accessed: 10.08.2019).
- Jiang Jinhe, Wu Bin. (2010). Current situations on low carbon economy models and discussion on several relevant theoretical issues. *Resources science*, 32(2), 242–247.
- Lin B., Wang X. (2015). Carbon emissions from energy-intensive industry in China: Evidence from the iron & steel industry. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, (4), 746–754. doi: 10.1016/j.rser.2015.03.056.
- Liu H. (2013). Analysis and suggestions on the lower profitability of China's steel industry. *China Steel*, (10), 11–18.
- Lu Zhongwu, Cai Jiujun, Yu Qingbo, Xie Anguo. (2000). The influences of materials flows in steel manufacturing process on its energy intensity. *Acta Metall Sin*, 36(4), 370–378.
- Song L. et al. (2016). *China's New Sources of Economic Growth*. Vol. 1. ANU Press.
- The National Bureau of Statistics of the Government of China. <http://www.stats.gov.cn> (accessed: 10.08.2019).
- The State Council of the People's Republic of China. *Analysis: To revitalize the steel industry, China must increase the industry concentration rate*. http://www.gov.cn/jrzq/2009-03/21/content_1264930.htm (accessed: 10.08.2019).

- The State Council of the People's Republic of China. (2016). *Full transcript of the State Council policy briefing on August 19*. http://english.gov.cn/news/policy_briefings/2016/08/19/content_281475421118308.htm (accessed: 10.08.2019).
- World Steel Association. (2018). *World Steel Short Range Outlook 2018/2019*. <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2018/worldsteel-Short-Range-Outlook-2018-2019.html> (accessed: 10.08.2019).
- World Steel Association. (2018). *Annual statistical bulletin*. <https://www.worldsteel.org/> (accessed: 10.08.2019).
- World Steel Association. Sustainable Steel – Indicators 2018 and industry initiatives. <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2018/Sustainable-steel---indicators-2018-and-industry-initiatives.html> (accessed: 10.08.2019).
- Wu J. (2009). *The Recent Developments of the Steel Industry in China*. Document No. DSTI/SU/SC(2009)15.
- Yin Ruiyu. (2003). Steel works model and industrial ecological chain – future development mode of iron and steel industry. *China Metallurgy*, 12, 18–25.

Article history:

Received: 27.09.2019

Revised: 09.10.2019

Accepted: 19.10.2019

For citation:

Groysburt V.S., Maslov A.A. (2019). Overview of iron and steel industry in China in the 20th and 21st centuries: what are the main steps of its development? *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 551–562. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-551-562>

Bio notes:

Vlada S. Groysburt, graduate of MA programme “Socioeconomic and Political Development of Modern Asia”, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: vlada-95@mail.ru

Alexey A. Maslov, Ph.D. in World History, Professor in History, Head of School of Asian Studies, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: amaslov@hse.ru

Научная статья

Обзор металлургической промышленности Китая в XX и XXI вв.: этапы становления и развития

В.С. Гройсбург, А.А. Маслов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11

В 1949 г. основным торговым партнером Китая был Советский Союз, но после кризиса в китайско-советских отношениях в 1960-х гг. произошел сдвиг в сторону торговли в азиатском регионе – еще одно свидетельство того, что Китай всегда был сильным игроком на международном рынке благодаря мощному производству. То, как Китай взаимодействует с другими регионами и отдельными странами, является интересной темой для ученых по международным отношениям, поскольку отражает положение дел

в Китае на каждом этапе его развития. Уже более 50 лет российская металлургическая отрасль строит отношения с Китаем как с одним из основных партнеров. Поскольку после распада СССР Россия пережила стадию стагнации и период нахождения нового баланса из-за сокращения внутреннего спроса, было крайне важно продолжать развивать отношения с ближайшими соседями и пытаться наверстать упущенное. Но почему международная торговля развивается так быстро? Это происходит в результате растущей покупательской способности населения Китая, отечественные производители наращивают свою деятельность на внутреннем рынке, что делает страну известной в качестве мирового производителя на своем собственном заводе. Черная металлургия используется в машиностроении, строительстве и автомобилестроении, то есть в ключевых отраслях экономики. Поэтому ученые и аналитики уделяют большое внимание металлургии и ее исследованиям. С целью понять современное состояние черной металлургии в Китае, авторы дают обзор самой отрасли, используя различные источники данных, такие как исторический обзор и сбор количественных данных, оценивают ее развитие, рассматривают ее слабые и сильные стороны для развития бизнеса.

Ключевые слова: Китай; черная металлургия; экологические законы; промышленное развитие

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.09.2019

Дата проверки: 09.10.2019

Дата принятия к печати: 19.10.2019

Для цитирования:

Groysburt V.S., Maslov A.A. Overview of iron and steel industry in China in the 20th and 21st centuries: what are the main steps of its development? (Обзор металлургической промышленности Китая в XX и XXI вв.: этапы становления и развития) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 551–562. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-551-562>

Сведения об авторах:

Гройсбург Влада Станиславовна, магистр востоковедения, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: vlada-95@mail.ru

Маслов Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: amaslov@hse.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-563-575
УДК 339.9

Научная статья

Трансграничная туристская мобильность в приграничье: теоретические и практические аспекты

С.В. Степанова

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Российская Федерация, 185030, Республика Карелия, Петрозаводск, пр-т А. Невского, 50

Социально-экономические преобразования России, изменение функций государственных границ в условиях интеграционных процессов в мировом сообществе, наряду с изменением восприятия туристско-рекреационной сферы деятельности на уровне власти, бизнеса и общества, послужили предпосылкой туристского вектора развития приграничных территорий. Усиливающаяся конкуренция за финансовые ресурсы туристов способствует изменению социально-экономического пространства территорий, что наиболее заметно в приграничье. В статье обоснована значимость трансграничной туристской мобильности в развитии приграничья. При этом в зависимости от выбранного фокуса внимания (развитие местного сообщества, экономическое и пространственное развитие территории) ряд выгод и рисков для социально-экономического развития территорий будет изменяться по разные стороны границы. Проблематика трансграничной туристской мобильности рассмотрена на примере российско-польского и российско-финляндского приграничья. Выявлена значительная асимметрия взаимных трансграничных туристских потоков, которая, благодаря активно проводимой маркетинговой политике бизнеса сопредельных государств по стимулированию въездного потока российских граждан с туристскими целями, будет усиливаться.

Ключевые слова: трансграничная туристская мобильность; приграничье; Финляндия; Польша

Введение

С усилением интеграционных процессов в мировом сообществе трансграничная туристская мобильность становится актуальным направлением научных исследований. Данная проблематика особо значима для приграничных российских территорий, что обусловлено рядом причин. С одной стороны, значительные изменения претерпели функции государственных границ Российской Федерации под влиянием социально-экономических преобразований в государстве, а также обозначенной общемировой тенденции. С другой стороны, изменились подходы к восприятию туристско-рекреационной сферы деятельности на уровне власти, бизнеса и общества, стала выстраиваться система стратегического планирования и управления туризмом. Кроме того,

© Степанова С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

следует подчеркнуть экономическую значимость въездного туристского потока для развития приграничных территорий (являющихся часто периферией) и возрастающую конкуренцию за туриста, разворачивающуюся на уровне территорий сопредельных государств, отдельных стран и регионов мира.

Трансграничная туристская мобильность: подходы к исследованию

В научной литературе достаточно широко рассматривается проблематика влияния туристской сферы деятельности на региональное развитие приграничных территорий. Рассмотрение приграничья в качестве туристских дестинаций представляется сравнительно новым направлением исследований в российской науке.

Наряду с формируемым внутренним въездным туристским потоком, специфика приграничного положения в условиях добрососедских отношений и сформированной трансграничной транспортно-логистической системы создает предпосылки для трансграничной туристской мобильности. В региональном разрезе наиболее подробно проблематика трансграничной мобильности рассмотрена в российско-польском приграничье и российско-финляндском приграничье.

Необходимо обозначить широкое и часто синонимичное применение понятий «трансграничная туристская мобильность» и «трансграничная туристская миграция». Например, в работах российских исследователей-географов часто встречается использование термина «туристские миграции». Исследователями Амурского государственного университета О.В. Мирошниченко и Л.А. Понкратовой представлен анализ структуры и динамики взаимных туристских миграций между регионами РФ и КНР (Мирошниченко, Понкратова, 2011). И.И. Пирожник, профессор Поморской академии Польши, также раскрывает проблематику туристской миграции в фокусе фактора экономического сотрудничества в трансграничном регионе (Пирожник, 2016). Одновременно в работах встречается термин трансграничной туристской мобильности. Так, исследователи рассматривают трансграничную туристскую мобильность в качестве фактора развития приграничья (Tömöri, 2010; Makkonen, 2016).

Однако, «согласно рекомендациям ООН и глоссарию терминов по миграции, подготовленному Международной организацией по миграции, – непродолжительные поездки для отдыха, развлечения, посещения друзей и родственников, для лечения и религиозного паломничества без занятия профессиональной деятельностью не предполагают смены страны обычного проживания и, следовательно, не относятся к миграции» (Цапенко, 2018). В этой связи в данной работе будет использована дефиниция трансграничной туристской мобильности, под которой понимается совокупный въездной туристский поток иностранных граждан на территорию РФ и выездной туристский поток российских граждан на территорию других государств. Кроме того, следует обозначить, что в большинстве работ, посвященных данной проблематике, для обозначения применяется термин «международный туристский по-

ток», или международный туризм; для приграничных территорий свойственен специфический вид туризма – приграничный туризм (въездной туристский поток граждан сопредельного государства) (Степанова, 2014).

При этом в большей степени в исследованиях трансграничной туристской мобильности в приграничье представлен количественный анализ трансграничных туристских обменов (динамики, объемов и структуры) и финансовых затрат путешественников, качественный анализ происходящих в приграничье изменений встречается значительно реже. Из всех видов наиболее полное освещение получил шопинг-туризм, что обуславливается глобальностью данного феномена, а также значительными изменениями, сопровождающими жизнь приграничья. В своей работе М. Венцковский, профессор Польской академии наук, указывает на влияние государственных границ на развитие специфических видов туризма, свойственных приграничным территориям: шопинг-туризма, гастрономического, лечебного (медицинского) туризма, транзита, различных форм природного (экологического), событийного туризма (Więckowski, 2010).

Внимания заслуживает исследование Института географии РАН, определяющее барьерность российских границ: «на национальном уровне – визовым режимом и его применением», а «на региональном и локальном уровнях – характером расселения и пограничной инфраструктуры, в том числе плотностью пунктов пропуска, их статусом и режимом» (Колосов и др., 2016). Авторы резюмируют: «степень барьерности сухопутных внешних границ для среднестатистического гражданина РФ в значительной степени определяется политическими отношениями с Россией и геополитическими ориентирами соседних государств» (Колосов и др., 2016). А.Ю. Александрова, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, указывает, что «политика определяет выбор [зарубежных] туристов» (Александрова, 2017). В развитии международного туризма в РФ А.Ю. Александрова выделяет две противоречивые тенденции: «обострение внешнеполитической ситуации и введение санкций», «снижение курса рубля по отношению к основным мировым валютам» наряду с активной рекламной компанией и открытием национальных туристских офисов России Visit Russia в ряде стран мира (Александрова, 2017).

Следует обозначить, что оценка объемов, динамики и направлений трансграничной туристской мобильности является одним из значимых критериев развития туристского бизнеса и его прогнозирования, осуществляемого как на международном, национальном, так и на региональном уровнях. При этом расчет производится как в разрезе групп стран, отдельных государств, так и отдельных регионов, приграничных или трансграничных территорий. В качестве примера можно привести практику региона ОБСЕ. Оценка объемов трансграничной мобильности осуществляется на основе количественного анализа числа посещений иностранцами каждого государства-участника с учетом заявленной цели поездки на основе официальной статистики Всемирной туристской организации ООН. Исследования проводятся «с целью выявления достигнутых государствами – участниками ОБСЕ успехов в деле выполнения принятых ими обязательств», направленных на содействие

расширению возможностей «осуществления их гражданами поездок по личным и профессиональным причинам» (Трансграничная мобильность..., 2014). Отметим, что в международной практике при расчете туристских потоков, включая трансграничные туристские потоки, имеются существенные ограничения. Так, ограничением в расчете является отсутствие данных по государствам Шенгенского соглашения, где после упразднения проверок на сухопутных границах точный подсчет трансграничных передвижений не регистрируется (Трансграничная мобильность..., 2014).

В научном сообществе для оценки трансграничной туристской мобильности и ее влияния на региональное развитие применяются методы экспертных оценок, статистического анализа и экономико-математического моделирования. В моделировании влияния трансграничной туристской мобильности на развитие территорий (национального и регионального уровней) широкое применение за рубежом получили гравитационные модели, работы российских исследователей с использованием данного инструментария практически отсутствуют. Российскими исследователями для оценки положительного и отрицательного влияния трансграничной туристской мобильности на экономическое развитие предлагается рассмотрение ряда показателей: цели визита, структура и величина расходов, удаленность конечных целей от границы (Зайцева и др., 2016). Учитывая значимость приграничного туризма, интересна методика расчета приграничной специализации туристского обмена, разработанная Н.П. Жук и Н.М. Межевичем, и характеризующая туристскую активность между приграничным регионом и сопредельным государством (Межевич, Жук, 2013).

Обобщая теоретические и практические аспекты рассмотрения трансграничной туристской мобильности (туристских потоков), по аналогии с выделением направлений к исследованию трансграничных фронтальерских миграций (Колосов, 2016) можно обозначить следующие подходы к ее изучению:

– *экономико-географический*: оценка динамики, объемов и направлений туристских потоков, делимитация границ туристских районов, функциональная взаимосвязанность и соотношение потенциала приграничных регионов сопредельных государств и пр.;

– *экономический*: раскрывает экономические аспекты взаимовлияния туристской мобильности на развитие региональной экономики и приграничных регионов сопредельных государств;

– *междисциплинарный пограничный (border studies)*: комплексный анализ феномена трансграничной туристской мобильности, включая зависимость от режима границы, институциональных, политических и иных факторов.

Методы и подходы

Целями данной статьи являются обоснование значимости трансграничной туристской мобильности и выявление ее влияния на социально-экономическое развитие приграничья на основе обобщения имеющихся наработок российских и зарубежных ученых по исследуемой проблематике и собственных на-

блюдений автора. Рассмотрение данного вопроса в работе представлено на примере приграничных регионов Северо-Запада России.

Для достижения поставленных целей были решены следующие задачи: рассмотрено понятие «трансграничная туристская мобильность», обоснована значимость трансграничной туристской мобильности для социально-экономического развития приграничья, выделены факторы ее активизации.

В статье изучен подход к проблематике трансграничной туристской мобильности в фокусе ее влияния на социально-экономическое и социокультурное развитие приграничья.

Трансграничная туристская мобильность в приграничье: выгоды и риски

Проблематика воздействия трансграничной туристской мобильности на социально-экономическое и социокультурное развитие приграничья многоаспектна. При этом в зависимости от выбранного фокуса внимания (развитие местного сообщества, экономическое и пространственное развитие территории) ряд выгод и рисков для социально-экономического развития территорий будет изменяться по разные стороны границы.

Среди выгод трансграничной туристской мобильности исследователи указывают успешное использование локальным сообществом приграничной ренты: возможность совершения регулярных покупок, проведения досуга и получения различных услуг в сопредельном государстве (Kolosov et al., 2015; Колосов, 2016). При этом наибольшей интенсивностью характеризуются участки между регионами (городами), где наблюдается значительный разрыв в уровне доходов на душу населения, экономическом развитии, структурных и институциональных различиях по разные стороны границы.

Развитие трансграничного шопинг-туризма рассматривается в качестве ежедневной активности, улучшающей уровень и качество жизни местного населения в приграничье. При этом с отдалением места проживания потребителя от границы стоимость совершенных покупок возрастает с одновременным снижением частоты путешествий (Tömöri, 2010). Особое значение имеют системы Tax Free и Invoice, культура обслуживания, инфраструктурные особенности торговли, а также магазины беспошлинной торговли Duty Free (Степанова, Шлапеко, 2018). Достопримечательности, объекты посещения, интересные культурные события, медицинские услуги (Bar-Kořelis, Wiskulski, 2012; Studzinska et al., 2018), наряду с выгодами шопинг-туризма, представляются фактором привлечения туристов сопредельного государства в приграничье (Шлапеко, Степанова, 2018). В своей работе Т. Макконен, исследователь Университета Южной Дании, посвященной маркетингу территорий, шопинг-туризму и туристским аттракциям, резюмирует, что шопинг-туризм представляет собой составную часть туристской привлекательности территории, впечатлений и опыта туриста (Makkonen, 2016).

Преимуществом для населения многих приграничных регионов является возможность безвизового, упрощенного посещения территории сопредельных государств, получения многократной визы. Так, гражданам РФ, проживающим в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) и имеющим посто-

янную или временную регистрацию, не требуется предоставления документа для обоснования цели поездки. Наличие визового центра в Петрозаводске значительно упрощает процедуру получения визы жителям Республики Карелия, которые могут оформить ее сроком на два года и продолжительностью 360 дней (Степанова, Шлапеко, 2018). Интересным феноменом выездов россиян в финское приграничье является посещение Финляндии с целью обеспечения «хорошей финской визовой истории» (получение дополнительных штампов в паспорте) для возможности путешествий в другие страны Шенгенского союза, используя для этой цели однодневные недорогие автобусные поездки шоппинг-туризма (Studzinska et al., 2018). Таким образом, решающее значение в развитии шоппинг-туризма жителей приграничных регионов СЗФО имеют транспортная и ценовая доступность, возможность получения многократной шенгенской визы, удобство работы международных пунктов пропуска на государственной границе (Степанова, Шлапеко, 2018).

Исследователи указывают, что значимым эффектом развития трансграничного шоппинг-туризма являются появление общего языка (принятие применения одного или двух) в приграничье и возникновение постоянных контактов и трансграничных социальных взаимодействий (Tömöri, 2010). Кроме того, посещение страны с иной культурой и стилем жизни может привести некоторые новые привычки в повседневную жизнь путешественников (Studzinska et al., 2018). Так, В.А. Колосов указывает, что на рубежах РФ и ЕС «формируется особая социальная общность людей, чья повседневная жизнь по разным причинам связана с регулярным пересечением границы» (Колосов, 2016).

В качестве положительного экономического влияния на диверсификацию экономики региона обозначается активизация местной торговли товарами и услугами, что с учетом мультипликативного эффекта оказывает влияние на рост производства продукции ряда секторов экономики и сопутствующих услуг (развитие сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, увеличение числа АЗС с сопутствующей инфраструктурой) (Bar-Kořelis, Wiskulski, 2012; Зайцева и др., 2016; Шлапеко, Степанова, 2018). Так, И.И. Пирожник указывает, что при выполнении транзитных функций «складывается особый ландшафт, для которого характером является наличие пунктов обмена валюты, отделений страховых компаний, ресторанов, автозаправочных станций и туристских информационных центров» (Пирожник, 2016). При усилении трансграничной туристской мобильности «многие приграничные районы из заброшенной периферии, удаленной от главных центров в пределах государственных территорий, превращаются в зоны контакта хозяйства соседних стран, локомотивы интеграции и экономического развития» (Колосов, 2016). Так, интенсификация въездного потока российских граждан послужили толчком развития ряда приграничных городов Финляндии и воеводств на северо-востоке Польши. Например, Лаппеенранта из малого приграничного городка преобразился в торговый центр, привлекательный для российских туристов (в 2013 г. из 2 млн туристов 1,8 млн чел. составили россияне при численности населения, равной 75 тыс. чел.). Пригра-

нические города стали открывать торговые центры, в том числе недалеко от госграницы (например, Laplandia Market в 800 м от пограничного перехода Брусничное), гостиницы разного ценового уровня и развивать сопутствующие услуги (активный отдых, спа-центры, аквапарки), совершенствуя рекламную компанию на русском языке, публиковать рекламно-информационные материалы в СМИ, социальных сетях, на туристских порталах и в торговых центрах Санкт-Петербурга (Степанова, Шлапекко, 2018).

При этом большинство шопинг-путешественников из Польши, Эстонии, Латвии, Финляндии, въезжающие в Россию с целью приобретения топлива, достигают лишь ближайших АЗС (Anisiewicz, Palmowski, 2014; Kolosov et al., 2015; Бьёрн, 2015). Так, в Ивангороде с населением 6 тыс. чел. шесть АЗС функционируют, ориентируясь в большей степени на потребности жителей сопредельного государства (Kolosov et al., 2015). Вместе с тем М. Венцковский подчеркивает роль и значимость трансграничной туристской мобильности как важного фактора развития приграничья, даже если пребывание посетителя длится всего несколько часов (Więckowski, 2010).

Кроме экономической выгоды от интенсификации трансграничной мобильности исследователями выделяются косвенные выгоды. Так, для карельской части российско-финляндского приграничья характерно распространение культуры индивидуального жилья, изменение главной оси развития региона с севера – юга на запад – восток, что открывает новые возможности развития периферии, позволяя приграничным малым городам обрести второе дыхание (Колосов, 2016).

Одновременно исследователями выделяются возможные негативные последствия и риски для территории: утрата интереса жителей сопредельного государства к товарам и услугам, зеркальные прибыли и убытки компаний по разные стороны границы (Bar-Kołelis, Wiskulski, 2012; Большев и др., 2015; Зайцева и др., 2016; Гуменюк и др., 2016). В.А. Колосов подчеркивает, что «модель трансграничного взаимодействия, основанная только на использовании приграничной ренты, неустойчива» (Колосов, 2016). Например, санкции, колебание курса валют, обострение отношений между партнерами могут резко сократить или даже прекратить возможности трансграничных обменов. В подтверждение можно привести пример российско-польского приграничья, когда, «несмотря на официальные просьбы властей приграничных воеводств, Варшава не восстановила малое приграничное передвижение (МПП), поскольку якобы из Калининградской области и в целом России исходят угрозы безопасности Польши и всех стран НАТО» (Колосов, 2016). Другим примером может служить практика российско-финляндского приграничья. Так, введение санкций против России и рост курса евро негативно отразились на въездном потоке российских туристов в Финляндию, в результате в декабре 2014 г. беспопулярные продажи в приграничных городах Финляндии снизились более чем на 70 % (Степанова, Шлапекко, 2018). Ужесточение режима пропуска «может привести к замиранию не только хозяйственных, но и культурно-бытовых связей», что «может вызвать замедле-

ние развития приграничных территорий, усилить почти повсеместно наблюдаемый отток населения, породить долговременное ухудшение социального климата и утрату социального капитала пограничного сотрудничества» (Колосов и др., 2016).

Факторы активизации трансграничной туристской мобильности

Учитывая наблюдаемый положительный эффект в развитии трансграничной туристской мобильности как для локального сообщества, так и в целом для приграничной территории, а также усиливающуюся конкуренцию за туриста, наблюдаемую в туристском бизнесе, представляется значимым выделение факторов активизации трансграничных перемещений с туристскими целями.

Кроме уровня развития трансграничной транспортно-логистической, пограничной и таможенной инфраструктуры, решающее значение для возможности осуществления трансграничной туристской мобильности имеют формальности получения необходимых документов для пересечения государственных границ, а также процедура ее прохождения. А.Ю. Александрова указывает, что «любое упрощение визовых формальностей увеличивает турпоток на конкретном направлении как минимум на 20–30 %» (Александрова, 2017). В работах исследователей российско-польского приграничья обозначается значение механизма малого приграничного передвижения, позволяющего без получения визы при наличии разрешения установленной формы посещение территории сопредельного государства на определенных условиях. Значительное увеличение трансграничного потока от внедрения МПП наблюдалось на границе с Польшей. Так, Р. Анисевич и Т. Пальмовский, исследователи Университета Гданьска, указывают, что за период 2010–2013 г. произошел 12-кратный рост числа российских шопинг-туристов в торговый центр польского Труймасто. При этом почти в три раза возросло число предоставленных Invoice и рост их совокупной суммы в 1,7 раза (Anisiewicz, Palmowski, 2014). Таким образом, развитие МПП представляется значительным фактором активизации трансграничных поездок населения приграничья (Пирожник, 2016) как для поддержания локальных социальных контактов по обе стороны границы, так и для совершения регулярных поездок в социальных, культурных, семейных и экономических целях (Зайцева и др., 2016). С 2016 г. МПП между Польшей и Россией приостановлено.

На развитие приграничного шопинг-туризма, как подчеркивают исследователи, влияют принимаемые законодательные инициативы в отношении ввоза/вывоза отдельных групп товаров, изменение курса валют и другие факторы функционирования приграничной торговли и туризма (Зайцева и др., 2016; Степанова, Шлапек, 2018)

Таким образом, среди наиболее существенных и значимых положительных аспектов влияния трансграничной туристской мобильности на развитие экономики приграничья:

1) экономически целесообразное приобретение товаров и услуг (качество и ассортимент);

- 2) развитие транспортно-логистической и придорожной инфраструктуры;
- 3) воспроизводство, сохранение и развитие локальной культуры и традиций;
- 4) формирование климата добрососедства и благоприятного имиджа страны в целом.

Подводя итог, можно выделить ряд факторов, влияющих на интенсивность трансграничной туристской мобильности: геополитические, экономико-географические, инфраструктурные, институциональные, социокультурные и др.

Выводы

Проведенное исследование позволяет обосновывать значимость трансграничной туристской мобильности в социально-экономическом развитии приграничья. Обобщение теоретических и практических аспектов исследуемой проблематики позволило выявить несколько общих тенденций в развитии трансграничной туристской мобильности в приграничье СЗФО, а именно:

1) значительную асимметрию взаимных трансграничных туристских потоков;

2) активно проводимую маркетинговую политику бизнеса сопредельных государств (Польша, Финляндия) по стимулированию въездного потока российских граждан с туристскими целями.

В конкурентной борьбе за финансовые ресурсы туристов решающее значение приобретает не только удаленность населенного пункта от государственной границы, но и его насыщенность необходимыми для потребителя товарами и услугами. Либерализация визового пространства России (введение электронных и многократных виз, установление 72-часового безвизового пребывания для пассажиров речных круизов и иные механизмы) является действенным инструментом содействия развитию международного туризма в приграничных регионах Северо-Запада России.

Благодарности. Автор выражает благодарность за конструктивные и полезные комментарии и рекомендации рецензентов. Исследование подготовлено в рамках реализации проекта № ААААА191190109900888 от 19.01.2019 г. «Методология системного исследования и управления развитием экономического и социокультурного пространства северного и приграничного поясов России в контексте национальной безопасности».

Список литературы

- Александрова А.Ю.* География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды // Проблемы. Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 1. С. 95–108.
- Большев О.Н., Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю.* Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах Республики Польша // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 135–149.
- Бьёрн И.* Пограничная провинция: основные черты развития Северной Карелии после Второй мировой войны // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 2. С. 4–16.

- Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 97–117.
- Зайцева Н.А., Корнеевец В.С., Кропинова Е.Г., Кузнецова Т.Ю., Семенова А.В. Влияние приграничных передвижений и обменов на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества (на примере российско-польского приграничья) // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 94–101.
- Колосов В.А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 83–93.
- Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.В. Барьерная функция российских границ // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 5. С. 8–20.
- Межевич Н.М., Жук Н.П. Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 38–52.
- Мирошниченко О.В., Понкратова Л.А. Международные туристские миграции как фактор интеграционных процессов между регионами России и Китая // Управление экономическими системами. 2011. № 32. С. 1–42.
- Пирожник И.И. Туристские миграции в трансграничном регионе как фактор активизации экономического сотрудничества (на примере белорусско-польского пограничья) // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 2. С. 141–150.
- Степанова С.В. Туристическая инфраструктура приграничных регионов России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 2 (70). С. 51–64.
- Степанова С.В., Шлапек Е.А. Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 103–117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7.
- Трансграничная мобильность в регионе ОБСЕ. Анализ существующей ситуации. Варшава: Agencja Kargo, 2014. С. 163.
- Цапенко И.П. Трансграничная мобильность населения: обновление формата // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 11. С. 992–1002.
- Шлапек Е.А., Степанова С.В. Современные вызовы для малых приграничных городов // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 495–505.
- Anisiewicz R., Palmowski T. Small border traffic and cross-border tourism between Poland and the Kaliningrad oblast of the Russian Federation // *Quaestiones Geographicae*. 2014. Vol. 33. No. 2. Pp. 79–86.
- Bar-Koletis D., Wiskulski T. Cross-border shopping at polish borders tri-city and the Russian tourists // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2012. Year V. Vol. 9. No. 1. Pp. 43–51.
- Kolosov V.I., Klemeshev A.P., Zotova M.V., Sebentsov A.V. Russia – European Union borderlands: transboundary gradients, interactions and current challenges // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2015. No. 5. Pp. 5–12.
- Makkonen T. Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark // *Scandinavian journal of hospitality and tourism*. 2016. Vol. 16. Supplement 1. Pp. 36–50. doi: 10.1080/15022250.2016.1244506.
- Studzinska D., Sivkoz A., Domaniewski S. Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland // *Norsk Geografisk Tidsskrift [Norwegian Journal of Geography]*. 2018. Vol. 72. Issue 2. Pp. 115–126.
- Tötöri M. Investigating shopping tourism along the borders of Hungary – a theoretical perspective // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2010. Year III. Vol. 6. No. 2. Pp. 202–210.
- Więckowski M. Tourism development in the borderland of Poland // *Geographia Polonica*. 2010. Vol. 83. No. 2. Pp. 67–81.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.08.2019

Дата проверки: 10.09.2019

Дата принятия к печати: 05.10.2019

Для цитирования:

Степанова С.В. Трансграничная туристская мобильность в приграничье: теоретические и практические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 563–575. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-563-575>

Сведения об авторе:

Степанова Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики, Карельский научный центр Российской академии наук. E-mail: svkorka@mail.ru

Research article

**Cross-border tourist mobility in borderland:
theoretical and practical aspects**

Svetlana V. Stepanova

Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, 185030, Russian Federation

Abstract. The socio-economic transformations of Russia as well as the change in the functions of state borders in the context of integration processes in the global society, along with the change in the perception of the tourism at the level of government, business and society, served as a prerequisite for the tourist vector of development of border areas. The increasing competition for the financial resources of tourists contributes to a change in the socio-economic space of the territories, which is most noticeable in the borderlands. The article substantiates the importance of cross-border tourist mobility in the development of the borderland. Depending on the chosen focus of attention (development of the local community, economic and spatial development of the territory), the benefits and risks for the socio-economic development of the territory are different for the both sides of the border. The cross-border tourist mobility is considered on the example of the Russian-Polish and Russian-Finnish borderlands. A significant asymmetry of mutual cross-border tourist flows has been revealed. This tendency will increase thanks to the actively pursued marketing policy of the business of neighboring countries to stimulate the entry flow of Russian citizens with tourist purposes.

Keywords: cross-border tourist mobility; borderland; Finland; Poland

Acknowledgements. The author is grateful for constructive and helpful comments and suggestions offered by the reviewers. The paper was prepared within the implementation of State Order No. AAAA-A19-119010990088-8 of 19.01.2019 “Methodology of system research and management development of the economic, social and cultural space of the northern and border areas of Russia in the context of national security.”

References

- Aleksandrova A.Yu. (2017). Geography of tourist flows in the Russian Federation: statistics, trends, challenges. *Problems. Science. Innovation Technology*, (1), 95–108. (In Russ.)
- Anisiewicz R., Palmowski T. (2014). Small border traffic and cross-border tourism between Poland and the Kaliningrad oblast of the Russian Federation. *Quaestiones Geographicae*, 33(2), 79–86.
- Bar-Kořelis D., Wiskulski T. (2012) Cross-border shopping at polish borders tri-city and the Russian tourists. *GeoJournal of Tourism and Geosites*, 9(1), 43–51.
- Björn I. (2015). Border province: the main features of the development of North Karelia after World War II. *Studia Humanitatis Borealis*, 2(5), 4–16. (In Russ.)
- Bolychev O.N., Gumenyuk I.S., Kuznetsova T.Yu. (2015). Local border traffic and the development of retail trade in the Kaliningrad region and Polish borderlands. *Baltic region*, 4(26), 102–112. (In Russ.)
- Transgranichnaya mobil'nost' v regione OBSE. Analiz sushchestvuyushchei situatsii [Cross-border mobility in the OSCE region. Analysis of the existing situation]* (p. 163). (2014). Warsaw: Agencja Karo. (In Russ.)
- Gumenyuk I., Kuznetsova T., Osmolovskaya L. (2016). Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation. *Baltic region*, 80(1), 67–82. (In Russ.)
- KolosoV V.A. (2016). Cross-border regionalization and frontal migration: European experience for Russia? *Regional studies*, 3(53), 83–93. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Zotova M.V., Sebentsov A.V. (2016). Barrier function of Russian borders. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, (5), 8–20. (In Russ.)
- KolosoV V.I., Klemeshev A.P., Zotova M.V., Sebentsov A.V. (2015). Russia-European Union borderlands: transboundary gradients, interactions and current challenges. *International Journal of Economics and Financial Issues*, (5), 5–12.
- Makkonen T. (2016). Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark. *Scandinavian journal of hospitality and tourism*, 16(1), 36–50. doi: 10.1080/15022250.2016.1244506.
- Mezhevich N.M., Zhuk N.P. (2013). Cross-border specialization of interregional interaction: applying new assessment methods. *Baltic region*, 1(15), 38–52. (In Russ.)
- Miroshnichenko O.V., Ponkratova L.A. (2011). International tourist migrations as a factor of integration processes between Russian and Chinese regions. *Management of economic systems*, (32), 1–42. (In Russ.)
- Pirozhnik I.I. (2015). Tourist migration in cross-border region as a factor of enhancing economic cooperation (exemplified by Belarusians-Polish borderland). *Security Issues in Russian Society*, (2), 141–150. (In Russ.)
- Shlapeko E.A., Stepanova S.V. (2018). Contemporary challenges for small border cities. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 495–505. (In Russ.)
- Stepanova S.V. (2014). Tourism infrastructure in border regions of Russia: current status and problems. *Baltic region*, 2(70), 51–64. (In Russ.)
- Stepanova S.V., Shlapeko E.A. (2018). Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands. *Baltic region*, 10(4), 103–117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7. (In Russ.)
- Studzinska D., Sivkoz A., Domaniewski S. (2018). Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland. *Norsk Geografisk Tidsskrift [Norwegian Journal of geography]*, 72(2), 115–126.
- Tömöri M. (2010). Investigating shopping tourism along the borders of Hungary – a theoretical perspective. *GeoJournal of Tourism and Geosites*, 6(2), 202–210.
- Tsapenko I.P. (2018). Cross-border population mobility: format update. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 88(11), 992–1002. (In Russ.)

Więckowski M. (2010). Tourism development in the borderland of Poland. *Geographia Polonica*, 83(2), 67–81. doi: 10.7163/GPol.2010.2.5.

Zaitseva N.A., Korneevets V.S., Kropinova E.G., Kuznetsova T.Yu., Semenova L.V. (2016). Effect of cross-border movements and exchanges on the economic diversification of the cross-border cooperation regions (case for the Russian-Polish borderlands). *Regional studies*, 3(53), 94–101. (In Russ.)

Article history:

Received: 05.08.2019

Revised: 10.09.2019

Accepted: 05.10.2019

For citation:

Stepanova S.V. (2019). Cross-border tourist mobility in borderland: theoretical and practical aspects. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 563–575. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-563-575>

Bio note:

Svetlana V. Stepanova, Candidate of Economic Sciences, research fellow of the Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svkorka@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-576-586
UDC 331.5

Research article

Methodical approach to assessing the volume of youth labour migration in the states of the Eurasian Economic Union

Alena A. Veselko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. Labour migration plays an integral role in the socio-economic development of any country; it affects both the structure and the size, the social and economic spheres of society. Therefore, it is necessary to monitor the migration process, because, in the future, it can have a positive impact on the economic growth of the country. The article proposes a model for macro-economic assessment of the volume of youth labor migration in the states of the Eurasian Economic Union (EAEU). The model is based on the ideas of labor migration in the form of a random Markov process with discrete states and continuous time. The chain states are interpreted as the labour market of the youth of the respective EAEU states, and the transition rates reflect the attractiveness of these markets for young people from different states. This made it possible to take into account the inherent uncertainty and inertia in the process of youth migration.

Keywords: Eurasian Economic Union; labour markets; youth labour migration; methodical approach; forecasting; evaluation

Introduction

The youth labor market is an independent, integral segment of the collective labor market. It stands out based on functioning in the society of young people as a particular socio-demographic group that has particular needs and interests and also occupies a specific role in the reproduction of labor relations. The young population, university graduates, make up a significant part of the working-age population. Besides, they play a crucial role in the reproduction and development of labor resources and are the main innovative potential. In general, the creation of decent jobs for young people who enter the labor market every year is an essential element of development towards the prosperity of the national economy. At the same time, the youth labor market in the EAEU countries is not yet sufficiently developed. At the same time, the EAEU is a promising integration association. Its labor market requires forecasting and identifying the primary vectors for further development, improving both the existing labor market management system of

© Veselko A.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the participating countries, and finding opportunities and practical tools for integrating the national labor markets of new participants in the collective labor space of the EAEU (Anisiforov et al., 2012; Silkina, 2010; Anisimov et al., 2015; Saurenko et al., 2019; Chvarkov, 2016).

The formation of the rational youth policy of the EAEU states is not possible without an a priori assessment of the results of political decisions. An essential element of this assessment is forecasting the volume of youth labor migration. The volumes of labor migration in the EAEU countries depends on a sufficiently large number of factors that characterize both the youth policy of the states and their inherent economic and demographic conditions. In the system of these factors, the leading place belongs to such factors as the volume of labor markets of young people of the states, the volume of labor resources of young people, the degree of satisfaction of the needs of young people in each of the states. Consequently, the model for macroeconomic assessment of the volume of labor migration and, in general, the youth policy pursued by the EAEU states, first of all, it should take into account the indicated main factors (Rodionova et al., 2016; Anisimov et al., 2015; Boiko et al., 2008; Blau et al., 2017; Anisimov et al., 2017). The development of such a model is the purpose of this article.

The general scheme of the migration process

A generalized scheme of possible labor migration of young people within the EAEU is shown in Figure.

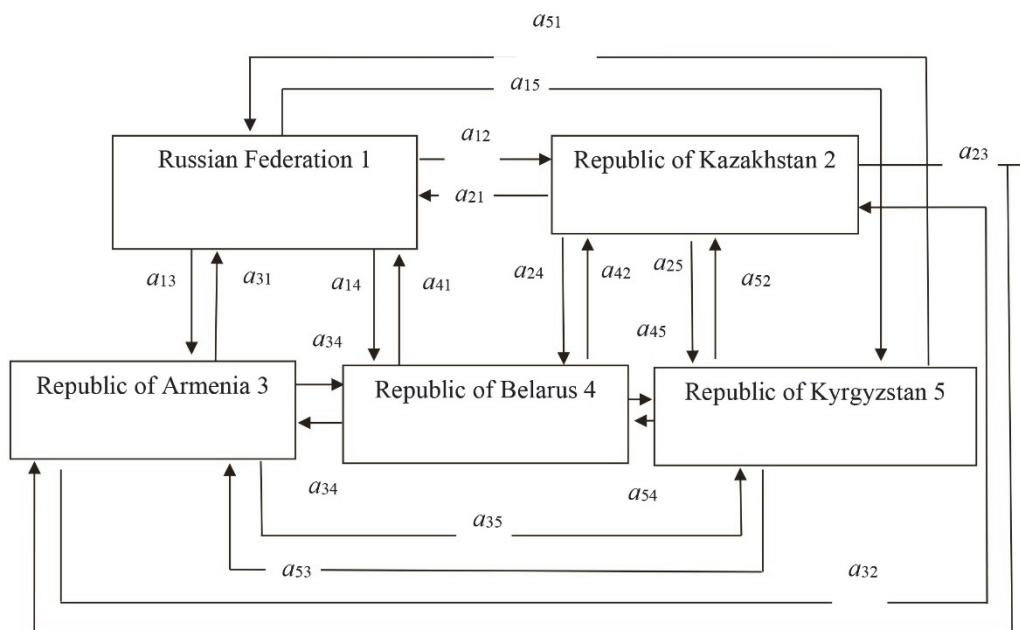

Figure. Generalized scheme of possible labor migration of young people within the framework of the EAEU

Source: Compiled by the authors.

Within the framework of such a schematization, the attractiveness of the labor market in terms of youth migration can be represented as a random Markov process of wandering representing points over a variety of states ($i = 1, 2, 3, 4, 5$). Here, the state $i = 1$ corresponds to the youth labor market of the Russian Federation, $i = 2$ to the youth labor market of the Republic of Kazakhstan, $i = 3$ to the youth labor market of the Republic of Armenia, $i = 4$ to the youth labor market of the Republic of Belarus, $i = 5$ to the youth labor market of the Republic Kyr-gyzstan.

The attractiveness of the labor market of each of the states is interpreted as the probability of finding the representing point in the corresponding state.

Model of the dynamics of the attractiveness of youth markets of the EAEU states

In the interests of a formalized presentation of the process of youth labor migration in the EAEU, let us designate: p_i – the probability of finding the representing point in the state i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$); a_{ij} – is the intensity of the transition of a representing point from the state i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$) to the state j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$), where $i \neq j$.

Then, the process in question is formally described by the following system of Kolmogorov differential equations:

$$\left\{ \begin{aligned} \frac{dp_1(t)}{dt} &= -(a_{12} + a_{13} + a_{14} + a_{15})p_1(t) + a_{21}p_2(t) + a_{31}p_3(t) + a_{41}p_4(t) + a_{51}p_5(t) \\ \frac{dp_2(t)}{dt} &= a_{12}p_1(t) - (a_{21} + a_{23} + a_{24} + a_{25})p_2(t) + a_{32}p_3(t) + a_{42}p_4(t) + a_{52}p_5(t) \\ \frac{dp_3(t)}{dt} &= a_{13}p_1(t) + a_{23}p_2(t) - (a_{31} + a_{32} + a_{34} + a_{35})p_3(t) + a_{43}p_4(t) + a_{53}p_5(t) \\ \frac{dp_4(t)}{dt} &= a_{14}p_1(t) + a_{24}p_2(t) + a_{34}p_3(t) - (a_{41} + a_{42} + a_{43} + a_{45})p_4(t) + a_{54}p_5(t) \\ \frac{dp_5(t)}{dt} &= a_{15}p_1(t) + a_{25}p_2(t) + a_{35}p_3(t) + a_{45}p_4(t) - (a_{51} + a_{52} + a_{53} + a_{54})p_5(t) \end{aligned} \right. \quad (1)$$

With the condition of rating:

$$p_1(t) + p_2(t) + p_3(t) + p_4(t) + p_5(t) = 1. \quad (2)$$

For a constructive representation of the model (1), (2), it is necessary to determine the intensities a_{ij} of transitions representing a point from the state i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$) to the state j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$), $i \neq j$. In the interests of their determination, we introduce the values b_i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$), reflecting the average level of real wages of young people in the countries under consideration. These values can be determined based on the ratio

$$b_i = \frac{z_i}{K_i}, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5, \quad (3)$$

where z_i – is the average salary of young people in the i -th state; K_i – is the cost of the consumer basket of youth in the i -th state.

Then the intensities of the transitions a_{ij} of the transitions representing the points from the state i ($i = 1, 2, 3, 4, 5$) to the state j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$), $i \neq j$, are determined by the relation

$$a_{ij} = R \frac{b_j}{b_i}, \quad i, j = 1, 2, 3, 4, 5; \quad i \neq j, \quad (4)$$

where R – is the scale factor.

In model R , it is equal to the annual volume of youth labor migration to the EAEU. As initial conditions for the integration of the system of differential equations (1), the following values can be taken:

$$p_i(0) = \frac{N_i}{\sum_{i=1}^5 N_i}, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5, \quad (5)$$

where N_i – is the number of employed youth in the i -th state.

Relations (1) – (5) are a model of the dynamics of the attractiveness of the youth markets of the EAEU states under the assumption that their labor market is closed, that is, there is no leakage of labor resources into the external ones concerning the EAEU state.

In the steady-state system (1) is reduced to the following system of algebraic equations:

$$\begin{cases} 0 = -(a_{12} + a_{13} + a_{14} + a_{15})p_1 + a_{21}p_2 + a_{31}p_3 + a_{41}p_4 + a_{51}p_5 \\ 0 = a_{12}p_1 - (a_{21} + a_{23} + a_{24} + a_{25})p_2 + a_{32}p_3 + a_{42}p_4 + a_{52}p_5 \\ 0 = a_{13}p_1 + a_{23}p_2 - (a_{31} + a_{32} + a_{34} + a_{35})p_3 + a_{43}p_4 + a_{53}p_5 \\ 0 = a_{14}p_1 + a_{24}p_2 + a_{34}p_3 - (a_{41} + a_{42} + a_{43} + a_{45})p_4 + a_{54}p_5 \\ 1 = p_1 + p_2 + p_3 + p_4 + p_5 \end{cases} \quad (6)$$

Denote:

$$\begin{aligned} -(a_{12} + a_{13} + a_{14} + a_{15}) &= a_{11}; \\ -(a_{21} + a_{23} + a_{24} + a_{25}) &= a_{22}; \\ -(a_{31} + a_{32} + a_{34} + a_{35}) &= a_{33}; \\ -(a_{41} + a_{42} + a_{43} + a_{45}) &= a_{44}. \end{aligned}$$

Then system (6) takes the form

$$\begin{cases} 0 = a_{11}p_1 + a_{21}p_2 + a_{31}p_3 + a_{41}p_4 + a_{51}p_5 \\ 0 = a_{12}p_1 + a_{22}p_2 + a_{32}p_3 + a_{42}p_4 + a_{52}p_5 \\ 0 = a_{13}p_1 + a_{23}p_2 + a_{33}p_3 + a_{43}p_4 + a_{53}p_5 \\ 0 = a_{14}p_1 + a_{24}p_2 + a_{34}p_3 + a_{44}p_4 + a_{54}p_5 \\ 1 = p_1 + p_2 + p_3 + p_4 + p_5 \end{cases} \quad (7)$$

Or in the matrix entry form

$$AP = B, \quad (8)$$

$$\text{where } A = \begin{bmatrix} a_{11} & a_{21} & a_{31} & a_{41} & a_{51} \\ a_{12} & a_{22} & a_{32} & a_{42} & a_{52} \\ a_{13} & a_{23} & a_{33} & a_{43} & a_{53} \\ a_{14} & a_{24} & a_{34} & a_{44} & a_{54} \\ 1 & 1 & 1 & 1 & 1 \end{bmatrix}, \quad P = \begin{bmatrix} p_1 \\ p_2 \\ p_3 \\ p_4 \\ p_5 \end{bmatrix}, \quad B = \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \\ 1 \end{bmatrix}. \quad (9)$$

D denotes the determinant of the matrix A . Since each of the rows of the matrix A , by definition, has nonzero elements, then $D \neq 0$. Consequently, the system of algebraic equations is definite and has one solution. The roots of this system can be calculated using Cramer's formulas:

$$p_i = \frac{D_i}{D}, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5, \tag{10}$$

where D_i – is the determinant of the matrix obtained from matrix A by replacing the i -th column with vector B .

In general, relations (1) – (5) reflect the dynamics of the attractiveness of the EAEU states for labor migration, and relations (6) – (10) reflect their ultimate attractiveness. At the same time, the limited labor markets of the EAEU states do not allow to place all labor resources within one state. Therefore, in the model of labor migration of young people, it is necessary to take into account this circumstance.

Formalized view of the migration process

It is natural to assume that markets will be filled as attractiveness decreases (Likhacheva et al., 2014; Anisimov, Gorbatov, Saurenko, 2013; Anisimov, Anisimov, 2007; Silkina, Shevchenko, 2018; Chernysh et al., 2006; Il'in et al., 2018). At the same time, the filling of each labor market is primarily carried out at the expense of national cadres. The correctness of this assumption is since each of the states is primarily interested in the preservation of their labor resources. Also, kinship and cultural ties will keep young people in their states. The shortage of labor resources of the states will be compensated by the migration of young people from other states. At the same time, the most massive migration flow should be expected from the states with the lowest average wage level of young people (Silkina, 2018; Chvarkov, Kharchekno et al., 2017; Serba, 2014; Serba, Noskov, 2015). For a formalized representation of these circumstances, we introduce the following notation:

$M = \{m_1, m_2, m_3, m_4, m_5\}$ – the vector of the volume of youth labor markets in the respective EAEU states;

$Y = \{y_1, y_2, y_3, y_4, y_5\}$ – vector of the labor force of young people in the relevant EAEU states.

Then the number of N_i employed youth in the i -th ($i = 1, 2, 3, 4, 5$) state is determined by the ratio:

$$N_i = \begin{cases} p_i M^*, & \text{если } p_i M^* \leq m_i, \\ m_i, & \text{если } p_i M^* > m_i \end{cases}, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5, \tag{11}$$

where $M^* = \sum_{i=1}^5 m_i$.

To assess the national composition of young people employed in the i -th EAEU state, we construct a variation series of preferences for the youth labor markets of the EAEU states:

$$p_i(1) > p_i(2) > p_i(3) > p_i(4) > p_i(5), \quad i = 1, 2, 3, 4, 5. \tag{12}$$

We will assume that the i -th labor market is the most preferable for the youth of the i -th state. The preference of this market for the youth of other states decreases as the values of p_j decrease ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) $j \neq i$. Then the shares of the youth of the EAEU states in the composition of the employed i -th state of the youth can be determined based on Fishburne rating for

$$w_i > w_2 > w_3 > w_4 > w_5, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5, \tag{13}$$

obtained from (12) by replacing the first element by p_i .

The relation determines Fishburne rating for the variation series (13) (Lipatova, Chernysh et al., 2011; Anisimov et al., 2016; Balyasnikov, Vedernikov et al., 2015):

$$F_i = \frac{5-i+2}{5 \times 2^i}, \quad i = 1, 2, 3, 4, 5. \tag{14}$$

The quantitative values of these estimates are shown in Table 1.

Table 1

Fishburne rating for the preference of the youth labor markets of the EAEU states

№ element of the variation series	1	2	3	4	5
Fishburne Rating (F_i)	0.600	0.250	0.100	0.038	0.012

Source: Compiled by the author.

Based on the assumption that labor markets will be filled as their overall attractiveness decreases, the procedure for determining the ethnic composition of young people employed in the i -th EAEU state is as follows:

1) to build a variation series (12);

2) build a Table 1, where N_j^* – the volume of labor resources of the youth of the employed state with the number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation series (12); y_j^* – the volume of labor resources of the state with the number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation series (12); N_{1j}^* – the volume of labor resources of the state with the number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation number, employed in the first state of the variation number.

3) to determine the remains $K_{j(1)}$ of the volume of labor resources in the states after the first iteration of their distribution: $K_{j(1)} = y_j - N_{1j}^*, \quad j = 1, 2, 3, 4, 5$;

4) make a variation series (13) for the second state in the series (12);

5) make Table 3, where N_j^* – the volume of labor resources of the youth of the employed state with the number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation series (13); $K_{j(1)}^*$ – the volume of labor resources of the state number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation number (13) unallocated during the previous (first) iteration; N_{2j}^* – the volume of labor resources of the state with the number j ($j = 1, 2, 3, 4, 5$) in the variation number, employed in the first state of the variation number (13);

Table 2

The volume of labor resources of the states employed in the first state for a variational series

Number in the variant number (12)	State name/ country	The volume of youth employed in the state	Fishburne rating	The volume of labor resources of the states employed in the first state for a variational series
1	Russian Federation	N_1^*	$F_1=0.600$	$N_{11}^* = \begin{cases} N_1^* F_1, & \text{если } N_1^* F_1 \leq y_1^* \\ y_1^*, & \text{если } N_1^* F_1 > y_1^* \end{cases}$
2	Republic of Kazakhstan	N_2^*	$F_2=0.250$	$N_{12}^* = \begin{cases} N_2^* F_2, & \text{если } N_2^* F_2 \leq y_2^* \\ y_2^*, & \text{если } N_2^* F_2 > y_2^* \end{cases}$
3	Republic of Armenia	N_3^*	$F_3=0.100$	$N_{13}^* = \begin{cases} N_3^* F_3, & \text{если } N_3^* F_3 \leq y_3^* \\ y_3^*, & \text{если } N_3^* F_3 > y_3^* \end{cases}$
4	Republic of Belarus	N_4^*	$F_4=0.038$	$N_{14}^* = \begin{cases} N_4^* F_4, & \text{если } N_4^* F_4 \leq y_4^* \\ y_4^*, & \text{если } N_4^* F_4 > y_4^* \end{cases}$
5	Republic of Kyrgyzstan	N_5^*	$F_5=0.012$	$N_{15}^* = \begin{cases} N_5^* F_5, & \text{если } N_5^* F_5 \leq y_5^* \\ y_5^*, & \text{если } N_5^* F_5 > y_5^* \end{cases}$

Source: Compiled by the author.

Table 3

The volume of labor resources of the states employed in the second state for a variational series

Number in the variant number (12)	State name/ country	The volume of youth employed in the state	Fishburne rating	The volume of labor resources of the states employed in the second state for a variational series
1	Russian Federation	N_1^*	$F_1=0.600$	$N_{11}^* = \begin{cases} N_1^* F_1, & \text{если } N_1^* F_1 \leq K_1^*(1) \\ K_1^*(1), & \text{если } N_1^* F_1 > K_1^*(1) \end{cases}$
2	Republic of Kazakhstan	N_2^*	$F_2=0.250$	$N_{12}^* = \begin{cases} N_2^* F_2, & \text{если } N_2^* F_2 \leq K_2^*(1) \\ K_2^*(1), & \text{если } N_2^* F_2 > K_2^*(1) \end{cases}$
3	Republic of Armenia	N_3^*	$F_3=0.100$	$N_{13}^* = \begin{cases} N_3^* F_3, & \text{если } N_3^* F_3 \leq K_3^*(1) \\ K_3^*(1), & \text{если } N_3^* F_3 > K_3^*(1) \end{cases}$
4	Republic of Belarus	N_4^*	$F_4=0.038$	$N_{14}^* = \begin{cases} N_4^* F_4, & \text{если } N_4^* F_4 \leq K_4^*(1) \\ K_4^*(1), & \text{если } N_4^* F_4 > K_4^*(1) \end{cases}$
5	Republic of Kyrgyzstan	N_5^*	$F_5=0.012$	$N_{15}^* = \begin{cases} N_5^* F_5, & \text{если } N_5^* F_5 \leq K_5^*(1) \\ K_5^*(1), & \text{если } N_5^* F_5 > K_5^*(1) \end{cases}$

Source: Compiled by the author.

- 6) to determine the remains of the volume K_j of labor resources in the states:
 $K_j^*(2) = K_j^*(1) - N_{1j}^*$, $j = 1, 2, 3, 4, 5$;
 7) make variation series (13) for the third in a row (12) states;
 8) make Table 4;
 9) to conduct similar constructions for the fourth and fifth in the variation series (12) of the states.

Table 4

The volume of labor resources of the states employed in the third for the variational series of the state

Number in the variant number (12)	State name/ country	The volume of youth employed in the state	Fishburne rating	The volume of labor resources of the states employed in the third for the variational series of the state
1	Russian Federation	N_1^*	$F_1=0.600$	$N_{11}^* = \begin{cases} N_1^*F_1, & \text{если } N_1^*F_1 \leq K_1^*(2) \\ K_1^*(2), & \text{если } N_1^*F_1 > K_1^*(2) \end{cases}$
2	Republic of Kazakhstan	N_2^*	$F_2=0.250$	$N_{12}^* = \begin{cases} N_2^*F_2, & \text{если } N_2^*F_2 \leq K_2^*(2) \\ K_2^*(2), & \text{если } N_2^*F_2 > K_2^*(2) \end{cases}$
3	Republic of Armenia	N_3^*	$F_3=0.100$	$N_{13}^* = \begin{cases} N_3^*F_3, & \text{если } N_3^*F_3 \leq K_3^*(2) \\ K_3^*(2), & \text{если } N_3^*F_3 > K_3^*(2) \end{cases}$
4	Republic of Belarus	N_4^*	$F_4=0.038$	$N_{14}^* = \begin{cases} N_4^*F_4, & \text{если } N_4^*F_4 \leq K_4^*(2) \\ K_4^*(2), & \text{если } N_4^*F_4 > K_4^*(2) \end{cases}$
5	Republic of Kyrgyzstan	N_5^*	$F_5=0.012$	$N_{15}^* = \begin{cases} N_5^*F_5, & \text{если } N_5^*F_5 \leq K_5^*(2) \\ K_5^*(2), & \text{если } N_5^*F_5 > K_5^*(2) \end{cases}$

Source: Compiled by the author.

Table 5

The national composition of youth employed in each state of the EAEU and the volume of unemployed labor resources of the states

Number	State name/ country	The volume of youth employed in the state	The ethnic composition of youth employed in each EAEU state					The volume of non-labor resources
			N_1	N_2	N_3	N_4	N_5	
1	Russian Federation	N_1	N_{11}	N_{12}	N_{13}	N_{14}	N_{15}	$K_1(5)$
2	Republic of Kazakhstan	N_2	N_{21}	N_{22}	N_{23}	N_{24}	N_{25}	$K_2(5)$
3	Republic of Armenia	N_3	N_{31}	N_{32}	N_{33}	N_{34}	N_{35}	$K_3(5)$
4	Republic of Belarus	N_4	N_{41}	N_{42}	N_{43}	N_{44}	N_{45}	$K_4(5)$
5	Republic of Kyrgyzstan	N_5	N_{51}	N_{52}	N_{53}	N_{54}	N_{55}	$K_5(5)$

Source: Compiled by the author.

As a result of the considered procedure, the ethnic composition of the youth employed in each EAEU state and the volume of unemployed labor resources of the states is determined (Table 5). These volumes are equal to the values $K_1^*(5)$, $K_2^*(5)$, $K_3^*(5)$, $K_4^*(5)$, $K_5^*(5)$ (Table 4) obtained during the fifth iteration.

Conclusion

In general, the considered model makes it possible to predict the youth policy determined by the EAEU states, the distribution of youth labor resources, and possible levels of unemployed labor resources. Therefore, it provides a macroeconomic assessment of the volume of youth labor migration in the EAEU states. The results of this assessment can be used to shape a rational youth policy of the EAEU.

References

- Anisiforov A.B., Il'in I.V., Silkina G.Yu., Yur'ev V.N. (2012). *Innovative development of the industrial cluster*: monograph. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G. (2007). Optimization model of the distribution of renewable resources in the management of economic systems. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (1), 49–54. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Arslanov R.F., Arslanova A.P., Bogoeva E.M., Goloskokov V.I., Lipatova N.G., Popov V.V., Saurenko T.N., Tebekin A.V. (2015). *Economic and customs risk management*. Moscow: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Gapov M.R., Rodionova E.S., Saurenko T.N., Silkina G.Yu., Tebekin A.V. (2017). *Strategic innovation management: analysis, planning, modeling, decision-making, organization, evaluation*. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Kokhanova N.M., Mal'kova A.L. (2016). The choice of the structure of production functions based on the synthesis of non-alternative statistical hypotheses. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (4), 74–79. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Saurenko T.N. (2015). Methodological bases for assessing the stability of customs unions. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2(19), 44–46. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Gorbato M.Yu., Saurenko T.N. (2013). Model of dynamics of indicators of economic development of interacting states. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (2), 33–44. (In Russ.)
- Balyasnikov V.V., Vedernikov Yu.V. et al. (2015). Model of causal analysis based on the use of data about special situations. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu*, 1–2(79–80), 31–38. (In Russ.)
- Blau S.L., Mantusov V.B., Novikov V.E., Petrov V.S., Tebekin A.V., Tebekin P.A. et al. (2017). *Innovation Management*. Moscow: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya. (In Russ.)
- Boiko A.P., Kalinina O.V., Karpov V.A., Lobas E.V. et al. (2008). *Introduction to economic risk management*. Moscow. (In Russ.)
- Chernysh A.Ya. et al. (2006). *Efficiency of investments. Methodological and methodological foundations*. Moscow: Voennaya Ordena Lenina, Krasnoznamennaya, Ordena Suvorova Akademiya General'nogo shtaba vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii. (In Russ.)
- Chvarkov S.V. (2016). Economic policy in the system of national security of the Russian Federation. *Natsional'nye priority Rossii*, 3(21), 22–32. (In Russ.)

- Chvarkov S.V., Kharchekno E.B. et al. (2017). The Generalized Indicator of the Effectiveness of Interaction between Federal Executive Bodies in Solving the Problems of Ensuring the National Security of a State. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu*, 5–6 (107–108), 101–106. (In Russ.)
- Il'in I.V. et al. (2018). *Mathematical methods and tools for evaluating the effectiveness of investments in innovative projects*. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Likhacheva O.A. et al. (2014). Methodology of a posteriori performance evaluation of scientific and scientific-pedagogical departments of higher educational institutions. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (1), 27–32. (In Russ.)
- Lipatova N.G., Chernysh A.Ya. et al. (2011) *The use of mathematical methods for dissertation research*. Moscow: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya. (In Russ.)
- Rodionova E.S., Saurenko T.N., Tebekin A.V., Tebekin P.A. et al. (2016). *Theoretical Foundations of Innovation Management*. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Saurenko T.N. et al. (2019). Methodical approach to modeling the formation of plans for innovative development of enterprises. *Zhurnal issledovaniy po upravleniyu*, 5(1), 65–72. (In Russ.)
- Serba V.Ya. (2014). The development of female entrepreneurship in the Russian Federation in the post-crisis period. In L.I. Smirnova (ed.), *Gosudarstvennoe upravlenie i sotsial'nokul'turnaya sfera v XXI veke: zakonmernosti i osobennosti funktsionirovaniya, traditsii i innovatsii: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 126–129). (In Russ.)
- Serba V.Ya., Noskov G.E. (2015). *Personality activity factors of economic training in the system of higher education: monograph*. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Silkina G.Yu. (2010). Regional Aspects of Innovation Development. *Innovatsii v upravlenii regional'nym i otraslevym razvitiem: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 146–151). Tyumen'. (In Russ.)
- Silkina G.Yu. (2018). Tools and methods of project management of cultural and humanitarian business support in the fuel and energy sector. In V.V. Plenkina (ed.), *Innovatsii v upravlenii regional'nym i otraslevym razvitiem: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 161–165). (In Russ.)
- Silkina G.Yu., Shevchenko S.Yu. (2018). Capital of public acceptability as a tool for managing business internationalization processes. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*, 3(1), 216–221. (In Russ.)

Article history:

Received: 12.04.2019

Revised: 30.05.2019

Accepted: 20.07.2019

For citation:

Veselko A.A. (2019). Methodical approach to assessing the volume of youth labour migration in the states of the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 576–586. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-576-586>

Bio note:

Alena A. Veselko, assistant of the Customs Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: petrochenko-aa@rudn.ru

Методический подход к оценке объемов трудоустройственной миграции молодежи в государствах ЕАЭС

А.А. Веселко

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Трудовая миграция играет немаловажную роль в социально-экономическом развитии любого государства. Это связано с тем, что она оказывает влияние как на структуру, так и на численность, на социальную и хозяйственную сферы жизни общества. Следовательно, миграционные процессы необходимо отслеживать, так как в дальнейшем это может положительно сказаться на экономическом росте страны. В статье предложена модель для макроэкономической оценки объемов трудовой миграции молодежи в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основу модели составляет представление трудовой миграции в виде случайного марковского процесса с дискретными состояниями и непрерывным временем. Состояния цепи интерпретируются как рынки труда молодежи соответствующих государств ЕАЭС, а интенсивности переходов отражают привлекательность этих рынков для молодежи различных государств, что позволяет учесть присущие процессу миграции молодежи неопределенность и инерционность.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; рынки труда; молодежная трудовая миграция; методический подход; прогнозирование; оценка

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.04.2019

Дата проверки: 30.05.2019

Дата принятия к печати: 20.07.2019

Для цитирования:

Veselko A.A. Methodical approach to assessing the volume of youth labour migration in the states of the Eurasian Economic Union (Методический подход к оценке объемов трудовой миграции молодежи в государствах ЕАЭС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 576–586. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-576-586>

Сведения об авторе:

Веселко Алена Александровна, ассистент кафедры таможенного дела, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: petrochenko-aa@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-587-603
UDC 339.5

Research article

Trade in services of member states of the Eurasian Economic Union

Kuanysh N. Yelikbaev

Eurasian Economic Commission
3/5 Smolensky Blvd., bldg. 1, Moscow 119121, Russian Federation

Abstract. The Treaty on the Eurasian Economic Union, which became effective since January 1, 2015, establishes the principles and the purposes of integration consolidation and also provides free movement of goods, services, the capital and labor power in the internal market and coordinated, approved, uniform to policy in the designated spheres of economic activity. In the article, the analysis of foreign and internal trade in services in the Eurasian Economic Union is given. The structure and import volume and export of member countries of EAEU are considered. The relevance of a subject is connected with the fact that free movement of services is one of the main directions of integration within the Eurasian Economic Union. As a result of the conducted research, the corresponding conclusions were drawn on leaders in volume among EAEU member countries. Top trends and problems of development of trade in services of member countries are revealed.

Keywords: Eurasian Economic Union; a single market of services; trade in services; economic integration; international trade

Introduction

On May 29, 2014, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation signed the Treaty on the Eurasian Economic Union, which entered into force on January 1, 2015 (Treaty on the EAEU). Since January 2, 2015, the Republic of Armenia joined the Treaty on the EAEU (Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014), from August 12, 2015 – the Kyrgyz Republic (Treaty on the Accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014). The EAEU Treaty was the result of two years of codification of international treaties within the framework of a single economic space.

The Treaty on the EAEU established the Eurasian Economic Union (EAEU) as an international organization of regional economic integration with international legal personality. One of the main objectives of the EAEU is the desire to create a single market for goods, services, capital, and labor within the union.

© Yelikbaev K.N., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

According to the Treaty on the EAEU, the “EAEU Single Market of Services” (Legal portal of the Eurasian Economic Union, 2011) is understood as a market situation of services within the specific sector in which each state member grants to persons of any other state member the right on:

- 1) supply and receipt of services without any restrictions, exceptions and additional requirements;
- 2) supply of services without an additional institution in the form of a legal entity;
- 3) supply of services based on a permit for the supply of services received by a service provider in the territory of its Member State;
- 4) recognition of the professional qualifications of the personnel of the service supplier.

Today, the EAEU has been operating since January 1, 2015, EAEU Single Market of Services has been created in 52 sectors, and therefore, the analysis of trade in services (external and internal) of the EAEU member states presented in this article that could show whether efforts to create a single EAEU services market have a practical impact on increasing internal trade in services.

Literature review

Within the functioning of the WTO, it should be noted the general agreement on trade in services (further – the Agreement; became effective in January 1995) representing the body of principles and rules of trade in services. The purpose of this Agreement is the creation of a multilateral system of the principles and rules of trade in services for the expansion of such trade on the terms of transparency and purchasing liberalization and as means of assistance to the economic growth of all trading partners, to development of developing countries. The scope of the Agreement extends to the measures of the countries of the WTO affecting trade in services (Legal portal of The World Trade Organization, 1995).

Trade in services within the Eurasian Economic Union is not highlighted in publications of domestic and foreign authors not often. However, this fact does not reduce the importance and relevance of this subject and allows completing studying this problem. One of the innovators in the question of trade in services in the Eurasian Economic Union is A. Zhurova with the work “Trade in services in the Eurasian Economic Union. The education guidance” (Zhurova, 2016) in which questions of the service industry liberalization, features of regulation of international trade in services within the WTO, trade in services in the European Union, NAFTA, MERCOSUR are considered. Special attention is paid to the creation of the domestic market of EAEU.

The methodology of the study

During the research, EAEU and member countries' legal acts were used, as well as comparative, analytical, statistical, descriptive, historical, systematic research methods.

Results

The Supreme Eurasian Economic Council approves the single market of services within the union and today consists of 52 sectors (Information and legal system of regulatory legal acts..., 2014) that by different calculations is estimated at 50–55% of all sectors of services.

The author considered the dynamics of foreign trade in services of EAEU member states with third countries and the dynamics of internal trade in services between EAEU member states during the period of the EAEU functioning.

Concerning foreign trade in services, Article 38 of the EAEU Treaty establishes that the Member States shall coordinate trade in services with third parties, while this coordination, however, shall not imply any supranational jurisdiction of the union in this sphere.

Thus, we can say that foreign trade in services has been preserved in the national competence of member states. In particular, an example of this is the dissemination of section 8 “Trade in services, investments, and movement of persons” of the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the Socialist Republic of Vietnam, on the other hand, only to the Russian Federation and Vietnam (Legal portal of the Eurasian Economic Union, 2015). To assess the potential of foreign trade in services of EAEU countries, we consider the dynamics of trade in services of EAEU member states with third countries in 2015–2018 (Table 1).

Table 1

Dynamics of trade in services of EAEU member states with third countries, 2015–2017, million dollars

Indicator	2015	2016	2017	Growth (decrease) 2017 to 2015, %
<i>Export of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	4 845.30	5 086.80	5 604.70	15.7%
Republic of Kazakhstan	4 284.70	4 529.90	4 653.30	8.6%
The Kyrgyz Republic*	–	325.60	294.10	–
Russian Federation	32 836.80	47 016.40	53 501.90	62.9%
EAEU**	41 966.80	56 958.70	64 054.00	52.6%
<i>Import of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	3 109.7	3 123.9	3 234.9	4.0%
Republic of Kazakhstan	9 441.3	9 014.0	8 541.5	–9.5%
Kyrgyz Republic	н.д.	522.6	428.2	–
Russian Federation	85 353.30	71 476.50	85 234.30	–0.1%
EAEU	97 904.30	84 137.00	97 438.90	–0.5%

Table 1, ending

Indicator	2015	2016	2017	Growth (decrease) 2017 to 2015, %
<i>Turnover of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	7 955.00	8 210.70	8 839.60	11.1%
Republic of Kazakhstan	13 726.00	13 543.90	13 194.80	–3.9%
Kyrgyz Republic	–	848.20	722.30	–
Russian Federation	118 190.10	118 492.90	138 736.20	17.4%
EAEU	139 871.10	141 095.70	161 492.90	15.5%

Note: * data for the Kyrgyz Republic are given since 2016; ** no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Table 2 shows the share of trade in services with third countries in the aggregate trade indicators of the EAEU countries since the creation of integration.

Table 2

**Share of trade in services with third countries in the total volume of trade
in services of the EAEU countries, 2015–2017, %**

Indicator	2015	2016	2017	Change of 2017 to 2015, %
<i>Export of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	73.1%	74.5%	71.5%	–1.5%
Republic of Kazakhstan	66.2%	71.8%	72.3%	6.1%
The Kyrgyz Republic*	–	38.7%	35.7%	–
Russian Federation	88.2%	92.8%	92.7%	4.4%
EAEU**	83.4%	88.1%	88.0%	4.6%
<i>Import of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	70.8%	71.9%	67.4%	–3.4%
Republic of Kazakhstan	81.5%	81.5%	78.7%	–2.8%
Kyrgyz Republic	–	50.0%	46.8%	–
Russian Federation	96.2%	95.9%	96.0%	–0.2%
EAEU	93.5%	92.4%	92.5%	–1.0%

Table 2, ending

Indicator	2015	2016	2017	Change of 2017 to 2015, %
<i>Turnover of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	72.2%	73.5%	70.0%	–2.2%
Republic of Kazakhstan	76.0%	78.0%	76.3%	0.3%
Kyrgyz Republic	–	45.0%	41.5%	–
Russian Federation	93.8%	94.6%	94.7%	0.9%
EAEU	90.2%	90.6%	90.6%	0.4%

Note: * data for the Kyrgyz Republic are given since 2016; ** no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Conclusions follow from the provided data:

1. Dynamics of trade in services with the third countries (foreign trade in services) of EAEU is specified:

– significant increase in export of services to the third countries (for 52.6% in 2017 in comparison with 2015) – generally due to growth of trade in services of Russia with the third countries (up for 62.9%). At the same time, higher growth rates of trade with third countries as a whole are observed compared with trade between EAEU countries (Chernova et al., 2019);

– the volume of service import from the third countries decreased (by 0.5% in 2017 in comparison with 2015) – Kazakhstan made the main contribution to decreasing in the import of services from the third countries in EAEU – decrease in import of services in 2017 in comparison with 2015 was 9.5% or 899.8 mln USD;

– prevailing trends in the dynamics of exports and imports determined the status of services turnover with third countries: it increased by 15.5% in 2017 compared to 2015. Negative dynamics of service turnover with third countries was typical only for Kazakhstan, with the turnover decreased by 3.9% in 2017 compared to 2015.

Trade in services with third countries should be considered as the main driver for internal trade in services in the EAEU as part of a single service market creation. So, under “ideal” conditions, a decrease in the turnover of services with third countries should be accompanied by an increase in internal trade in services volume, and vice versa. At the same time, it should be noted that the decline in imports could have occurred for many other reasons (not only in connection with the replacement of imports of services from third countries by internal trade in services): unstable rates of national currencies, lack of need for specific types of services, etc.

2. The second group of trends in trade in services with third countries was quantitatively reflected in Table 1, from which the following main conclusions can be drawn:

– in the period under review, there was an increase in the share of services exports in the total volume of exports of services of EAEU countries to third countries by 4.6%. Trade in services of the Kyrgyz Republic, which acceded to the Agreement on August 12, 2015, is characterized by the smallest share of export of services to third countries, 2.5 times lower than the average share of export of services to third countries in the EAEU (35.7% in 2017 in the Kyrgyz Republic compared with 88% in the EAEU as a whole). Thus, even at the time of the creation of the EAEU, trade in services of individual countries in terms of their exports was characterized by a low level of involvement in economic relations with third countries and, accordingly, significant prerequisites for creating an internal services market (Eurasian Economic Commission, 2018–2019);

– a significant share of imports of services from third countries to the EAEU (92.5% in 2017) was formed mainly due to the contribution of imports of Russian services from third countries (96% in 2017). Thus, this is another confirmation that the main intra-territorial segment of the single services market and the source of its development in terms of their imports is Russia (Andronova, 2016);

– in 2017, there was a slight increase in the share of services turnover in third countries (by 0.4% compared to 2015). In a situation where 85.9% (in 2017) of trade in services with third countries falls on Russia, the further development of the foreign trade in services of the EAEU will be determined by the trends in this state.

Consider some indicators of internal trade in services in the EAEU since the creation of the union (Table 3).

Table 3

Internal trade in services of EAEU member states, 2015–2017

Indicator	2015	2016	2017
<i>Export of services</i>			
Republic of Armenia	–	–	–
Republic of Belarus	1 786.10	1 740.20	2 229.60
Republic of Kazakhstan	2 191.20	1 777.10	1 785.60
The Kyrgyz Republic*	–	515.50	529.60
Russian Federation	4 379.10	3 660.80	4 227.90
EAEU **	8 356.40	7 693.60	8 772.70
<i>Import of services</i>			
Republic of Armenia	–	–	–
Republic of Belarus	1 280.0	1 223.3	1 563.0
Republic of Kazakhstan	2 141.0	2 048.8	2 316.3
Kyrgyz Republic	–	521.9	487.6
Russian Federation	3 414.70	3 090.50	3 590.20
EAEU	6 835.70	6 884.50	7 957.10

Table 3, ending

Indicator	2015	2016	2017
<i>Turnover of services</i>			
Republic of Armenia	–	–	–
Republic of Belarus	3 066.10	2 963.50	3 792.60
Republic of Kazakhstan	4 332.20	3 825.90	4 101.90
Kyrgyz Republic	–	1 037.40	1 017.20
Russian Federation	7 793.80	6 751.30	7 818.10
EAEU	15 192.10	14 578.10	16 729.80

Note: * data for the Kyrgyz Republic are given since 2016; ** no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

In the structure of internal trade, the bulk of cross-border mutual payments for services rendered falls to the most powerful economies – the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Although the previous is quite natural, we note that a *decrease in the aggregate share of these countries in mutual trade is definite* (Figure 1). Thus, there is a geographical diversification of trade in services, a decrease in the dependence of the state of the single service market on a narrow group of countries.

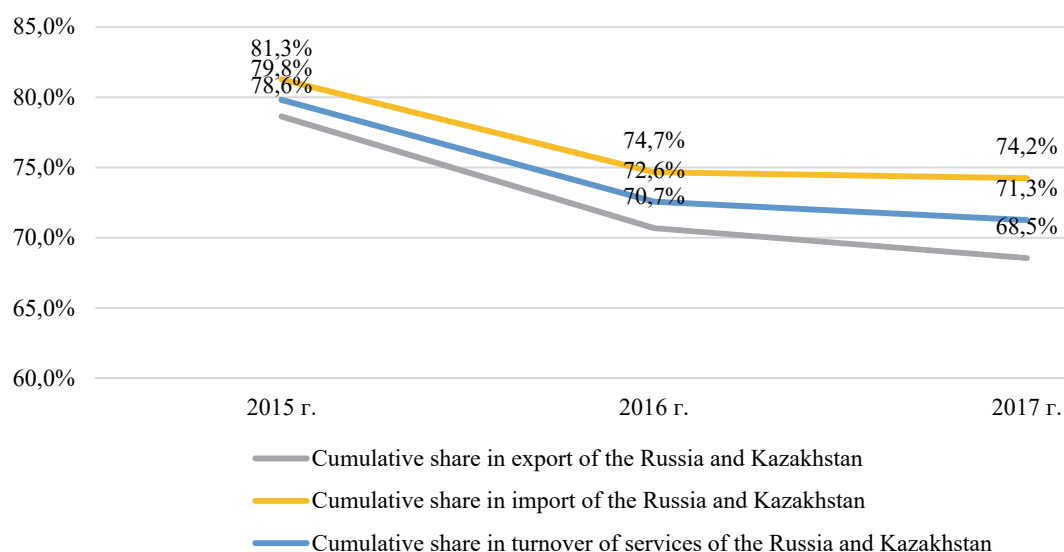

Figure 1. The share of the largest economies of the EAEU (the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan) in the structure of internal trade in services (the ratio of internal trade in services in two countries to the total volume of internal trade in services in the EAEU), 2015–2017, %

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Table 4 shows the data characterizing the share of internal trade in EAEU services in the total trade turnover of integration since its inception.

Table 4

**The share of internal trade in services of EAEU countries
in the total integration turnover, 2015–2017, %**

Indicator	2015	2016	2017	Change of 2017 to 2015, %
<i>Export of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	26.9%	25.5%	28.5%	1.5%
Republic of Kazakhstan	33.8%	28.2%	27.7%	–6.1%
The Kyrgyz Republic*	–	61.3%	64.3%	–
Russian Federation	11.8%	7.2%	7.3%	–4.4%
EAEU **	16.6%	11.9%	12.0%	–4.6%
<i>Import of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	29.2%	28.1%	32.6%	3.4%
Republic of Kazakhstan	18.5%	18.5%	21.3%	2.8%
Kyrgyz Republic	–	50.0%	53.2%	–
Russian Federation	3.8%	4.1%	4.0%	0.2%
EAEU	6.5%	7.6%	7.5%	1.0%
<i>Turnover of services</i>				
Republic of Armenia	–	–	–	–
Republic of Belarus	27.8%	26.5%	30.0%	2.2%
Republic of Kazakhstan	24.0%	22.0%	23.7%	–0.3%
Kyrgyz Republic	–	55.0%	58.5%	–
Russian Federation	6.2%	5.4%	5.3%	–0.9%
EAEU	9.8%	9.4%	9.4%	–0.4%

Note: * data for the Kyrgyz Republic are given since 2016; ** no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Conclusions that indirectly characterize the efficiency of measures for the formation of the uniform market of services of EAEU follow from the data provided in Table 4. The emerging trends are “symmetrical” to the trends prevailing in trade in services with third countries. So, a decrease in the share of internal ex-

port of services from 16.6% in 2015 up to 12% in 2017 in the cumulative export of services of the countries of EAEU is observed. The largest economies made the most significant contribution to decrease in a share of internal export of services of EAEU: in Russia decreased in the called indicator in 2017 in comparison with 2015 was 4.4%, in Kazakhstan – 6.1%. We believe, in this regard, that even provided that four rather small economies of EAEU cannot make full foreign market of sale of services for the Russian economy, low share of internal export of Russia in EAEU (7.3% in 2017) is in many respects caused by the existing barriers of creation of the uniform market of services (Functioning of domestic market..., 2017).

Besides, the EAEU member states fixed the Individual national lists of restrictions, exceptions, additional requirements, and conditions Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 112, 2014): for the Republic of Kazakhstan – 30; for the Republic of Belarus – 28; for the Russian Federation – 38; for the Republic of Armenia – 9; for the Kyrgyz Republic – 13.

Undoubtedly, many of these restrictions are a significant reason for the current situation in trade in services within the EAEU.

Regarding integration import of services to EAEU, the positive dynamics connected with an increase in its share in the aggregate turnover of the countries of EAEU by 1% in 2017 in comparison with 2015 is observed. We will note heterogeneity in structure of internal import of services in the countries of EAEU (Figure 2) that is predetermined not only by the sizes of the corresponding economy, but also a condition of implementation of measures for elimination of barriers of development of internal trade in services and formations of the uniform market of services.

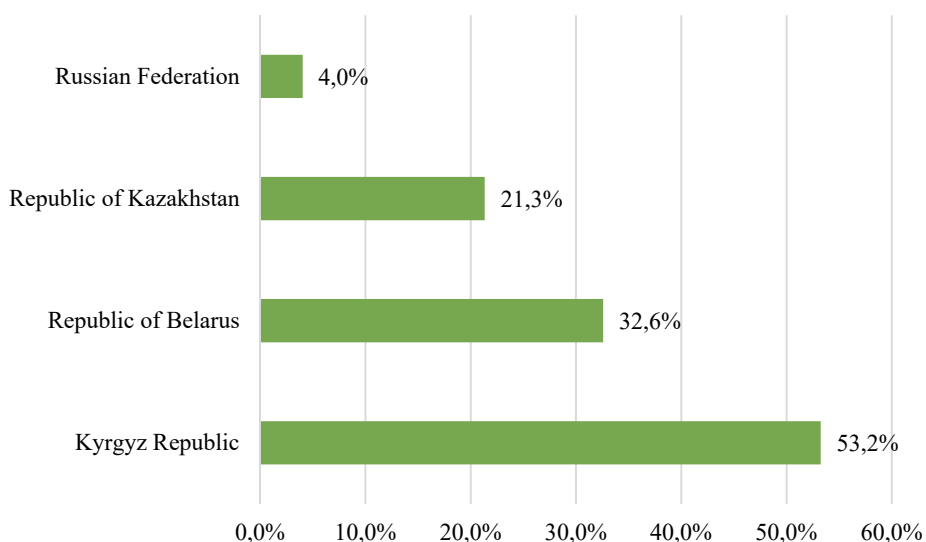

Figure 2. Share of internal imports of services (ratio of internal trade in services to total internal and foreign trade in services) by EAEU countries, 2017

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Analyzing the reasons for the developing trends, we will pay attention also to the industry structure of internal trade in services for the considered period. In the structure of internal trade in services of EAEU by their types of transport services, trips, and other business services (Table 5) prevail.

Table 5

Internal trade in services in the EAEU by type, 2015–2017, million dollars*

Indicator	2015	2016	2017
Export			
Other material processing services	189.6	218.6	280.3
Maintenance and Repair	321.6	272.8	406.2
Transport services	2 324.2	2 072.4	2 203.3
Trips	6 462.0	21 697.5	24 804.1
Construction services	694.9	615.0	1 037.0
Insurance and services of private pension funds	34.1	33.9	44.2
Financial services	150.7	153.7	140.6
Intellectual Property Fee	166.7	81.2	85.8
Telecommunication, computer and information services	565.5	529.3	524.1
Other business services	1 010.0	922.1	951.0
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	46.6	54.7	84.1
Government goods and services not elsewhere classified	29.9	33.3	21.2
Not distributed by service	0.0	34.4	52.7
Import			
Other material processing services	151.1	223.9	292.1
Maintenance and Repair	253.9	253.1	314.5
Transport services	1 566.4	1 629.8	1 974.4
Trips	2 359.4	2 337.5	2 248.5
Construction services	708.8	740.0	1 182.9
Insurance and services of private pension funds	20.7	28.7	40.8
Financial services	137.6	123.5	120.5
Intellectual Property Fee	67.5	57.1	62.0
Telecommunication, computer and information services	591.5	506.9	526.7
Other business services	905.0	893.6	1 065.0
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	51.8	49.1	84.2
Government goods and services not elsewhere classified	22.0	22.7	24.7
Not distributed by service	0.0	18.6	20.8

Table 5, ending

Indicator	2015	2016	2017
Turnover			
Other material processing services	340.7	442.5	572.4
Maintenance and Repair	575.5	525.9	720.7
Transport services	3 890.6	3 702.2	4 177.7
Trips	5 182.0	5 009.7	5 190.7
Construction services	1 403.7	1 355.0	2 219.9
Insurance and services of private pension funds	54.8	62.6	85.0
Financial services	288.3	277.2	261.1
Intellectual Property Fee	234.2	138.3	147.8
Telecommunication, computer and information services	1 157.0	1 036.2	1 050.8
Other business services	1 915.0	1 815.7	2 016.0
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	98.4	103.8	168.3
Government goods and services not elsewhere classified	51.9	56.0	45.9
Not distributed by service	0.0	87.2	97.6

Note: data for the Kyrgyz Republic are given since 2016, no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Table 6

The share of internal trade in services of EAEU countries by type in the total integration turnover, 2015–2017, %

Indicator	2015	2016	2017
Export			
Total	16.6%	11.9%	12.0%
Other material processing services	16.1%	12.4%	16.4%
Maintenance and Repair	17.8%	15.2%	18.7%
Transport services	26.5%	8.7%	8.2%
Trips	26.4%	25.5%	24.6%
Construction services	13.8%	12.4%	17.6%
Insurance and services of private pension funds	4.8%	7.4%	10.1%
Financial services	12.0%	12.5%	11.7%
Intellectual Property Fee	22.2%	14.0%	11.2%
Telecommunication, computer and information services	11.1%	10.1%	8.4%
Other business services	7.4%	7.2%	7.0%
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	13.2%	12.6%	16.5%
Government goods and services not elsewhere classified	2.7%	3.1%	1.8%
Not distributed by service	0.0%	57.5%	67.3%

Table 6, ending

Indicator	2015	2016	2017
Import			
Total	6.5%	7.6%	7.5%
Other material processing services	75.3%	83.4%	90.5%
Maintenance and Repair	14.7%	13.1%	14.0%
Transport services	10.4%	10.9%	10.9%
Trips	6.2%	8.7%	6.6%
Construction services	9.4%	10.8%	16.6%
Insurance and services of private pension funds	1.4%	2.7%	3.1%
Financial services	5.7%	4.6%	4.4%
Intellectual Property Fee	1.1%	1.1%	1.0%
Telecommunication, computer and information services	9.7%	8.4%	8.9%
Other business services	3.8%	4.0%	4.4%
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	4.4%	4.4%	5.4%
Government goods and services not elsewhere classified	1.3%	1.3%	1.6%
Not distributed by service	0.0%	23.1%	22.4%
Turnover			
Total	9.8%	9.4%	9.4%
Other material processing services	24.7%	21.9%	28.1%
Maintenance and Repair	16.3%	14.1%	16.3%
Transport services	16.3%	9.6%	9.3%
Trips	10.7%	13.4%	11.3%
Construction services	11.2%	11.5%	17.0%
Insurance and services of private pension funds	2.5%	4.2%	4.9%
Financial services	7.9%	7.1%	6.6%
Intellectual Property Fee	3.5%	2.4%	2.1%
Telecommunication, computer and information services	10.3%	9.2%	8.6%
Other business services	5.2%	5.2%	5.3%
Services to individuals and services in the field of culture and leisure	6.4%	6.7%	8.2%
Government goods and services not elsewhere classified	1.8%	2.0%	1.7%
Not distributed by service	0.0%	37.8%	43.0%

Note: data for the Kyrgyz Republic are given since 2016, no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed July 14, 2019).

The share of each type of service in their total turnover is given in Table 6.

Apparently, most of the countries of EAEU succeeded in internal trade in services in such industries as services in processing of the material resources belonging to other parties (28.1% of internal trade in the total turnover of services for 2017), construction services (17% in 2017), technical maintenance and repair (16.3% in 2017), trips (11.3%). The other industries of services are characterized by values below 10% or instability during the functioning of EAEU. The revealed trends can characterize insufficient efficiency of the measures for forming the uni-

form market of services of the countries of EAEU undertaken in current conditions. This once again confirms that the main objective is to strengthen economic ties between the EAEU countries through the creation of common economic interests. Thus, by results of the carried-out analysis of a condition of the uniform market of services of the countries of EAEU from the moment of creation of this integration consolidation, trends which characterize the measures for forming of the uniform market of services undertaken by the countries as insufficiently active and demanding further improvement as the chosen course of development of the uniform market of services, and concrete measures for its forming were observed (Gusakov, Andronova, 2015).

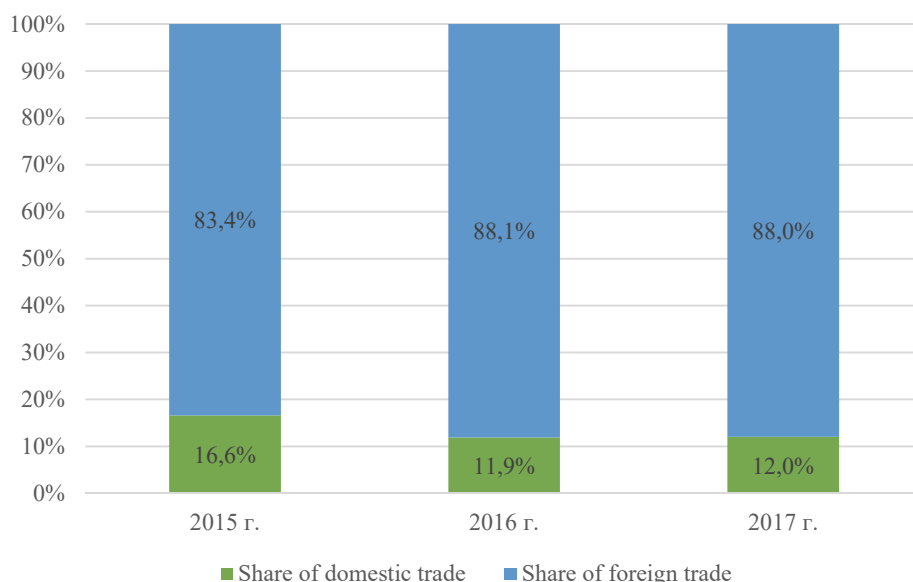

Figure 3. The ratio of the share of foreign and internal trade in services in the EAEU countries in terms of their exports, 2015–2017, %

Note: data for the Kyrgyz Republic are given since 2016, no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

For the analyzed period (from the moment of creation of EAEU), there was a decrease in a share of internal trade in services (their turnover – as the amounts of export and import of services) up to 9.4% in 2017 (in comparison with 9.8% in 2015). The lack of the full-fledged statistical base of particular countries of EAEU attracts attention that complicates the development of concrete measures for the development of the uniform market of services. For example, in the official generalized statistics of the countries of EAEU, there are no data on trade in services of the Republic of Armenia. Data of the Central Bank of a said country also do not give a picture of trade in services with the EAEU countries. In cost values increase in the volume of internal trade in services regarding their turnover at 1.5 bln USD in 2017, in comparison with 2015, is observed. The decrease in

a share of internal trade in services regarding their turnover is caused by high rates of a gain of trade in services with the third countries. Thus, it is possible to say that there is *a gradual replacement of internal trade in services external* that can be represented visually in a schedule type (Figures 3–5).

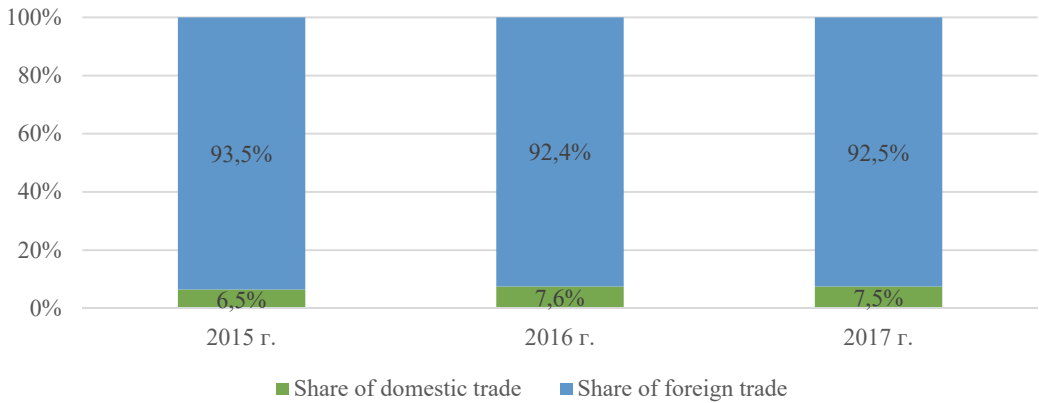

Figure 4. The ratio of the share of foreign and internal trade in services in the EAEU countries in terms of their imports, 2015–2017, %

Note: data for the Kyrgyz Republic are given since 2016, no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

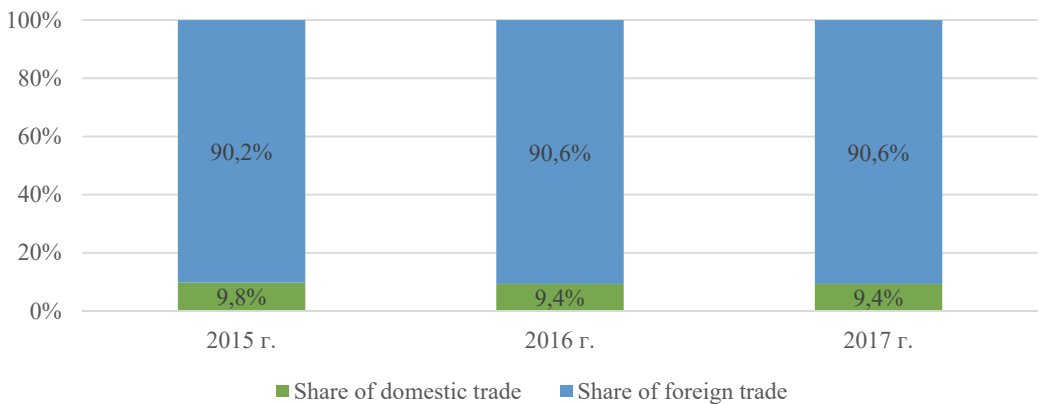

Figure 5. The ratio of the share of foreign and internal trade in services in the EAEU countries in terms of their turnover, 2015–2017, %

Note: data for the Kyrgyz Republic are given since 2016, no data for the Republic of Armenia.

Source: Eurasian Economic Commission. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. 2017. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).

Conclusion

Problems of forming the uniform market of services in the territory of EAEU are shown especially visually shown in the analysis of trends by the specific countries and the industries of services that were shown earlier in the industry and re-

gional analysis of forming of the uniform market of services of integration. The particular countries, first of all, the leading economies of EAEU, which form the main potential of development of the uniform market of services, are allocated.

Today EAEU member countries not fully managed to overcome regulatory requirements and procedures in the market of the union that interferes with further market development of services. Within functioning of the uniform market of services in the territory of the countries of EAEU conditions for providing the free movement of services, diversification of business in the service industry have to be created, new types of business in the territory of the EAEU partner countries are created, additional investments into economies of the countries of EAEU at the expense of the direction of internal cash flows are involved.

References

- Andronova I. (2016). Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 11(2), 7–23. (In Russ.)
- Chernova V.Y., Degtereva E.A., Zobov A.M., Andronova I.V., Starostin V.S. (2019). Integration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU): The influence of macroeconomic and political factors. *Espacios*, 40(16), 8–14.
- Eurasian Economic Commission. (2017). *Export and import of services in the Eurasian Economic Union*. Statistical Bulletin. http://www.eurasiancommission.org/en/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Pages/default.aspx (accessed: 14.07.2019).
- Eurasian Economic Commission. (2018–2019). *Report on the results of the implementation of the Basic Guidelines for Macroeconomic Policy of the Member States of the Eurasian Economic Union for 2018–2019*. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/ConsultKomitet/Documents/%d0%9e%d1%82%d1%87%d0%b5%d1%82_2019.pdf (accessed: 08.10.2019).
- Functioning of domestic market: Portal of general information resources and open data. (2017). *The Report “On the work to identify and remove barriers, exemptions and restrictions on the domestic market of the Eurasian Economic Union for 2017”*. <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/documents.aspx> (accessed: 08.10.2019).
- Gusakov N.P., Andronova I.V. (2015). Prospects for the development of the Eurasian Economic Union in the context of foreign economic security of the Russian Federation. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, (1), 47–56. (In Russ.)
- Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. (2014). *Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 23, 2014 No. 110 “On approval of the list of sectors (subsectors) of services in which the single market for services operates within the Eurasian Economic Union”*. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/H14B0000110> (accessed: 04.08.2019).
- Legal portal of the Eurasian Economic Union. (2011). *Protocol on trade in services, institutions, activities, and investments (Appendix No. 16 to the Treaty on the Eurasian Economic Union)*. http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (accessed: 04.08.2019).
- Legal portal of the Eurasian Economic Union. (2015). *The Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the Socialist Republic of Vietnam, on the other hand, dated May 29, 2015*. http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0127918/iatc_02062015 (accessed: 04.08.2019).
- Legal portal of the Eurasian Economic Union. *Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014*. http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0047297/itia_11102014 (accessed: 04.08.2019).

Legal portal of the Eurasian Economic Union. *Treaty on the Accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014*. http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147066/itia_26122014 (accessed: 04.08.2019).

Legal portal of the Eurasian Economic Union. *Treaty on the Eurasian Economic Union*. http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (accessed: 04.08.2019).

Legal portal of The World Trade Organization (WTO). (1995). *General Agreement on Trade in Services (GATS)*. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats.pdf (accessed: 08.10.2019).

Zhurova A.V. (2016). *Torgovlya uslugami v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze* [Trade in Services in the Eurasian Economic Union]: tutorial. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.).

Article history:

Received: 04.08.2019

Revised: 07.09.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Yelikbaev K.N. (2019). Trade in services of member states of the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 587–603. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-587-603>

Bio note:

Kuanysh N. Yelikbayev, Deputy Director of Internal Markets Operation Department, Eurasian Economic Commission. E-mail: kuan1@mail.ru

Научная статья

Торговля услугами в странах Евразийского экономического союза

К.Н. Еликбаев

Евразийская экономическая комиссия

Российская Федерация, 119121, Москва, Смоленский бульвар, д. 3/5, стр. 1

Договор о Евразийском экономическом союзе, вступивший в силу 1 января 2015 г., устанавливает принципы и цели интеграции, особенности взаимодействия между странами – участницами союза, а также обеспечивает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы внутри союза. В статье дан анализ внешней и внутренней торговли услугами в Евразийском экономическом союзе. Рассмотрены структура, объемы импорта и экспорта стран – членов ЕАЭС. Актуальность темы связана с тем, что свободное движение услуг является одним из основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. В результате проведенного исследования выявлены лидеры по объему торговли услугами среди стран – членов ЕАЭС, а также основные тенденции и проблемы, затрудняющие развитие торговли услугами.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; единый рынок услуг; торговля услугами; экономическая интеграция; международная торговля

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 04.08.2019

Дата проверки: 07.09.2019

Дата принятия к печати: 15.09.2019

Для цитирования:

Yelikbaev K.N. Trade in services of member states of the Eurasian Economic Union (Торговля услугами в странах Евразийского экономического союза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 587–603. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-587-603>

Сведения об авторе:

Еликбаев Куаныш Нурланович, заместитель директора департамента функционирования внутренних рынков, Евразийская экономическая комиссия. E-mail: kuan1@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-3-604-607
УДК 339

Рецензия

Рецензия на монографию
**«Exploring the Future of Russia's Economy and Markets:
Towards Sustainable Economic Development»**
(ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.)

И.Д. Тургель

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Рецензируемая монография посвящена многостороннему анализу российской экономики и перспективам ее развития в современном мире. В книге дается глубокий анализ финансового и промышленного секторов экономики, промышленной политики, перспектив инновационной и зеленой экономики в России. Обсуждаются вопросы влияния санкций, перспективы развития новых индустрий на базе современных технологий в России.

Ключевые слова: Россия; устойчивое развитие; экономический рост; финансовые технологии; новые технологии; ТНК; инновации; глобальные цепочки добавленной стоимости; сценарии развития

В книге, написанной коллективом ученых при участии и под редакцией профессора Университета Мессины, исследователя Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета (Harvard Davis Center for Russian and Eurasian Studies) Бруно Серджи, выполнено многостороннее исследование современного состояния российской экономики и перспектив ее развития в меняющемся современном мире.

Основой для написания книги послужили доклады и обсуждение перспектив мировой и российской экономик на международном семинаре *New Reality and Russian Markets*, который был организован совместно с Российским университетом дружбы народов и Центром имени Дэвиса и проведен в Гарвардском университете в апреле 2017 г. Среди авторов – ученые из РУДН (С.А. Балашова, А.Э. Березин, Н.А. Волгина, Е.А. Дегтярева, А.М. Зобов, И.В. Лазанюк, В.М. Матюшок, В. Чернова, С.Ю. Черников), МГИМО (Б. Ананьев, Я. Ваславский), Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (А.В. Боговиз, Ю.В. Рагулина), НИУ ВШЭ (М. Кузык, Ю. Симачев), Волгоградского государственного технического университета (Е.Г. Попкова), Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

© Тургель И.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ханова (Е.В. Попова), Университета Нью-Йорка (Кэвин Чен), Университета Алабамы (Шахдад Нагшпур).

Первые главы книги посвящены развитию финансового сектора. В первой главе *How Can FinTech Impact Russia's Development?* исследованы вопросы сущности финансовых технологий, задачи, которые они могут решать, и важность их роли в современном мире. В этой главе дается не только обзор и анализ развития финансовых технологий в странах Востока и Запада, но и обозначены направления развития финтеха в России.

Роль коммерческих банков в современной экономике России, состояние и перспективы развития фондового рынка исследованы во второй и третьей главах.

Четвертая глава посвящена развитию индустрий будущего, доказывається, что фокусом современного развития российской экономики должны стать индустрии 4.0. Однако, как показано в пятой главе, современная промышленная политика государства не привела к существенному повышению инновационности российских предприятий. Авторами предлагаются некоторые инструменты промышленной политики, применение которых должно способствовать более активному инновационному развитию.

Вопросам инновационного развития, развития зеленой экономики, снижения потребления ресурсов и загрязнения окружающей среды посвящены отдельные главы книги.

Роль нефтегазового сектора остается неизменно высокой в российской экономике. Перспективам ее развития, в том числе в условиях западных санкций, посвящена одна из глав книги.

Санкции затронули не только российские компании, но и действующие в России иностранные и транснациональные компании. Авторы анализируют санкции как инструмент регулирования международных экономических отношений. Рассматривая российскую экономику как неотъемлемую часть мировой экономики, они показывают, как взаимные ограничительные меры наносят ущерб интересам всех сторон, вовлеченных в процесс.

Методология, основанная на таблицах «затраты – выпуск», использована автором двенадцатой главы для анализа участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС). Показано, что роль России в ГЦДС росла в последние десятилетия преимущественно за счет поставок нефти и газа. Будущие тенденции участия России в глобальных цепочках можно описать двумя сценариями. Первый основан на расширении прямого производственного участия с целью увеличения и диверсификации ненефтяного экспорта. Второй сценарий связан с продолжением участия минеральных ресурсов в ГЦДС, которые Россия реализует до сих пор. Оба сценария имеют свои плюсы и минусы, но автор показывает, что первый сценарий лучше соотносится с экономическими интересами России и устойчивым развитием.

Вопросам расчета и анализа сценариев развития российской экономики посвящена последняя глава книги. Результаты сценарных расчетов авторов показывают, что реализация целевого сценария экономического роста требует целенаправленных усилий по увеличению человеческого капитала, инвестиций в основной капитал и инновации, диверсификации экспорта и

достижению совершенства в качестве политических и экономических институтов. Устойчивый рост в 3 % в год в среднесрочной перспективе возможен только при реструктуризации экономики; в противном случае, даже при благоприятных условиях на товарных рынках и более высокой эффективности существующей экономической системы, невозможно достичь высоких темпов экономического роста, необходимых для существенного улучшения качества жизни.

Список литературы

Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: towards sustainable economic development / ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.

История статьи:

Дата поступления статьи: 26.05.2019

Дата принятия к печати: 15.06.2019

Для цитирования:

Тургель И.Д. Рецензия на монографию «Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development» (ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 3. С. 604–607. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-604-607>

Сведения об авторе:

Тургель Ирина Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: turgel@k96.ru

Review

Book Review of “Exploring the Future of Russia’s Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development” (ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.)

Irina D. Turgel

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

The monograph under review is devoted to a multilateral analysis of the Russian economy and the prospects for its development in the modern world. The book provides an in-depth analysis of the financial and industrial sectors of the economy, industrial policy, and opportunities for an innovative and green economy in Russia. Impacts of sanctions, the prospects for the development of new industries based on modern technologies in Russia are discussed.

Keywords: Russia; sustainable development; economic growth; financial technologies; new technologies; TNCs; innovations; global value chains; development scenarios

References

Sergi B.S. (ed.). (2019). *Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development*. Emerald Publishing Limited.

Article history:

Received: 26.05.2019

Accepted: 15.06.2019

For citation:

Turgel I.D. (2019). Book Review of “Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development” (ed. by Bruno S. Sergi. Emerald Publishing Limited, 2019. 288 p.). *RUDN Journal of Economics*, 27(3), 604–607. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-604-607>

Bio note:

Irina D. Turgel, Doctor of Economics, Full Professor, Deputy Director for Research, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: turgel@k96.ru

К авторам журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов – преподавателей, научных работников, аспирантов.

Журнал выходит 4 раза в год – в марте, июне, сентябре и декабре.

Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно, по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 3–4 месяца. Плата за публикацию не взимается. Важнейшее условие публикации – качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. РУКОПИСЬ

Направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму (<http://journals.rudn.ru>). Загружаемый в систему файл со статьей должен быть

представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество знаков в тексте можно узнать через меню Word («Файл» – «Просмотреть свойства документа» – «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлегии по рекомендации рецензента

1.2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «Найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно содержать и полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Копирайт, год, автор(ы) (имя, фамилия)

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Аннотация статьи должна быть (если работа оригинальная) структурированной: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение; содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) – чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста аннотации должен быть в пределах 200–300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной, быть грамотной с точки зрения английского языка и также включать 200–300 слов.

Keywords. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.3. Полный текст (на русском, английском, немецком, французском, испанском или последовательно на нескольких языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы:

- введение (обоснование);
- обзор литературы;
- методы и подходы;
- результаты;
- выводы/заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных, изменению их трактовки.

Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «Благодарности»). Пример: Участие авторов: Иванов И.И. – концепция и дизайн исследования; Петров П.П. – сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. – анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Библиографический список

Ссылки на источники в *пристатейном списке литературы* должны быть отсортированы по алфавиту и соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в круглых скобках в формате «(Автор, дата)».

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации или настоящая работа проведена на основе либо в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование желательно ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в «Списке литературы». В отличие от «Списка литературы», русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте – они должны быть написаны буквами романского алфавита:

– исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

– источники (или части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть приведены в транслитерации (см. ниже).

Все источники в References следует оформлять в стиле APA.

Статья на русском языке:

– авторы (транслитерация);

– заглавие статьи (транслитерация);

– [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

- название источника (транслитерация, курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык (для журналов можно не давать)];
- выходные данные только цифровые (без обозначения тома, номера и страниц – Vol., No., Pp. – на английском языке).

Пример:

Ivanov A. (2004). *Economicheskiy krizis [Economic crisis]. Ekonomika, 2(8), 17–36.*

Статья на английском, французском, немецком и других языках (латиница):

- авторы (англ., фр., нем. и др. яз.);
- заглавие статьи (англ., фр., нем. и др. яз.);
- название источника (англ., фр., нем. и др. яз., курсивом);
- выходные данные;
- если статья имеет DOI, обязательно (!) указать.

Примеры:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4), 53–57.* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4).* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703. Available at: название интернет-ресурса (accessed: 00.00.0000).

Подробные правила оформления библиографии можно найти на сайте журнала в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию ВСЕХ АВТОРОВ. Раздел должен содержать следующие данные о каждом авторе:

- ФИО (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (необходим для оперативной связи с автором, он не будет размещен в опубликованном варианте рукописи или передан третьим лицам);
- идентификаторы ORCID iD (см. подробнее – <http://orcid.org/>), eLIBRARY SPIN-код (см. подробнее – http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp), SCOPUS ID (см. подробнее – <https://www.scopus.com/freelookup/form/author.uri>).

3. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>

4. ТАБЛИЦЫ

Следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды – в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию – необходимо давать полноценный перевод на английский.

Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. РИСУНКИ

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды – на русском и английском языках. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке при необходимости может содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример: Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов [Figure 1. Dynamics of indicators of studied processes].

При наличии текста на изображении (например, в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка, в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в форматах *.jpeg, *.bmp, *.gif), а затем помещены в файл рукописи как цельный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS Word каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, скриншоты (отпечатки экранов мониторов) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx – если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть больше 300 dpi.

Файлу изображения необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуючную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно раздел «Этика научных публикаций»).

6. СОКРАЩЕНИЯ

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и рисункам с указанием использованных статистических критериев (методов) и параметров статистической вариабельности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность/недостоверность различий данных, представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. СООТВЕТСТВИЕ НОРМАМ ЭТИКИ

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, ее расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно принципы публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция, изложены на сайте журнала в разделе «Этические принципы журнала».

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в форматах *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи ВСЕХ АВТОРОВ рукописи.

Для статей студентов, магистрантов и аспирантов без ученой степени сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя.

Подготовка статьи

При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

1. *Отсутствие плагиата в тексте.* Авторы гарантируют, что статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

2. *Правильный формат.* Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF – *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

3. *Сопроводительные документы.* Авторы подготовили для передачи в редакцию сопроводительное письмо и обязуются загрузить его на сайт журнала на Шаге 4 в процессе отправки рукописи.

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ	на	газету журнал	36431
Вестник РУДН.			(индекс издания)
Серия: Экономика			
(наименование издания)			Количество комплектов

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

			ДОСТАВОЧНАЯ	36431
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА	(индекс издания)

газету
на журнал

Вестник РУДН.
Серия: Экономика

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере-адресовки	руб.	

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

город											
село											
почтовый индекс											
область											
район											
код улицы											
улица											
дом	корпус	квартира	фамилия, инициалы								